

ТЕРРИТОРИЯ

журнал исторических исследований

ТОМ 1

№ 1

2025

Территория:
ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Т. 1. № 1. 2025

Издается с 2025 года, выходит 4 раза в год
Учредитель - Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Выпускается на базе Института региональных исторических
исследований факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Е.М. Болтунова**; Заместитель главного редактора:
В.В. Боярченков; Ответственный секретарь: **Г.С. Егорова**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.Г. Акимов (Санкт-Петербургский государственный университет); **Г.О. Бабкова** (НИУ ВШЭ); **Н.А. Беляева** (Дальневосточный федеральный университет); **К.А. Болдовский** (Санкт-Петербургский институт истории РАН); **К.Д. Бугров** (Институт истории и археологии УрО РАН); **Р.Г. Гагкуев** (Российское историческое общество); **А.В. Ганин** (Институт славяноведения РАН); **Н.И. Горская** (Смоленский государственный университет); **Е.А. Крестьянников** (НИУ ВШЭ); **В.Н. Круглов** (Институт российской истории РАН); **А.И. Миллер** (Европейский университет в Санкт-Петербурге); **Б.Н. Миронов** (Санкт-Петербургский государственный университет); **Н. Наганава** (Университета Хоккайдо (Япония)); **А.В. Павлов** (НИУ ВШЭ); **В.С. Парсамов** (НИУ ВШЭ); **В. Сандерленд** (Университет Цинциннати (США)); **А.А. Селин** (НИУ ВШЭ); **К.А. Соловьев** (Институт российской истории РАН); **А.С. Туманова** (НИУ ВШЭ); **А.Т. Урушадзе** (Европейский университет в Санкт-Петербурге); **А.И. Филошкин** (Санкт-Петербургский государственный университет); **В.А. Шаповалов** (Белгородский государственный университет); **Д.Н. Шевелев** (Томский государственный университет); **Г.А. Янковская** (Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Адрес: 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, 21/4 стр. 1.
E-mail редакции: territory@hse.ru
Сайт: <https://territory.hse.ru>

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
Перепечатка материалов без разрешения правообладателей запрещена.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2025

Established in 2025, frequency – 4 issues per year

Founder – HSE University

Published by the Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, HSE University

EDITORIAL TEAM

Chief Editor: **Ekaterina M. Boltunova**; Deputy Chief Editor: **Vladyslav V. Boyarchenkov**; Executive Secretary: **Galina S. Egorova**

EDITORIAL COUNCIL

Yury G. Akimov (St. Petersburg State University); **Galina O. Babkova** (HSE University); **Natal'ya A. Belyaeva** (Far Eastern Federal University); **Kirill A. Boldovsky** (St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences); **Konstantin D. Bugrov** (Institute of History and Archeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences); **Ruslan G. Gagkuev** (Russian Historical Society); **Andrey V. Ganin** (Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences); **Natalya I. Gorskaya** (Smolensk State University); **Evgeny A. Krest'yannikov** (HSE University); **Vladimir N. Kruglov** (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); **Alexey I. Miller** (European University at St. Petersburg); **Boris N. Mironov** (St. Petersburg State University); **Norihiro Naganawa** (Hokkaido University (Japan)); **Alexander V. Pavlov A.B.** (HSE University); **Vadim S. Parsamov** (HSE University); **Willard Sunderland** (University of Cincinnati (USA)); **Adrian A. Selin** (HSE University); **Kirill A. Solovyev** (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); **Anastasiya S. Tumanova** (HSE University); **Amiran T. Urushadze** (European University at St. Petersburg); **Alexander I. Filyushkin** (St. Petersburg State University); **Vladimir A. Shapovalov** (The National Research University "Belgorod State University"); **Dmitry N. Shevelev** (National Research Tomsk State University); **Galina A. Yankovskaya** (Perm State National Research University)

Editorial Office Address:
Staraya Basmannaya Str. 21/4, block 1
105066 Moscow, Russia
E-mail: territory@hse.ru
Website: <https://territory.hse.ru>

Published materials have undergone the procedure of peer review and expert selection.
Reprinting of materials without the permission of copyright holders is prohibited.

© HSE University, 2025

Содержание

Слово главного редактора 8

Субъектность локальных сообществ

Кирпичников И.А.

Центр против «пригородов»: Смутное время в Рязанской земле.....11

Правовая культура и правоприменение в Российской империи

Бородина Е.В.

Применение указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. региональными органами власти в России в 1725 – начале 1740-х гг. 43

Попп И.А.

Крестьянка идет в суд: практики работы волостных судов в пореформенной России 80

Слова и люди

Кислова Е.И.

«Блажен ты, град Осташков славный...»: провинциальный город последней четверти XVIII в. и его жители.....112

Эдельман О.В.

О политическом лексиконе П.И. Пестеля 143

Наследие, образы и практики в позднем СССР

Орлов И.Б.

Досуг в советской повседневности: форматы и практики.....175

Нарский И.В., Нарская Н.В.

«Любить Родину – это не березки целовать!» За что Сергей Довлатов и Александр Гельман не любили славословий в адрес «русского дерева» в позднем СССР.....212

Болтунова Е.М., Егорова Г.С.

Охрана историко-культурного наследия в РСФСР и БССР: практики администрирования, финансирование и гра-

ницы возможностей (вторая половина 1960-х – середина 1970-х гг.)	244
--	-----

Рецензии

Боярченко В.В.

Рец. на: Kaplan V. <i>Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia</i> (Indiana University Press, 2017)	286
--	-----

Лантев А.К.

Рец. на: Булдаков В.П. «Страсти революции: эмоциональная стихия 1917 г.» (М.: Новое литературное обозрение, 2024).....	302
--	-----

Филин П.А.

Рец. на: Бруно Э. «Природа Советской власти. Экологическая история Арктики» (М.: Новое литературное обозрение, 2024).....	316
---	-----

Апальков Д.И.

Рец. на: Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева (М.: Новое литературное обозрение, 2024).....	328
--	-----

Contents

Editor’s Introduction	8
-----------------------------	---

Agency and Local Communities

Ivan A. Kirpichnikov.

<i>Center versus “Peripheral” Towns: Time of Troubles in Ryazan Region</i>	11
--	----

Legal Culture and Law Enforcement in the Russian Empire

Elena V. Borodina.

<i>Enforcement of the Decree “On the Form of the Trial” of November 5, 1723 by Regional Authorities in Russia in 1725 – early 1740s</i>	43
---	----

Ivan A. Popp.

<i>Peasant Woman Goes to Court: Practices at the Volost Court in Post-Reform Russia</i>	80
---	----

Words and People

Ekaterina I. Kislova.

“Blessed are you, a glorious Town Ostashkov...”: an XVIII Century Provincial Town and its Habitants.....112

Olga V. Edelman.

On P. I. Pestel’s Political Vocabulary 143

Heritage, Images and Practices in the Late USSR

Igor B. Orlov.

Leisure in Soviet Everyday Life: Formats and Practices.....175

Igor V. Narskiy; Natalya V. Narskaya.

“Loving Fatherland does not mean kissing Birches”: Why Sergei Dovlatov and Alexander Gelman rejected the Glorification of the “Russian Tree” in the late USSR.....212

Ekaterina M. Boltunova; Galina S. Egorova.

Historical and Cultural Heritage Protection in the RSFSR and BSSR: Administration Practices, Financing, and Boundaries of Possibilities (Second Half of the 1960s – mid-1970s)..... 244

Book Reviews

Vladislav V. Boyarchenkov.

Rev. on: Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2017) 286

Anton K. Laptev.

Rev. on: Buldakov V. P. *Strasti revolutsii: Emocional’naya stihiya 1917 goda* (M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024).....302

Pavel A. Filin.

Rev. on: *Priroda sovetской vlasti. Ekologicheskaya istoriya Arktiki* (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2024)316

Dmitry I. Apal’kov.

Rev. on: Khlevnyuk, O., Gorlitskiy, Y. *Sekretari. Regional’nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024).....328

Слово главного редактора

Дорогие читатели!

Перед вами первый номер научного издания «Территория: журнал исторических исследований», выпускаемого Институтом региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Название нашего журнала отсылает к пространству, причем вполне конкретному. Нас интересует история России и сопредельных стран, в том числе входивших в состав Российской империи и СССР. Для нас эта территория — пространство людей, идей, образов и воспоминаний.

Наш журнал задуман как площадка для взаимодействия исследователей, которые придерживаются в работе классического подхода, двигаясь «от источника», и тех, кто открыт для полидисциплинарности. Мы хотим привлечь к сотрудничеству авторов, исследующих самые разные вопросы, однако стремимся уделять больше внимания темам, которые ранее воспринимались как менее значимые или даже маргинальные, но востребованность которых в последнее время существенно выросла, например, региональной и экономической истории.

Специализация журнала соотносится с такими направлениями, как:

- *политическая история*: обсуждение вопросов политического и институционального развития (в том числе в рамках новой политической истории и новой институциональной истории), взаимоотношений государства и общества, сопоставительная перспектива;

- *региональная история*: стратегии и практики управления регионами; взаимодействие «центр» — «регион» и «регион» — «центр»; подданство и гражданство; переселенческие практики и их осмысление; исторический ландшафт сетевых проектов

(перемещение людей, воспроизведение институций, обращение к апробированным практикам);

- *экономическая история*: экономическое развитие и история различных (в том числе непривилегированных) групп и социальных страт; разворачивание значимых инфраструктурных проектов; особенности экономического существования пограничья (фронта); экономические процессы и их восприятие.

Нас также предметно интересуют несколько тематических областей:

- *история войн и их последствий*: социально-политическая и экономическая реальность социума в периоды ведения войн; зоны военных действий, оккупированные, прифронтовые и тыловые территории; влияние войн на состояние городских поселений и практики восстановления; история войн в региональной перспективе;

- *историко-культурная память и символическая политика*: механизмы, социальные практики и институты памяти; публичное пространство; историко-географическое позиционирование и его антропологическая составляющая; ментальная (воображаемая) география; практики мемориализации;

- *история идей и визуальная культура*: политическая культура и политическая риторика; зарождение и формирование идеологических установок; историческая образность; публичная история.

В наших публикациях мы стремимся преодолеть существующую в академической литературе тенденцию к крайностям — своей целью мы видим продвижение в исследовательской работе сбалансированного сочетания концептуализации и установки на валидность теоретических моделей посредством обращения к историческому источнику. Мы любим оригинальные, яркие идеи, которые подкрепляются конкретными и объемными источниковыми (прежде всего архивными) данными. Мы считаем важным разговор об историческом документе, если обсуждение цен-

ности последнего не ограничивается его собственными рамками и не сводится к простому пересказу.

Отдельно отметим, что, помимо традиционного формата, предполагающего появление на страницах журнала исследовательских статей, обзоров и рецензий, мы планируем публиковать и отдельные источники, каждый из которых будет сопровождаться комментарием и вводной статьей.

В первом номере журнала «Территория» вы найдете статьи, посвященные самым разным сюжетам в истории России XVII-XX вв. — от обсуждения субъектности локальных сообществ в (до) имперский период до правовой культуры и судебных практик XVIII-XIX вв., от политической риторики периода царствования Александра I до отношения к наследию и повседневности в позднем СССР.

Надеемся, что опубликованные в этом номере статьи и рецензии найдут отклик у наших читателей, дадут повод для размышлений или дискуссии и, наконец, станут хорошим началом долгого пути. Желаем приятного и полезного изучения представленных материалов.

Спасибо, что вы с нами!

Екатерина Болтунова

Иван Кирпичников

Центр против «пригородов»: Смутное время в Рязанской земле¹

Кирпичников Иван Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

ivkirs@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена конфронтации в Рязанской земле в эпоху Смутного времени, которая рассматривается как столкновение регионального центра (Переяславля-Рязанского) и «пригородов» (Зарайска, Михайлова, Пронска и Рязска). Реконструирована хронология событий и предложена периодизация вооружённого противоборства правительственных и повстанческих сил на территории Рязанской земли. Показано, что многолетние боевые действия сопровождались значительной трансформацией рязанского социального и политического ландшафта: местный служилый «город» утратил контроль над уездной периферией, в то время как сообщества приборных и посадских людей «пригородов» обрели значительную самостоятельность и сформировали институты коллективного принятия решений. Проанализированы сценарии противостояния и примирения между рязанскими повстанцами и правительствен-

1 Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI-XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)».

ными силами. Особое внимание уделено процессу «обращения» — перехода мятежных сообществ на сторону московских властей.

Ключевые слова: Московское государство, Смутное время, Рязанский уезд, регионализм, дворянство, XVII в.

Center versus “Peripheral” Towns: Time of Troubles in Ryazan Region

Kirpichnikov Ivan Alexeevich, PhD (History), Senior Lecturer Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher Institute of History, Saint-Petersburg University.

ivkirs@mail.ru

Abstract: The paper explores the confrontation in the Ryazan region during the Time of Troubles, viewed as a clash between the regional center, Pereyaslavl-Ryazansky, and the peripheral towns (prigorody) of Zaraysk, Mikhailov, Pronsk, and Ryazhsk. It reconstructs the chronology of events and proposes a periodization of the armed conflict between government and rebel forces in the Ryazan region. The study reveals that the prolonged hostilities led to significant transformations in the social and political landscape of Ryazan. The Ryazan gentry service community lost control over the district periphery, while the peripheral communities of servicemen and townsmen gained considerable autonomy and established institutions for collective decision-making. Additionally, the article analyzes various scenarios of confrontation and reconciliation between the Ryazan rebels and the government, with particular emphasis on the process of “conversion,” in which rebellious communities shifted their allegiances to the government.

Key words: Muscovy, Time of Troubles, Ryazan, regionalism, gentry, 17th century.

Среди перспективных исследовательских направлений, которые составляют современную повестку изучения регионализма в России раннего Нового времени, важное место принадлежит изучению внутренней структуры территориальных образований. Регионы могут быть рассмотрены как пространства сложного взаимодействия разнообразных сообществ, имевшие собственные центры и периферии². Данный подход оказывается особенно востребованным при анализе социально-политических кризисов, которые могли приводить к трансформации сложившихся региональных ландшафтов. Ярким примером такого развития событий является противостояние в Рязанской земле в эпоху Смутного времени. Многочисленные столкновения между правительственными и повстанческими силами, происходившие на рязанской территории, обычно рассматривались в историографии как разрозненные эпизоды. А. Л. Станиславский впервые обратил внимание, что на протяжении Смуты неоднократно воспроизводилась ситуация, когда московское правительство опиралось на Переяславль-Рязанский, в то время как другие рязанские города ориентировались на самозванческие движения³.

В настоящей статье мы развиваем интерпретацию, предложенную А. Л. Станиславским, и рассматриваем Смутное время в Рязанской земле из региональной перспективы. В фокусе исследования находится противостояние центра (Переяславль-Рязанский) и периферийных крепостей (Зарайск, Михайлов, Пронск и Ряжск), которые мы с долей условности будем именовать рязанскими пригородами⁴. В первой части работы представлена рекон-

2 См. программную статью: Bogatyrev S. Localism and Integration of Muscovy // *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*/Ed. S. Bogatyrev. Helsinki: Academy of Sciences and Finnish Letters, 2004. P. 59-127.

3 Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. С. 52-71.

4 Ограниченность объёма статьи не позволяет предпослать исследованию экскурс в проблематику рязанского административно-территориального устройства. Мы рассматриваем Рязанскую землю начала

струкция хронологии и предложена периодизация этого противостояния на современном уровне знаний⁵. Вторая часть посвящена анализу структуры внутриязанского конфликта и изучению самоорганизации местных сообществ в условиях длительного военного противостояния. В третьей части рассматриваются сценарии конфронтации и примирения между рязанскими повстанцами и правительственными силами.

XVII в. как единый регион, в рамках которого существовала тенденция к формированию новых уездов вокруг пригородов. Если Зарайск, Михайлов и Пронск продолжали в этот период описываться как составные части «большого» Рязанского уезда, то Рязский уезд (Пехлецкий стан Рязского уезда) с отдельным сообществом детей боярских уже выделялся в качестве особой административной единицы. Объединённые сложной системой внутрирегиональных связей, эти крепости рассматривались современниками в качестве совокупности «рязанских городов». Иногда некоторые из них фигурируют в источниках также под наименованием рязанских «пригородов», что отражает статусное неравенство с главным региональным центром — Переяславлем-Рязанским. Актуальный обзор исторической географии Рязанской земли см.: Азовцев А. В. Рязанская земля. Предисловие // Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. М.: Памятники исторической мысли, 2018. С. 10-25. Классические описания региона: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. С. 54-55, 62-64; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 395-404. Об использовании понятия «пригород» применительно к феномену «военно-административных центров, формирующих внутреннее пространство уездов»: Дубман Э. Л. Особенности районирования уездов Южного Средневожья в середине XVII — начале XVIII в. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 5-15. В связи с южным пограничьем Московского государства см.: Глазьев В. Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 27-28.

- 5 Подробную реконструкцию хронологии событий, на которой основана предлагаемая периодизация, см.: Кирпичников И. А. Рязанская элита в Московском государстве. История интеграции. М.: Квадрига, 2025. С. 406-481.

Хронология и периодизация

На протяжении начального этапа Смутного времени рязанские сообщества действовали совместно и солидарно. Весной 1605 г. «резанские дети боярские *со всеми городами и с селами своими*» (здесь и далее курсив мой. — Прим. авт.) принесли присягу Лжедмитрию I⁶. Когда спустя год самозванец был свергнут, «все рязанские города», по некоторым сведениям, сначала выступили против Василия Шуйского, но вскоре оказались на стороне правительства⁷. В августе 1606 г. «Рязань *с пригороды*» примкнули к повстанцам Истомы Пашкова, причём в Переяславле-Рязанском, Михайлове и Зарайске были схвачены (и впоследствии убиты) присланные из столицы воеводы⁸. Рязанский служилый «город» под руководством Г. Ф. Сунбулова и П. П. Ляпунова принимал активное участие в осаде Москвы в составе сил Ивана Болотникова, однако уже в середине ноября 1606 г. рязанцы перешли в лагерь Василия Шуйского и получили царское про-

- 6 Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 243; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1891. Стб. 41-42.
- 7 Кулакова И. П. Московское восстание 1606 г. и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 49. См. об этих событиях: Тюменцев И. О. Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 144-150.
- 8 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113-7121 гг. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1907. С. 10; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1869. С. 331; ПСРЛ. Т. 14. С. 72, 74. Предположительная реконструкция событий в Рязанском уезде на начальном этапе похода повстанцев на Москву представлена в работе: Назаров В. Д. К начальной истории восстания под предводительством И. И. Болотникова // *Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в.* М.: Институт истории АН СССР, 1991. С. 153-159.

шение⁹. С этого момента началось многолетнее противостояние: рязанские дворяне и дети боярские возвратились в свой край уже в качестве правительственного войска, в то время как пригороды остались на стороне повстанцев.

Первый период этого противоборства (с декабря 1606 по май 1608 г.) характеризуется попытками восстановления контроля над территорией уезда на фоне ослабления повстанческого движения и успехов войск Василия Шуйского. В декабре 1606 г. рязанские служилые люди вернулись в Переяславль-Рязанский, по пути овладев Зарайском¹⁰. Однако остальные региональные центры не покорились: так, под Михайловом (вероятно, весной 1607 г.) правительственные силы встретили сопротивление и были отбиты¹¹. С мая по октябрь 1607 г. рязанские дворяне и дети боярские находились за пределами своего региона, поскольку принимали участие в боевых действиях против болотниковцев в составе армии Василия Шуйского¹². Неудивительно, что, хотя в июне 1607 г. от самозванческого движения отошли повстанцы Рязска, Сапожка и Песочни¹³, общая ситуация в Рязанской земле оставалась в этот период неблагоприятной для сторонников правительства. В отсутствие основной массы служилых людей край являлся ареной локальных военных столкновений: как сообщал рязанский воевода, «изменники, воры, *пронские и михайловские*

9 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601-1608. Сборник документов. М.: Наука, 2003. С. 116; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. С. 332; ПСРЛ. Т. 14. С. 72. См. подробнее об этом этапе: Кирпичников И. А. Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605-1606 гг.) // Рязанская старина. 2009-2018. Рязань: П. А. Трибунский, 2019. Вып. 7-10. С. 22-42.

10 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 124, 302.

11 Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. С. 335-336, 338; ПСРЛ. Т. 14. С. 73.

12 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113-7121 гг. С. 11-12, 45, 91, 118, 157-158, 173, 185, 214; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 161-163, 314.

13 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 168.

мужики, воюют от Переславля в двадцати верстах, а ... за теми воры посылать некого»¹⁴. По возвращении рязанского «города» местные воеводы вновь начали предпринимать наступательные действия при поддержке присланных из Москвы подкреплений. Весной 1608 г. был организован крупный поход на Пронск, однако штурм крепости окончился неудачей¹⁵. Таким образом, к концу весны 1608 г. правительственные силы занимали прочные позиции в регионе, но под контролем повстанцев оставались Михайлов и Пронск.

Начало второго периода внутрирязанского противостояния (с мая 1608 по декабрь 1610 г.) связано с появлением в Рязанской земле отрядов А. Ю. Лисовского, которое нарушило сложившееся равновесие. Целью похода «лисовчиков», как полагают исследователи, являлась не столько помощь местным сторонникам самозванческого движения, сколько мобилизация дополнительных ресурсов и продвижение к столице в контексте общего наступления Лжедмитрия II¹⁶. Тем не менее в мае 1608 г. рязанские воеводы оказались в чрезвычайно сложной ситуации: повстанцы обосновались в Михайлове и стремительно овладели Рязком и Зарайском. Выдвинувшаяся к Зарайску рязанско-арзамасская рать потерпела сокрушительное поражение¹⁷. В результате регион фактически вышел из-под контроля правительственных администраторов; в Переяславле-Рязанском начали спешную подготов-

14 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 177.

15 Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. С. 340.

16 Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. С. 246.

17 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 4. М.: Древлехранилище, 2008. С. 203; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 314; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Оп. 10. Д. 30. Л. 262 (челобитная рязских детей боярских, в которой описывается взятие города А. Ю. Лисовским). См. также об этих событиях: Козляков В. Н. Герои Смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 20.

ку к обороне города¹⁸. Однако «лисовчики» так и не попытались овладеть уездным центром и уже 27 июня 1608 г. были разбиты войсками Василия Шуйского на пути к Москве¹⁹.

В последующие годы рязанский воевода П. П. Ляпунов, пользовавшийся значительной самостоятельностью в условиях осады столицы Лжедмитрием II, продолжал вести активную борьбу за пригороды²⁰. Царская грамота 28 ноября 1609 г. содержит известие об «очищении от воров» Зарайска и Михайлова²¹. Можно предполагать, что около этого времени правительственными силами покорился Рязск. Логическим завершением серии военных кампаний на территории Рязанского уезда должно было стать успешное взятие П. П. Ляпуновым Пронска 18 сентября 1610 г. Однако ситуация неожиданно осложнилась с появлением нового внешнего игрока — «черкасов» (запорожских казаков, воевавших на стороне Лжедмитрия II) под командованием И. Н. Сунбулова. «Черкасы» заперли П. П. Ляпунова в Пронске, но отошли, когда на помощь к нему выдвинулся зарайский воевода кн. Д. М. Пожарский с рязанскими и коломенскими служилыми людьми. Как ранее А. Ю. Лисовский, И. Н. Сунбулов

- 18 Кирпичников И. А. «При царе Василье Прокофей Ляпунов Старово острогу убавливал». Переяславль-Рязанский после Смутного времени. 1623-1626 гг. // Исторический архив. 2023. № 3. С. 195-202.
- 19 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113-7121 гг. С. 15; ПСРЛ. Т. 14. С. 81.
- 20 Сохранившиеся источники доносят лишь эпизодические отголоски этих экспедиций. Упоминается, в частности, о походе кн. Д. Долгорукого на Михайлов (Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113-7121 гг. С. 15, 49, 186, 207; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 314), который мог произойти осенью 1608 г., и о гибели под этим пригородом 14 марта 1609 г. рязанского выборного дворянина кн. И. И. Щетинина (Калайдович К. Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М.: Университетская типография, 1823. С. 34; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 46. Л. 120).
- 21 Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г., 19 мая — 17 июля 1610 г.). М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1918. С. 74-75.

сделал своим опорным пунктом Михайлов, после чего атаковал Зарайск (сохранилась дата сражения с зарайским гарнизоном — 1 декабря 1610 г.), но потерпел под стенами этой крепости неудачу²². Единство рязанских городов было наконец обретено с началом формирования Первого ополчения в конце 1610 г.: И. Н. Сунбулов кратковременно примирился с П. П. Ляпуновым, а «михайловские люди» примкнули к сопротивлению польско-литовским интервентам²³.

На протяжении третьего периода (июль 1612 — апрель 1613 г.) территория Рязанского края представляла собой арену противостояния внешних игроков. Совокупность косвенных источниковых данных позволяет предполагать, что основная масса рязанских дворян и детей боярских находилась в рядах Второго ополчения и не принимала участия в этих столкновениях²⁴. Летом — осенью 1612 г. И. М. Заруцкий, покинувший подмосковный лагерь, несколько раз пытался захватить Переяславль-Рязанский, но был отбит отрядами шацкого воеводы М. А. Вельяминова. Однако уже в декабре соотношение сил в регионе резко изменилось: на сторону И. М. Заруцкого перешли Михайлов (вновь избранный повстанцами в качестве главного

- 22 РИБ. Т. 1. Стб. 695-696; ПСРЛ. Т. 14. С. 107; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: Типография Н. Греча, 1829. Т. 12. С. 170-171 (прим. 532, запись на церковном Уставе 1610 г.).
- 23 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М.: Типография Селивановского, 1819. С. 498. События, связанные с появлением в Рязанском уезде отрядов И. Н. Сунбулова, рассматриваются в работе: Козляков В. Н. О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 7-16.
- 24 Так, уже в первые месяцы 1612 г. рязанской воевода С. В. Головин объяснял отсутствие кабацких доходов тем, что «ратных людей в Переяславле нет, пíti некому» (Корецкий В. И. Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI — начале XVII в. (историография и источники) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.: ИРИ РАН, 2009. С. 94).

опорного пункта), Пронск, Ряжск и Сапожок²⁵. М. А. Вельяминов (к этому времени ставший воеводой Переяславля-Рязанского) получил подкрепления из Казани и нанёс казачьим формированиям ряд чувствительных поражений, но они успешно перезимовали в рязанских пригородах. С избранием Михаила Фёдоровича весной 1613 г. позиции сторонников И. М. Заруцкого ослабли, и М. А. Вельяминов начал активные операции против повстанцев. В марте — апреле 1613 г. под давлением правительственных сил Михайлов, Пронск и Ряжск отошли от самозванческого движения и принесли присяги на имя нового московского государя, а казацьи отряды И. М. Заруцкого покинули рязанские земли²⁶. Эти события подвели черту под многолетним вооружённым противоборством, активными участниками которого являлись местные сообщества.

Структура противостояния

События, происходившие в Рязанской земле в годы Смуты, традиционно рассматривались в историографии в качестве проявления фундаментальных социальных антагонизмов эпохи. На протяжении длительного времени советские исследователи встраивали источниковые свидетельства о рязанском противостоянии в историю крестьянского антикрепостнического восстания против «эксплуататоров»²⁷. Такая концепция, однако, очевидным образом не позволяла непротиворечиво объяснить имевшиеся данные о составе местных сторонников самозван-

25 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 340-341; ПСРЛ. Т. 14. С. 123.

26 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 341. См. об этом этапе противостояния: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 52-71.

27 Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606-1607. М., 1951. С. 294, 344; Шепелев И. С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Волгоград: Перемена, 2012. Т. 1. С. 23-24, 49-52; Т. 2. С. 186-188.

цев²⁸. Наиболее убедительную интерпретацию внутриязанского раскола предложил А. Л. Станиславский, в фокусе внимания которого находилась история казачьего движения И. М. Заруцкого. Историк пришёл к обоснованному выводу, что «дворянскому гарнизону» Переяславля-Рязанского противостояли главным образом приборные люди (казаки, стрельцы, пушкари и др.) пригородов, на положение которых постепенно перешла значительная часть посадских жителей. При этом нет оснований преувеличивать масштабы социальной поляризации и описывать этот конфликт в классовых терминах: на всех этапах Смуты в рядах местных повстанцев находилось немало служилых «по отечеству»²⁹.

Хотя импульсом для распространения новых волн самозванческого движения всякий раз становилось появление в Рязанской земле внешней военной силы (в таком качестве в разное время выступали отряды И. И. Пашкова, А. Ю. Лисовского, И. Н. Сунбулова и И. М. Заруцкого), не приходится сомневаться в том, что успехи повстанцев основывались на деятельной поддержке со стороны населения. Обстоятельства перехода пригородов на сторону повстанцев редко находят отражение в сохранившихся источниках, однако сомнительно, например, что весной 1608 г. «лисовчики» смогли приступом взять каменную крепость Зарайска — куда более вероятно, что жители сами открыли ворота. В конце 1612 г., как упомянуто в позднейшей челобитной, Михайлов, Пронск и Рязск по собственной воле «своровали и призвали» И. М. Заруцкого³⁰. Об активном участии местных служилых людей в самозванческом движении свиде-

28 Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. С. 224-226.

29 Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 58-63. См. также: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975. С. 278-280. Современный взгляд на социальный аспект Смутного времени см.: Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. С. 26-49.

30 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 341.

тельствует присутствие михайловцев, прончан и ряшан в отрядах Лжедмитрия II далеко за пределами Рязанского уезда³¹.

Структура управления на повстанческих территориях формально оставалась традиционной: в пригороды назначались воеводы, происходившие из числа служилых «по отечеству». В эпоху болотниковского движения «от вора Петрушки в воеводах» в Михайлове находились кн. Ф. Засекин и Л. И. Фустов (последний — местный землевладелец); в Ряжске — кн. И. Л. Мосальский³². При И. М. Заруцком в этой роли выступали мелкопоместные дети боярские: известно, в частности, что воеводами в Михайлове были В. Извольский и М. Балкашин, в Пронске — М. Ф. Полоченинов³³. Однако новым явлением стала возросшая самостоятельность местных сообществ, которые теперь нередко действовали по собственному усмотрению. Обратим внимание на царскую грамоту 29 июня 1607 г., которая сообщает, что на сторону Василия Шуйского перешли воеводы и стрельческие сотни Михайлова, в то время как посадские люди остались на стороне повстанцев и только планировали «добить челом» царю. Данная информация, впрочем, оказалась преждевременной: даже в отсутствие военных руководителей михайловцы продолжили самостоятельное сопротивление правительственным силам³⁴.

Политическая субъектность рязанских сообществ особенно ярко проявлялась в ситуациях, когда местные жители прини-

31 См., напр.: Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Новые документы о казаках на службе у Лжедмитрия II в 1608-1610 гг. // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 144-145.

32 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 168.

33 Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских (далее — РИС). М.: Университетская типография, 1842. Т. 5. С. 115; Дворцовые разряды. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. Т. 1. Стб. 1093-1094. См.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 62.

34 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 168. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 224-226.

мали решение отказать повстанцам в лояльности. Пребывание казачьих отрядов И. М. Заруцкого в рязанских пригородах оказалось обременительным для населения, а избрание Михаила Фёдоровича привело к кризису легитимности самозванческого движения. В этих условиях весной 1613 г. в рязанских пригородах произошла серия переворотов. В Пронске повстанческий воевода М. Ф. Полоченинов успел обратиться за военной поддержкой к И. М. Заруцкому, но был связан и брошен в тюрьму, а впоследствии выдан правительственным силам³⁵. В Михайлове, как сообщали в челобитной местные жители, «апреля во 2 день воеводу Василья Извольскаго и Михайла Балкашина *миром помали* и подавали за пристава, а казаков вольных перехватили и посажали в тюрьму», причём наиболее активный сторонник повстанцев был убит одним из местных детей боярских³⁶.

Итак, жители рязанских пригородов в ряде случаев самостоятельно осуществляли выбор между сторонами конфликта, сообщая («миром») свержали неугодных правительственных или самозванческих воевод и, что не менее важно, могли успешно обеспечивать повседневную оборону своих крепостей в отсутствие внешнего руководства. Обретала ли такая самоорганизация институциональные формы? Характерной чертой Смутного времени являлись локальные объединения различных социальных групп («чинов»), которые действовали солидарно и формировали структуры коллективного принятия решений. Так называемые городские советы известны в повстанческих центрах уже в начальный период Смуты: например, в одной из арзамасских грамот конца 1606 г. сообщалось, что местный воевода Б. И. Доможиров «и дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди, и земские посацкие и волосные люди» приняли совместный «приговор» об отправке к нижегородцам военной

35 РИС. Т. 5. С. 115.

36 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1095-1096, 1101-1104.

помощи³⁷. Несмотря на недостаток источников, которые происходили бы из рязанских пригородов, есть все основания предполагать, что и здесь складывались схожие институты самоуправления. Местные жители, как будет показано в дальнейшем, формировали представительные делегации «лучших людей» из разных социальных групп, а в единственной сохранившейся грамоте местных повстанцев челобитчиками выступали «дворяне и головы, и казаки, и пушкарки, и затинщики, и плотники, и ямские слободы охотники, и всякие служилые и жилецкие люди города Михайлова» — объединение местных «чинов»³⁸.

В отличие от жителей пригородов, основная масса рязанских дворян и детей боярских после перехода в 1606 г. на сторону Василия Шуйского последовательно выступала против самозванческих движений. Многолетнее внутриуездное противостояние привело к значительным переменам в положении местного служилого «города», представители которого традиционно имели тесные связи с Зарайском, Михайловом, Пронском и Рязком. Для рязанцев эти крепости являлись привычными местами службы, в том числе в качестве локальных администраторов. Будучи естественными центрами сельской округи, пригороды были для окрестных землевладельцев укрытиями на случай военной опасности — для этих целей в них размещались многочисленные осадные дворы. Например, в Зарайске по писцовым материалам конца XVI в. числилось «в городе каменном, и в остроге, и за острогом за речкою за монастырскую *рязанских и коширских помещиков* 169 дворов». В них проживали 198 «дворников», которые являлись активными участниками городского торгова³⁹.

- 37 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 115. См. статью с обзором данной проблематики: Аракчеев В.А. Земские миры и земское движение в России в годы Смутного времени (1606-1614 годы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 78. С. 27-34.
- 38 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1095-1096.
- 39 Писцовые книги Рязанского края. Рязань: Рязанская ученая архивная комиссия, 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 158. См.: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. М.: Издательство ГПИБ, 2012. С. 330-383.

В эпоху Смуты служилые люди «по отечеству» утратили прежние позиции в рязанских пригородах. Показательна история рязанцев⁴⁰, изложенная в позднейшей челобитной: «Лисовской Рязкой город взял и отцов и братьев наших побил, а матерей и жон и детей наших в полон поимал. А отцы, государь, наши и мы, холопы твои, каторья из Рязкого из асады ушли многия ранены к Москве, при царе Василье Ивановиче всеа Русии на Москве в осаде сидели»⁴¹. С потерей ключевых опорных пунктов рязанские дворяне и дети боярские лишились уверенного контроля над уездом и оказались отрезаны от собственных вотчин и поместий, разбросанных по его территории. Сведений о том, что происходило с частным землевладением в сельской местности, охваченной антиправительственным движением, немного. Известно, например, что пронские ямщики, когда «Пронск был в воровстве», самочинно завладели поместьем Ю. В. Вердеревского⁴². Можно предполагать, что в пригородах возникали целые группы «воровских помещиков», которые получали пожалования от самозванцев или просто захватывали чужие земли⁴³.

Рязанские дворяне и дети боярские составили гарнизон Переяславля-Рязанского, который на протяжении Смутного времени оставался главным форпостом правительственных сил в регионе. Здесь в эпоху Василия Шуйского сформировалась модель локального управления, принципиально отличная от горизонтальных «мирских» структур. В условиях ослабления правительственного контроля всю полноту власти сосредоточил в своих руках воевода и думный дворянин П. П. Ляпунов, опиравшийся на родственников и лояльных служилых людей. Характерной чер-

40 В отличие от Зарайска, Михайлова и Пронска, в Рязке существовало собственное сообщество детей боярских.

41 РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 30. Л. 262.

42 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 2. М.: Древлехранилище, 1998. С. 434.

43 Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 272-274.

той этой политической конфигурации являлась систематическая эксплуатация посадского населения. Дворяне и дети боярские, вытесненные из уезда, на протяжении многих лет «з женами, и з детьми, и с людьми» «мимо своих поместей» располагались на дворах чернопосадцев, причиняя им «насильство» и «обиды». В городе велось интенсивное оборонительное строительство, которое в отсутствие крестьян целиком легло на плечи посада. Кроме того, местные жители в принудительном порядке поставляли даточных людей и лошадей для военных нужд и даже сами несли караульные службы⁴⁴. Таким образом, местные дворяне и дети боярские, вступив в конфликт с сообществами пригородов и на долгое время оказавшись в изоляции от сельской периферии, прочно обосновались в уездном центре и заняли в нём привилегированное положение.

Сценарии конфликта и примирения

История военных кампаний на территории Рязанской земли наглядно показывает, что противоборство с повстанцами, которые опирались на сеть укреплённых центров, представляло собой чрезвычайно сложную задачу для правительственных воевод. Экспедиции крупных сил к пригородам неоднократно заканчивались серьёзными неудачами. Любая операция такого рода была сопряжена со значительным риском прежде всего потому, что локальные театры боевых действий не удавалось надёжно изолировать. Когда в первые месяцы 1607 г. воеводы Василия Шуйского подступили к Михайлову, на помощь местному гарнизону пришли отряды из соседних повстанческих крепостей. Такая поддержка позволила михайловцам выйти навстречу правитель-

44 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 198-201. См.: Кирпичников И. А. Рязанская элита в Московском государстве. История интеграции. С. 437-442; Он же. «При царе Василье Прокофее Ляпунов Старово острогу убавливал». Переяславль-Рязанский после Смутного времени. 1623-1626 гг.

ственному войску, которое по итогам столкновения ретировалось в Переяславль-Рязанский⁴⁵. Рязанские служилые люди временами получали существенные подкрепления, но и тогда недооценка противника могла привести к катастрофическим последствиям. Весной 1608 г. к рязанцам присоединились дворяне и дети боярские из Арзамаса, и объединённая рать отправилась в совместный поход на Зарайск, где обосновались «литовские ратные люди и черкасы, и руские всякие воры» под командованием А. Ю. Лисовского. «Лисовчики» и в этом случае уверенно вышли из крепости и нанесли тяжёлое поражение правительственному войску, значительная часть которого погибла или попала в плен⁴⁶.

Даже при благоприятном для сторонников правительства соотношении сил и при изоляции пригорода от внешней поддержки штурм крепости дворянским ополчением, как правило, имел небольшие шансы на успех. Незадолго до поражения от «лисовчиков» рязанско-арзамасская рать совершила поход на Пронск. Правительственное войско смогло овладеть острогом и «выжечь» там дворы, но попытка взять крепость («город») провалилась, причём в ходе штурма ранение получил П. П. Ляпунов⁴⁷. Следующая крупная пронская экспедиция состоялась осенью 1610 г. в исключительной ситуации, когда рязанскому воеводе удалось на непродолжительное время установить практически полный контроль над регионом, и повстанцы не могли рассчитывать на скорый приход помощи. Польский источник сохранил описание этой кампании, которое свидетельствует о длительной подготовке и показывает масштаб предпринятых военных усилий: «26 [16] сентября Прокопий Ляпунов подошёл изгоном под Пронск, побил и забрал в плен множество пронских воров, овладел всеми слободами кругом крепости, поставил туры

45 ПСРЛ. Т. 14. С. 73.

46 Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. С. 340; ПСРЛ. Т. 14. С. 80.

47 Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. С. 340.

под крепостью, отнял везде воду, перепортил водопроводы и три дня штурмовал крепость со всех сторон, так что осажденные не могли выдержать и 28 [18] сентября били челом королевичу и с повинными головами вышли из крепости целовать крест»⁴⁸. Показательно, впрочем, что неожиданное появление «черкасов» И. Н. Сунбулова едва не привело к катастрофе: не успевший вернуться в уездный центр П. П. Ляпунов сам оказался осаждён в Пронске и смог освободиться только благодаря вовремя подошедшей помощи из Зарайска⁴⁹.

В условиях, когда повстанческое движение пользовалось широкой поддержкой со стороны местного населения, а штурмы пригородов не гарантировали решительного успеха, правительственным силам оставалось прибегать к увещаниям и локальным военным демонстрациям, а также рассчитывать на изменение общей конъюнктуры и раскол в лагере противника. Рязанские крепости, как правило, возвращались на сторону московских властей в результате переговоров, а не силового захвата. Сохранившиеся материалы позволяют пролить свет на характерные черты коммуникации между правительственными силами и рязанскими повстанцами — сюжет, редко становящийся предметом самостоятельного исследования на материалах Смутного времени. Необходимо напомнить, прежде всего, что на протяжении этой эпохи граница между враждующими лагерями оставалась чрезвычайно проницаемой. Правительства Смуты охотно гарантировали бывлым «изменникам» отсутствие репрессий, прощение и пожалования: «И милосердный государь царь, — писал 29 ноября 1606 г. патриарх Гермоген в связи с отъездом рязанских дворян и детей боярских к Василию Шуйскому, — *по своему царьскому милосердному обычаю приемлет их любезно, аки отец чадолюбив, и вины вскоре их им отдает*»⁵⁰. Источники

48 РИБ. Т. 1. Стб. 695-696.

49 ПСРЛ. Т. 14. С. 107.

50 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 119.

лишь в небольшой степени отражают постоянное и интенсивное движение между лагерями отдельных лиц (перебежчиков и лазутчиков), групп «перелётов» или целых сообществ, решивших перейти на сторону другого монарха.

Московские власти и местные воеводы регулярно направляли «изменникам» грамоты, чтобы они «обратились и вины свои к государю принесли». В период болотниковского движения отправка таких документов неоднократно упоминается в расходной книге денежного стола Разрядного приказа⁵¹. Например, 15 декабря 1606 г. в Ряжск, Венёв и Епифань был отправлен белгородский сын боярский с посланием «к дворяном и к детем боярским, и к посадцким старостам и к целовальникам»⁵². Судьба рязанского сына боярского Д. Лосенкова, приехавшего с подобной грамотой в Зарайск, показывает, что отказ местного сообщества мог обернуться для гонца расправой. «Грубя государю царю Василью», зарайские повстанцы убили Лосенкова, после чего сбросили с крепостной башни и «иссекли» тело⁵³.

Если призыв «принести вины» не производил необходимого эффекта, правительственные силы могли предпринимать ограниченные военные демонстрации, целью которых было не взятие крепостей, но оказание давления на повстанцев. После избрания Михаила Фёдоровича 21 февраля 1613 г. рязанский воевода М. А. Вельяминов написал увещательные грамоты во все окрестные «изменные» города, подкрепив свои обращения посылкой отрядов детей боярских. Пронск не открыл ворот правительственным силам, но когда рязанская сотня в очередной раз сожгла посады вокруг крепости, повторное предложение «отстать

51 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 97, 100, 103.

52 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 97.

53 См. публикацию и критический анализ данного свидетельства: Корецкий В. И. Новые документы по истории восстания И. И. Болотникова // Советские архивы. 1968. № 6. С. 70, 80-81.

от воровства» возымело действие, и в городе произошёл описанный выше переворот. Вслед за этим прончане «прислали бити челом» М. А. Вельяминову, чтобы он занял крепость прежде, чем это сделают новые казацьи отряды. Рязанский воевода действительно сумел опередить рязских повстанцев и укрепился в Пронске, где «привел к кресту» местное население⁵⁴. 20 марта в Москву прибыли М. М. Вельяминов (сын воеводы) и И. И. Язвцов с известием о том, что «государю доби́ли челом Пронеск и крест тебе, государю, в Пронску и в Пронском уезде целовали»⁵⁵. Посланцы были вознаграждены, а М. А. Вельяминов в царской грамоте 23 марта 1613 г. получил похвалу за то, что «пронских людей привел под нашу царскую руку»⁵⁶.

Рассмотренная ситуация показывает, как на практике могло происходить «обращение» — переход мятежного сообщества на сторону правительства, который в пронском случае состоялся в обстановке активных боевых действий. Все участники Смутного времени разделяли единые представления о правилах коммуникации, которые предписывали возможные сценарии такого перехода. Типичное развитие событий показывает уже упоминавшаяся нами царская грамота 29 июня 1607 г., написанная по следам возвращения на сторону Василия Шуйского целого ряда групп и сообществ рязанских «изменников»⁵⁷. Центральным элементом «обращения»

54 РИС. Т. 5. С. 115; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 341.

55 Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915. С. 5. Обратим внимание на связь между пригородом и округой («Пронским уездом»), которая выражена в этой цитате.

56 РИС. Т. 5. С. 116. Не обошлось без казуса, ярко показывающего положение дел в столице в этот период: «против Спасского монастыря» посланцев рязанского воеводы полностью ограбили, не только отняв оружие, но сняв даже сапоги и кресты (Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 5).

57 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 168.

в обычных условиях являлось «принесение вин» — отправка делегации с повинной челобитной «за руками» мятежников. Ожидалось, что делегацию будут составлять «лучшие люди» — наиболее видные представители «чинов», которыми в зависимости от обстоятельств могли являться как духовные, так и светские лица различного социального статуса. Воеводы соседних городов должны были организовать крестоцелование местного населения, а делегаты с повинной челобитной препровождались к монарху, который жаловал их и «отдавал вины». Переход на царскую сторону мог сопровождаться символическими или материальными пожалованиями в адрес всего сообщества. Примечателен вклад Василия Шуйского в Зарайский Никольский собор — золотая привесная цапа к иконе святителя Николая с надписью: «Лета 7118 генваря в 27 день государь и великий князь Василий Иоаннович всеа России приложил к чудотворному образу великого чудотворца Николы Зарайского, как *Бог освободи град его от воровских людей его чудотворцевою молитвою и добили челом государю*»⁵⁸.

Вернёмся к событиям весны 1613 г. и рассмотрим историю «обращения» Михайлова, которая благодаря сохранившимся материалам может быть детально реконструирована. Местные повстанцы «не послушали» сына боярского А. Маслова, посланного с увещательной грамотой от рязанского воеводы М. А. Вельяминова⁵⁹. Однако некоторое время спустя, 2 апреля 1613 г., к зарайскому воеводе кн. А. Ф. Гагарину прибыла делегация из Михайлова: рязанский сын боярский В. Павлов и семь казаков. Они привезли грамоту, в которой сообщалось, что в городе произошёл переворот, положивший конец казачьему правлению. В связи с этим михайловцы «к вам, господа, о *добром совете* послали, а в Переславль писали ж, чтоб к нам людей прислали»⁶⁰.

58 Антонова В. И. Московская икона начала XIV века из Киева и «Повесть о Николe Зарайском» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. С. 308.

59 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 341.

60 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1095-1096.

Процитированное послание примечательно не только тем, что оно представляет собой единственный сохранившийся документ, непосредственно вышедший из лагеря рязанских повстанцев. Обратим внимание, что формулировки грамоты анахроничны: она последовательно выдержана в риторике «доброе совета» между самоуправляющимися городами минувшего «безгосударного» времени. Контрагентами в тексте выступают равноправные сообщества «чинов»: челобитье «всяких служилых и жилецких людей города Михайлова» адресовано «господам князю Офонасью Фёдоровичу [Гагарину — *И. К.*] и дворяном, и детям боярским, и стрельцом, и пушкарем, и затинщиком, и всяким служилым и жилецким людям города Николы Зарайского». Данный документ далеко отстоит от известных повинных челобитных эпохи Смуты⁶¹: мятежники не квалифицировали свои действия как «измену» и не свидетельствовали о своей «вине»; они заявляли только, что «не убоялись» «прельщения Ивашка Зарутцакого и их проклятья, что они нас, *грех ради наших*, к крестному целованию привели». Послание позволяло заключить, что жители Михайлова решительно отказались от поддержки И. М. Заруцкого, но не подразумевало определённой политической альтернативы — иными словами, документ был написан так, как будто Михаил Фёдорович не был избран на престол.

Зарайский воевода немедленно направил в Михайлов отряд детей боярских и стрельцов, а 5 апреля составил отписку в Москву, в изложении которой полученное послание (оно было подклеено под отпиской) превратилось в «грамоту ото всех Михайловскаго города ото всяких людей, что они тебе, государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу, доби́ли челом и вину свою принесли»⁶². Зарайский воевода оставил при себе

61 Ср.: Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала РАНХиГС, 2012. С. 144-145, 454-455.

62 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1093-1094.

«для веры» пятерых михайловских казаков, а сына боярского В. Павлова и казака М. Алымова отправил в Москву в сопровождении рязанца Д. Павлова. В столице они были приняты боярами и получили денежное жалованье, после чего 18 апреля удостоились возможности «царские очи видеть» в Ростове⁶³. Кроме того, московские власти отправили в Михайлов посольного с «государевым жалованным словом» и написали в Зарайск «к воеводе с похвалою»⁶⁴.

Сразу после переворота михайловские повстанцы обратились как в Зарайск, так и в Переяславль-Рязанский. Поэтому уже 3 апреля в Михайлов прибыли не только зарайские силы, но и воевода М. А. Вельяминов, который организовал присягу, разместил рязанские отряды и на некоторое время обосновался в городе⁶⁵. 6 апреля М. А. Вельяминов собрал и отправил в Москву ещё одну делегацию из двенадцати «всяких чинов людей михайловских», среди которых были пятеро московских стрельцов. Формальное первенство в этой группе принадлежало рязанскому сыну боярскому Ф. Чевкину — в своей отписке М. А. Вельяминов особо отметил, что он «тебе, государю, ... на Михайлове служил, и убил казака Петрушку Кирилова заводца [зачинщика — *И. К.*]»⁶⁶. В Москве данная делегация

63 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1093-1094, 1121-1122.

64 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1094, 1095-1097.

65 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1117; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 341. Свидетельства о пребывании М. А. Вельяминова в Михайлове в первой половине апреля: Дворцовые разряды. Т. 1. 1113-1114, 1115-1116, 1125.

66 В публикации дата отправки делегации прочитана неверно: в грамоте указано не 1, а 6 апреля (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1101-1104; ср.: РГАДА. Ф. 135. Д. 276. Л. 108; Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива, с присовокуплением списков с многих хранящихся в оном любопытных документов. Приложения. М.: Типография С. Селивановского, 1842. С. 147). В последующей документации в качестве даты отправки отписки М. А. Вельяминова указано 9 апреля, а в составе делегации упоминаются только Ф. Чевкин и московские стрельцы (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1113-1114).

«михайловских сидельцев» рассматривалась как присланная «с повинною». 13 апреля она была принята земскими «боярами», после чего отпущена к Михаилу Фёдоровичу⁶⁷. Михайловское сообщество, которое на протяжении долгого времени выступало оплотом антиправительственного движения в крае, получило символическое прощение от нового государя.

Ключевая характеристика Смутного времени в Рязанской земле — неоднократно воспроизводившийся внутренний раскол, на продолжительные периоды разделявший центр и пригороды. Если на начальном этапе кризиса местные сообщества совместно выступали против московских властей, то в конце 1606 г. на сторону Василия Шуйского перешли только местные дворяне и дети боярские, закрепившиеся в Переяславле-Рязанском. На протяжении последующих четырёх лет в регионе продолжалось вооружённое противоборство: как лаконично резюмировали в своей челобитной рязанские посадские люди, «во все смутные годы резанской воевода Прокофей Ляпунов с товарищи ходил под города *под Михайлов и под Пронеск, и под Ряской, и к Николе Зараскому, и х Коломне*»⁶⁸. Несмотря на подкрепления, рязанские воеводы не могли добиться решительного успеха, а дважды — с появлением отрядов А. Ю. Лисовского (1608 г.) и «черкасов» И. Н. Сунбулова (1610 г.) — чаша весов кратковременно склонялась на сторону повстанцев. Рязанские пригороды, под давлением внешних обстоятельств присягавшие столичному правительству, с изменением конъюнктуры вновь присоединялись к самозванческому движению. Достигнутое в начале 1611 г. замирение края оказалось непродолжительным: заключительным актом Смутного времени в Рязанской земле

67 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1113-1114.

68 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 198.

стала борьба М. А. Вельяминова, опиравшегося на Переяславль-Рязанский, с казачьими силами И. М. Заруцкого, которые были «призваны» пригородами.

Многолетнее вооружённое противоборство сопровождалось значительной трансформацией рязанского социального и политического ландшафта. Хотя местные дворяне и дети боярские, в отличие от служилых людей целого ряда «северских» и «украинных» городов⁶⁹, не были полностью вытеснены из своего уезда, они фактически утратили контроль над периферией и сохранили уверенные позиции только в Переяславле-Рязанском. В рязанском контексте внутрорегиональный конфликт имел выраженное социальное измерение: последовательными противниками местного служилого «города» выступали приборные и посадские люди пригородов. Система отношений, установившаяся в Переяславле-Рязанском — монопольное господство служилых «по отечеству» и полное подчинение местного посада — отчасти проясняет природу этой конфронтации. Совершенно иная модель управления сложилась в рязанских пригородах, население которых обрело политическую самостоятельность и сформировало институты коллективного принятия решений. При всей ограниченности местных ресурсов эти сообщества стали важными субъектами военно-политического противоборства, лояльность которых имела большое значение для правительств Смутного времени.

Рязанское противостояние может быть рассмотрено в контексте целого ряда внутрорегиональных конфликтов эпохи Смуты. Столкновение центра и пригородов характерно, в частности, для Северо-Запада. Летом 1608 г. с появлением тушинских отря-

69 Павлов А. П. К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. Материалы международной научной конференции (Ярославль, 6-9 июня 2012 г.) / Под ред. В. Н. Козлякова. М.: Издательство ЗАО «2К», 2012. С. 118-135.

дов группа псковских пригородов перешла на сторону самозванца. Спустя короткое время Псков был осаждён «пригородцкими» служилыми людьми и в итоге присягнул Лжедмитрию II. К повстанческому движению одна за другой примкнули и малые крепости Новгородской земли, в то время как сам Новгород сохранял лояльность Василию Шуйскому⁷⁰. Кризисные события начала XVII в. позволяют выявить важные особенности локальных сообществ, которые не были бы заметны при иных обстоятельствах, и дают ценный материал для анализа региональной структуры России раннего Нового времени.

Литература

1. Антонова В. И. Московская икона начала XIV века из Киева и «Повесть о Николe Зарайском» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. С. 375-392.
 2. Аракчеев В. А. Земские миры и земское движение в России в годы Смутного времени (1606-1614 годы) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 27-34.
 3. Аракчеев В. А. «Смутное время» и Псковская земля (1608-1612 гг.) // Псков. 2003. № 18. С. 49-60.
 4. Глазьев В. Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 24-31.
 5. Дубман Э. Л. Особенности районирования уездов Южного Средневолжья в середине XVII — начале XVIII в. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 5-15.
- 70 Аракчеев В. А. «Смутное время» и Псковская земля (1608-1612 гг.) // Псков. 2003. № 18. С. 49-60; Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. Saarbrücken: Lambert Academic Press, 2011. С. 124-169.

6. Кирпичников И. А. «При царе Василье Прокофее Ляпунов Старово острогу убавливал». Переяславль-Рязанский после Смутного времени. 1623-1626 гг. // Исторический архив. 2023. № 3. С. 195-202.

7. Кирпичников И. А. Рязанская элита в Московском государстве. История интеграции. М.: Квадрига, 2025. 912 с.

8. Кирпичников И. А. Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605-1606 гг.) // Рязанская старина. 2009-2018/сост. А. О. Никитин, П. А. Трибунский. Рязань: П. А. Трибунский, 2019. Вып. 7-10. С. 22-42.

9. Козляков В. Н. Герои Смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. 352 с.

10. Козляков В. Н. О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 7-16.

11. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975. 390 с.

12. Назаров В. Д. К начальной истории восстания под предводительством И. И. Болотникова // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М.: Институт истории АН СССР, 1991. С. 153-159.

13. Павлов А. П. К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. Материалы международной научной конференции (Ярославль, 6-9 июня 2012 г.)/под ред. В. Н. Козлякова. М.: Издательство ЗАО «2К», 2012. С. 118-135.

14. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв./отв. ред. Я. Н. Щапов. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 469 с.

15. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли/сост. М. Ю. Зенченко (отв. сост.), Г. А. Иванова (отв. сост.), А. В. Азовцев, В. Н. Беляева, А. В. Дедук, В. А. Кадик. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 624 с.

16. Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. Saarbrücken: Lambert Academic Press, 2011. 529 с.
17. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 256 с.
18. Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606-1607. М.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
19. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 272 с.
20. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Издательство АН СССР, 1962. 584 с.
21. Тюменцев И. О. Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 144-150.
22. Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 692 с.
23. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с.
24. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. М.: Издательство ГПИБ, 2012. 429 с.
25. Шепелев И. С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1: Национально-освободительная и классовая борьба в Русском государстве в начале XVII столетия. Волгоград: Перемена, 2012. 407 с.; Т. 2: Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608-1610 гг. Волгоград: Перемена, 2012. 507 с.
26. Bogatyrev S. Localism and Integration of Muscovy // *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*/ed. by S. Bogatyrev. Helsinki: Academy of Sciences and Finnish Letters, 2004. P. 59-127.

References

1. Antonova, V. I. (1957) "Moskovskaya ikona nachala XIV veka iz Kieva i 'Povest' o Nikole Zarayskom'" ["Moscow Icon of the Early

14th Century from Kyiv and the ‘Tale of Nikola Zaraysky’”], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Works of the Department of Old Russian Literature]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 13, pp. 375-392.

2. Arakcheev, V. A. (2008) “Zemskie miry i zemskoe dvizhenie v Rossii v gody Smutnogo vremeni (1606-1614 gody)” [“District Council Communities and Council Movement in Russia during the Time of Troubles (1606–1614)”], *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]*, 78, pp. 27-34.

3. Arakcheev, V. A. (2003) “‘Smutnoe vremya’ i Pskovskaya zemlya (1608-1612 gg.)” [“‘The Time of Troubles’ and the Pskov Land (1608–1612)”], *Pskov*, 18, pp. 49-60.

4. Bogatyrev, S. (2004) “Localism and Integration of Muscovy”, in *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*/ed. S. Bogatyrev. Helsinki: Academy of Sciences and Finnish Letters, pp. 59-127.

5. Glaz'ev, V. N. (2013) “Osobennosti sotsial'noy struktury naseleeniya i administrativnogo ustroystva yuzhnoy okrainy Rossii XVI-XVII vekov” [“Features of the Social Structure of the Population and the Administrative Structure of the Southern Frontier of Russia in the 16th — 17th centuries”], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]*, 1, pp. 24-31.

6. Dubman, E. L. (2022) “Osobennosti rayonirovaniya uezdov Yuzhnogo Srednevolzh'ya v seredine XVII — nachale XVIII v.” [“Features of Zoning the Districts of the Southern Middle Volga in the mid 17th — beginning of the 18th Centuries”], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]*, 4 (4), pp. 5-15.

7. Kirpichnikov, I. A. (2023) “‘Pri care Vasil'e Prokofey Lyapunov Starovo ostrogu ubavlivai'. Pereyaslavl'-Ryazanskiy posle Smutnogo vremeni. 1623-1626 gg.” [“‘In the Times of Tsar Vasily, Prokofey Lyapunov Reduced the Old Ostrog?. Pereyaslavl'-Ryazansky after the Time

of Troubles. 1623-1626”], *Istoricheskiy arhiv [Historical Archive]*, 3, pp. 195-202.

8. Kirpichnikov, I. A. (2025) *Ryazanskaya elita v Moskovskom gosudarstve. Istoriya integratsii [Ryazan Elite in the Muscovite State. A History of Integration]*. Moscow: Kvadriga.

9. Kirpichnikov, I. A. (2019) “Ryazanskiy sluzhilyy ‘gorod’ v nachal'nyy period Smutnogo vremeni (1605-1606 gg.)” [“Ryazan Gentry Service Community in the beginning of the Time of Troubles (1605–1606)”], in *Ryazanskaya starina*/ed. by A. O. Nikitin, P. A. Tribunskiy. Vyp. 7-10 [*Ryazan antiquity*/ed. by A. O. Nikitin, P. A. Tribunskiy. Iss. 7-10.]. Ryazan': P. A. Tribunskiy, pp. 22-42.

10. Kozlyakov, V. N. (2012) *Geroi Smuty [Heroes of the Time of Troubles]*. Moscow: Molodaya gvardiya.

11. Kozlyakov, V. N. (2019) “O nachal'noy istorii pervogo opolcheniya: P. P. Lyapunov, I. N. Sunbulov i boi pod Pronskom” [“On the Early Stage of the First Russian Home Guard Formation: P. P. Lyapunov, I. N. Sunbulov and the Battle of Pronsk”], *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina [The Bulletin of RSU named for S. A. Yesenin]*, 2 (63), pp. 7-16.

12. Koreckiy, V. I. (1975) *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya vojna v Rossii [Formation of Serfdom and the First Peasant War in Russia]*. Moscow: Nauka.

13. Nazarov, V. D. (1991) “K nachal'noy istorii vosstaniya pod predvoditel'stvom I. I. Bolotnikova” [“On the Initial History of the Uprising Led by I. I. Bolotnikov”], in *Gorod i gorozhane Rossii v XVII — pervoy polovine XIX v. [The City and Citizens of Russia in the 17th — First Half of the 19th Century]*. Moscow: Institut istorii AN SSSR, pp. 153-159.

14. Pavlov, A. P. (2012) “K voprosu ob uchastii dvoryanstva ‘ukrainnyh gorodov’ v sobyitiyah Smuty” [“On the Participation of the Gentry of the ‘Frontier Towns’ in the Events of the Time of Troubles”], in *Smutnoe vremya v Rossii v nachale XVII veka: poiski vyhoda. K 400-letiyu “Soveta vseya Zemli” v Yaroslavle. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*/ed. by V. N. Kozlyakov [*The Time of*

Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century: Search for a Way Out. On the 400th Anniversary of the "Council of the Whole Land" in Yaroslavl. Proceedings of the international scientific conference/ed. by V. N. Kozlyakov]. Moscow: Izdatel'stvo ZAO "2K", pp. 118-135.

15. Platonov, S. F. (1995) *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI-XVII vv.*/ed. by Y. N. Shchapov [Essays on the history of the Time of Troubles in the Muscovite State of the 16th — 17th centuries]/ed. by Y. N. Shchapov]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

16. Selin, A. A. (2011) *Novgorodskoe obshchestvo nachala XVII veka. Smutnoe vremya na Severo-Zapade Moskovskogo gosudarstva* [Novgorod Society at the Beginning of the 17th Century. The Time of Troubles in the North-West of the Muscovite State]. Saarbrücken: Lambert Academic Press.

17. Skrynnikov, R. G. (1988) *Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad: Nauka.

18. Smirnov, I. I. (1951) *Vosstanie Bolotnikova. 1606-1607* [Bolotnikov's Uprising. 1606-1607]. Moscow: Gospolitizdat.

19. Stanislavskiy, A. L. (1990) *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia in the 17th Century: The Cossacks at the Turning Point of History]. Moscow: Mysl'.

20. Tihomirov, M. N. (1962) *Rossiya v XVI stoletii* [Russia in the 16th century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

21. Tyumencev, I. O. (2014) "Eletskoe vosstanie 1606 goda v istorii Smuty" ["Yelets Uprising of 1606 in the History of the Time of Troubles"], *Quaestio Rossica*, 2, pp. 144-150.

22. Tyumencev, I. O. (2008) *Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya. Dvizhenie Lzhedmitriya II* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century. The Movement of False Dmitry II]. Moscow: Nauka.

23. Florya, B. N. (2005) *Pol'sko-litovskaya interventsia v Rossii i russkoe obshchestvo* [Polish-Lithuanian Intervention in Russia and Russian Society]. Moscow: Indrik.

24. Chechulin, N. D. (2012) *Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI veke* [*Cities of the Muscovite State in the 16th Century*]. Moscow: Izdatel'stvo GPIB.

25. Shepelev, I. S. (2012) *Trudy po istorii Smuty v Rossii v nachale XVII stoletiya* [*Works on the History of the Time of Troubles in Russia at the beginning of the 17th century*]. Tom 1: *Natsional'no-osvoboditel'naya i klassovaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII stoletiya* [Vol. 1: *National liberation and class struggle in the Russian state at the beginning of the 17th century*]. Volgograd: Peremena. Tom 2: *Osvoboditel'naya i klassovaya bor'ba v Russkom gosudarstve v 1608-1610 gg.* [Vol. 2: *Liberation and class struggle in the Russian state in 1608-1610*]. Volgograd: Peremena.

26. Zenchenko, M. Yu. et al. (eds.) (2008) *Pisцовые книги Рязанской и Нижегородской земли* [*Cadastral books of the Ryazan and Nizhny Novgorod lands*]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Елена Бородина

Применение указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. региональными органами власти в России в 1725 — начале 1740-х гг.

Бородина Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

sosnovi-bor@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу практики применения норм процессуального права в Российской империи второй половины 1720-х — начала 1740-х гг. Автор обратил внимание на указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г., который, как это традиционно считается в историографии, отменил в суде розыскные формы судопроизводства, утвердив состязательность. Анализ законодательных актов и материалов регионального судопроизводства показал, что в 1720-х — начале 1740-х гг. розыск продолжал применяться в случаях совершения таких правонарушений, как разбой, татьба, убийство и ряда других тяжких преступлений. Указ «О форме суда» содержал важные нормы, устанавливавшие правила судебного делопроизводства. В связи с этим закон распространялся как на «суды» по частным спорам, так и на более серьезные судебные разбирательства, связанные с должностными преступлениями, разбоем и убийством. В частности, все челобитные, инициировавшие судебный процесс, следовало составлять в соответствии с образцом, имевшимся в указе от 5 ноября 1723 г. Несмотря на это, в судебной практике региональных органов власти часто встречаются отклонения от правил оформления, декларировавшихся законом. Например, в материалах судопроизводства редко встреча-

ются тетради с записью показаний истцов и ответчиков. Их ответы записывались последовательно, без больших разрывов.

Ключевые слова: Российская империя, история Урала, история государства и права, судебный процесс, правоприменение, указ «О форме суда».

Enforcement of the Decree “On the Form of the Trial” of November 5, 1723 by Regional Authorities in Russia in 1725 — early 1740s

Borodina Elena Vasilievna, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

sosnovi-bor@yandex.ru

Abstract: The article deals with the practice of applying the norms of procedural law in the Russian Empire in the second half of the 1720s — early 1740s. The author drew attention to the decree “On the form of the trial” of November 5, 1723, which, as is traditionally believed in historiography, abolished the investigative forms of legal proceedings in the court, establishing the adversarial nature. The analysis of legislative acts and materials of regional legal proceedings showed that in the 1720s — early 1740s, the search continued to be applied in cases of such offenses as robbery, theft, murder and several other serious crimes. The decree “On the form of the trial” contained important norms establishing the rules of judicial proceedings. In this regard, the law applied both to “courts” for private disputes and more serious legal proceedings related to official crimes, robbery and murder. All petitions initiating legal proceedings had to be drawn up in accordance with the model contained in the decree of November 5, 1723. Despite this, in the judicial practice of regional authorities, deviations from the rules of execution declared by law are often encountered. For example, notebooks with

recordings of the testimony of plaintiffs and defendants are rarely found in the materials of legal proceedings. Their responses were written down sequentially, without large gaps.

Key words: Russian Empire, History of the Urals, History of the State and Law, Trial, Law Enforcement, Decree “On the form of the Trial”.

Процессуальное право в России второй половины XVII — первой четверти XVIII в. является востребованной темой для изучения, интерес к которой зародился уже во второй половине XIX столетия. Среди ее наиболее видных исследователей следует назвать К. Д. Кавелина, Ф. М. Дмитриева и ряд других историков-юристов¹. Первоначально данная проблематика рассматривалась преимущественно с опорой на анализ законодательных актов. Это направление исследований сохранило свое значение до настоящего времени. Большинство историков права советского и современного периодов продолжают заниматься изучением судебного процесса с точки зрения развития нормы, применяя формально-юридический подход². Значительная часть таких научных трудов имеет обзорный характер, не базируется на широком круге документов суда и следствия, которые являются не менее важной составляющей, необходимой для понимания основ судебного процесса в России Нового времени.

Лишь в последние три десятилетия появились работы, в которых организация судопроизводства изучается на основе сопоставительного анализа содержания законодательных актов и процессуальной практики. Среди них наиболее важны для по-

- 1 Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859; Кавелин К. Д. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. СПб., 1904. Т. 4. Ст. 205-420 и др.
- 2 См., например: Российское законодательство X-XX вв. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4; Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1992; Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997; Лонская С. В. Российские судебные реформы XVIII-XX века. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2003; Хрусталев Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.) : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Памятники российского права: учебно-научное издание. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. 4 и др.

нимания процессов, имевших место в конце XVII-XVIII в., труды Д. О. Серова, Н. Ш. Коллманн и Л. В. Батиева³. Для уяснения тенденций развития судебного процесса в 1730-1750-е гг. представляются ценными работы Е. В. Анисимова, Е. В. Акельева и Г. О. Бабковой⁴.

Суд и розыск в истории России раннего Нового времени

К рубежу XVII-XVIII вв. в России сосуществовало две разновидности судебного процесса: так называемые «суд» и «розыск», основные процедуры которых были оговорены преимущественно в 10-й и 21-й главах Соборного уложения 1649 г. Оба вида процессуальных форм, по замечанию Н.Ш. Коллманн,

- 3 Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009; Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016; Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 11-18; Он же. «Суд» как стадия русского состязательного процесса и его трансформация в конце XVII — начале XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 124-130; Он же. «Сыск» в русском состязательном процессе второй половины XVII — начала XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 32-41 и др.
- 4 Анисимов Е.В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999; Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730-1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4. С. 13-26; Они же. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. P. 15-39; Бабкова Г. О. Понятия криминальный и уголовный в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гишторий российскийские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М.: Древлехранилище, 2014. С. 161-206; Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах». М.: ИД «Юрист», 2023.

были «издавна распространены по всей Европе»⁵. Обвинительный процесс, или «суд», являлся более древней формой организации судопроизводства, которая упоминается еще в «Русской правде». В ее основе лежал частный иск. Как правило, дело возбуждалось по инициативе челобитчика, и доказательство правоты или неправоты в споре являлось обязанностью истца и ответчика. По мнению Л. А. Хрусталева, согласно Соборному уложению 1649 г., «при разрешении многих спорных, особенно гражданских дел ... отдавалось предпочтение» состязательному процессу⁶. Однако, по наблюдениям А. Г. Манькова, с принятием Соборного уложения 1649 г. розыскная форма процесса начинает преобладать над состязательной⁷.

Тенденция роста участия органов государственной власти или их представителей в решении отдельных судебных споров, которая проявлялась в постепенном увеличении значения розыскных процедур в сравнении с так называемым «судом», наблюдается в Московском государстве с XV в.⁸ Первоначально под розыском (или сыском) подразумевали «комплекс определенных процессуальных действий, включавший в себя повальный обыск, пытку, “расспрос с пристрастием”, сочетаемый с очными ставками». Он применялся для расследования дел по наиболее тяжким преступлениям⁹. Таким образом, розыск

5 Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. С. 160.

6 Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). С. 25.

7 Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 228.

8 Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. С. 230; Законодательство Петра I. С. 794; Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). С. 25; Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730-1750-е годы) С. 14; Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах». С. 18.

9 Памятники российского права: учебно-научное издание. М., 2014. Т. 4. С. 346.

объединял в себе как следственные процедуры, так и оперативно-розыскные действия¹⁰.

Дж. Вейкхарт утверждает, что розыскная форма процесса возникла в Московском государстве лишь в начале XVII столетия благодаря тесным отношениям с Речью Посполитой и появлению на территории страны текста «Каролины»¹¹. Несмотря на это, уже в XVII в. инквизиционный процесс начинает господствовать в делах по «слову и делу» государеву, а также при рассмотрении дел о преступлениях против веры, о разбое, татьбе и корчемстве¹². Кроме того, розыскной процесс применялся «в крепостных делах о холопах, крестьянах, поместьях и вотчинах»¹³. Сыск также использовался при расследовании так называемых «безгласных дел», не имевших челобитчика¹⁴. К концу XVII столетия состязательные начала в судопроизводстве уступили место розыску, что нашло отражение в принятии указа 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах»¹⁵.

Большинство историков, занимавшихся изучением основ судебного процесса в России раннего Нового времени, полагают, что этот законодательный акт привел к упразднению суда как формы процесса и полной его замене розыском¹⁶. Тем не ме-

- 10 Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах». С. 24.
- 11 Weikhardt G. G. Probable Western Origins of Moscovite Criminal Procedure // Russian Review. 2007. Vol. 66. P. 55-72.
- 12 Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730-1750-е годы). С. 14.
- 13 Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. С. 228.
- 14 Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). С. 28.
- 15 Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. С. 230.
- 16 См., например: Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. С. 541; Латкин В. Н. Учебник истории русского

нее распространенная оценка указа от 21 февраля 1697 г. как законодательного акта, которым отменялся обвинительный процесс, может быть пересмотрена, если мы обратимся к анализу положений этого законодательного акта. В 1-й статье закона отмечается, по каким делам следует отменить «суд»: «А вместо судов и очных ставок по челобитью всяких чинов людей в обидах и в разореньях чинить розыск в брани и в безчестье или в бою и в увечье и во всяких обидах и в разореньях»¹⁷. 12-я статья указа дополнила этот перечень «крепостными делами по крепостям»¹⁸. Таким образом, закон вводил розыскную форму процесса только по определенному кругу дел.

По мнению Л. В. Батиева, по факту «спонтанная реформа состязательного судопроизводства ... свелась лишь к ограничению судебных прений сторон»¹⁹. Традиционная форма состязательного процесса, получившая свое отражение в Соборном уложении 1649 г. и названная «суд и сыск», была усечена²⁰. В судопроизводстве был усилен элемент публичности²¹. Кроме того, одной из задач указа была минимизация проестей и волокиты, на которые периодически жаловались участники судебного процесса.

права периода империи (XVIII и XIX ст.). 2-е изд. СПб., 1909. С. 604-605; Законодательство Петра I. С. 795; Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730-1750-е годы). С. 14; Акельев Е. В., Бабкова Г. О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. Р. 18-19; Петрова М. С. Законодательная база уголовного процесса в России в 1750-1760-е гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 3. С. 65.

- 17 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗРИ). Т. 3. № 1572. С. 278.
- 18 ПСЗРИ. Т. 3. № 1572. С. 279.
- 19 Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России С. 16.
- 20 Батиев Л. В. «Сыск» в русском состязательном процессе второй половины XVII — начала XVIII в. С. 33.
- 21 Батиев Л. В. «Суд» как стадия русского состязательного процесса и его трансформация в конце XVII — начале XVIII в. С. 128.

Схожей позиции придерживается Л. А. Хрусталеv. Исследователь отметил, что указ 1697 г. вводился как «законодательный акт временного действия», то есть до принятия нового Уложения²². Он не отменял предыдущих узаконений, но вводил пределы для их применения. Об этом свидетельствует указ от 16 марта 1697 г., который предписывал: «А которые статьи в Уложении надлежат к розыску, и по тем статьям разыскивать по прежнему»²³.

Появлению указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. предшествовала серьезная работа в области создания обновленных норм процессуального права, которая так и не была завершена созданием нового Уложения Российского государства²⁴. Тем не менее указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. в обобщенном виде содержал процессуальные нормы, которые можно найти в законодательстве второй половины XVII — первой четверти XVIII в., а также учитывал нормы зарубежного права²⁵. По мнению Т. Ю. Амплеевой, указ 1723 г. завершил труд по унификации судопроизводства²⁶. Последующие законодательные акты лишь развивали и укрепляли основы судопроизводства, которое следовало организовывать на базе указа «О форме суда»²⁷.

- 22 Хрусталеv Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). С. 41.
- 23 Хрусталеv Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). С. 41; ПСЗРИ. Т. 3. № 1576. С. 281-282.
- 24 Маньков А. Г. Проект уложения Российского государства 1720-1725 гг. // *Проблемы истории феодальной России*. Сборник статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. С. 157-166; Замуруев А. С. Проект Уложения Российского государства 1723-1726 гг. — памятник отечественной политико-правовой мысли: автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993; Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пгточных делах». С. 34-37, 38-56.
- 25 Батиев Л. В. Указ 5 ноября 1723 года и реформа судопроизводства в России // *Вопросы правоведения*. 2016. № 2 (36). С. 372-373.
- 26 Памятники российского права. Т. 4. С. 356.
- 27 См., например: ПСЗРИ. Т. 8. № 5689. С. 377-378.

Но несмотря на устоявшееся представление о том, что этот законодательный акт предполагал ликвидацию розыскных форм судопроизводства — «не надлежит различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск, но токмо один суд»²⁸, — в судебной практике продолжали сохраняться элементы розыскного процесса. В частности, пункт 5 закона определял, что установленная форма судебного процесса не может использоваться в делах, связанных с «изменой, злодейством или словами противными на императорское величество и его величества фамилию и бунтом»²⁹. Указ от 3 мая 1725 г. давал пояснения этому положению, упоминая обе формы судебного процесса — суд и розыск: «Все суды и розыски по той форме отправлять, не толкуя, что сия форма суда к тому служит, а к другому не служит (а ежели кто будет иным образом судить и розыскивать, тот, яко нарушитель государственных прав, наказан будет)»³⁰. Правда, следующие положения нормативно-правового акта определяли, что обвиняемые, уличенные в таких правонарушениях, как богохульство и церковный мятеж, государственные преступления, убийство, разбой и татьба, не должны получать «списков» с «пунктов челобитных» истцов³¹. Их требовалось расспрашивать «как злодеев»³².

Таким образом, розыск продолжал активно применяться судами³³. Можно предположить, что он сохранял вид, придан-

28 ПСЗРИ. Т. 7. № 4344. С. 147.

29 ПСЗРИ. Т. 7. № 4344. С. 148; Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). С. 612.

30 ПСЗРИ. Т. 7. № 4713. С. 467.

31 Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). С. 613; Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. С. 237; Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730-1750-е годы). С. 15; Бабкова Г. О. Понятия «криминальный» и «уголовный» в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины. М., 2014. С. 192; ПСЗРИ. Т. 7. № 4713. С. 467.

32 ПСЗРИ. Т. 7. № 4713. С. 467.

33 Лонская С. В. Российские судебные реформы XVIII-XX века. С. 32; ПСЗРИ. Т. 8. № 5434. С. 210-212; № 5744. С. 451-452; ПСЗРИ. Т. 8. № 6525. С. 250; ПСЗРИ. Т. 9. № 6827. С. 593; № 9670. С. 834.

ный ему указом «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах» 1697 г. Правда, в соответствии с указом от 28 декабря 1736 г., челобитные и доношения, инициирующие большинство судебных дел, следовало оформлять «по форме суда»³⁴. Такое положение вещей было подтверждено указом от 16 июня 1738 г., который также запрещал «судьям» заниматься во время судебных слушаний «посторонними делами», а также сообщать истцам и ответчикам во время процесса лишние сведения³⁵.

Таким образом, судопроизводство в Российской империи конца XVII — первой четверти XVIII в. базировалось на нормах таких законодательных актов, как указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах» 1697 г., «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1712 г. (преимущественно при рассмотрении дел военных) и указ «О форме суда» 1723 г. По замыслу первого российского императора, на смену Соборному уложению 1649 г. должны были прийти новые законы, содержавшие нормы по организации судебного процесса. Анализ текстов законодательных актов конца XVII — первой четверти XVIII в. приводит ряд исследователей к мысли о частой смене оснований практики осуществления судопроизводства³⁶. Тем не менее, некоторые историки права отмечают, что они не создали новых норм процессуального права в России, а лишь способствовали систематизации и развитию процессуального законодательства³⁷. Основной целью

34 ПСЗРИ. Т. 9. № 7139. С. 1020.

35 ПСЗРИ. Т. 10. № 7597. С. 538-539.

36 Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства от Уложения до Учреждения о губерниях. Ст. 401-411; Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. С. 730.

37 Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. С. 396; Законодательство Петра I. С. 796.

указов являлось стремление избавиться от судебной волокиты, обеспечить законность и справедливость судебных решений³⁸.

Несмотря на мнение К. И. Стефановского и А. Г. Манькова о том, что в Соборном уложении 1649 г. уже проводится более четкое разграничение между гражданскими и уголовными делами³⁹, анализ законодательных актов показывает, что в первой четверти XVIII в. еще не сложилось однозначного разделения дел, поступающих в судебное производство, на эти категории. Подавляющее большинство дел, попадавших в воеводские канцелярии и иные органы власти, которые обладали судебными полномочиями, следовало разбирать в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г. и указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. Розыскные процедуры применялись в ограниченных случаях, перечень которых был специально прописан в законодательных актах второй половины XVII — первой трети XVIII в. В связи с этим, как и в предыдущем столетии, на первых этапах судебного разбирательства принципиальных различий в подходах к рассмотрению дел, поступающих в органы правосудия, не существовало⁴⁰. Значительная часть указов, регулировавших вопросы организации суда и следствия, лишь подтверждала положения Соборного уложения и законов, принятых в период петровских реформ⁴¹.

38 Латкин В.Н. История русского права периода империи XVIII-XIX вв. С. 612; Памятники российского права. Т. 4. С. 356-357.

39 Стефановский К.И. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. 168. С. 244-245; Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. С. 216.

40 Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во, 1948. С. 85.

41 См., например: ПСЗРИ. Т. 10. № 7597. С. 538-539; № 7783. С. 749-750; ПСЗРИ. Т. 11. № 8052. С. 65-69; № 8245. С. 263-265; № 8258. С. 274-275; № 8528. С. 588; № 8624. С. 666-668 и др.

Судебная практика 1725 — начала 1740-х гг. и закон «О форме суда» 1723 г.

Обратимся к анализу судебной практики в России 1725 — начала 1740-х гг. Как правило, начало судебного процесса в региональных органах власти инициировалось несколькими способами: челобитной, путем «привода» (доставления в управомоченный орган власти или подозреваемого в совершении преступления, или задержанного с поличным), а также доносом (изветом) местных жителей. Примечательно, что, как и в XVIII в., частный иск лежал в основе значительного числа судебных разбирательств⁴². В этом судебные практики Российской империи не отличались от практик инициирования судопроизводства в Европе раннего Нового времени⁴³. Подобное основание для возбуждения дела было специально прописано и в указе 1697 г., и в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1712 г.⁴⁴ Таким образом, нельзя сказать, что дела, инициировавшиеся частным иском, рассматривались лишь в разрезе частно-правовых отношений.

Челобитная, как и «привод» и извет, записывалась со слов заявителя, а затем зачитывалась в присутствии «судьи», который выносил решение о начале следственных мероприятий. Решение фиксировалось в качестве пометы в конце челобитной или приводной записи. Как правило, должностное лицо, облеченное судебными полномочиями, указывало записать жалобу в регистрационную книгу. Среди иных вариантов первых распоряжений: «приняв допросить», «битые места осмотра, описать», «послать по указу кого надлежит», «сыскать и допросить», «приводных принять и допросить», «приводного, приняв, роспросить с пристрастием» и др.⁴⁵

42 Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. С. 230.

43 Коллманн Н.Ш. Пеступление и наказание в России раннего Нового времени. С. 112.

44 Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. С. 399, 414.

45 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 1; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 1 об.; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2280. Л. 1; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 130, 144, 173 об. и др.

Если в 1720-е гг. пометы воеводы или иного администратора, инициирующие начало судебного разбирательства, были достаточно короткими, то уже в начале 1730-х гг. они приняли более пространный вид. Например, на обороте челобитной, поданной в Кунгурскую воеводскую канцелярию 5 апреля 1730 г., можно найти следующую запись: «1730 году апреля в 7 день по указу Ея Императорского Величества господин полковник воевода Петр Дмитриевич Кошелев, слушав сего челобитья, приказал записать в книгу, а показанную вдову Евдокию и поручившегося кунгурца посадского Конона Носкова сыскав допросить обстоятельно по форме суда, и с посылки взяв печатные пошлины записать в приход. У челобитчика Дмитрия Дубровина взять с крепости копию, тако ж и з данной и с верхего письма. А к соцкому послать указ, чтоб он, взяв в понятия крестьян сколько человек пристойно, и с ними у показанной вдовы Евдокии скот и всякия пожитки описал имянно и хранил до указу»⁴⁶.

Формулировки помет могли отличаться в зависимости от того, кто писал приговор о начале судебно-следственных действий. Например, если в 1730-1731 гг. кунгурский уездный воевода П.Д. Кошелев лишь ставил подпись под решением, то следующий воевода, И.И. Сукин, писал все пометы и приговоры сам. Его стремление к самостоятельной фиксации решений при проблемах с почерком привело к сокращению текста помет-резолюций.

Пометы под приводными записями имеют схожие формулировки. Тем не менее и в пометах под приводами могли быть вариации: «привот записать и приводнаго приняв допросить с очискою»⁴⁷; «1732 году июля 2 дня привот записать в книгу, и приводную лошадь описать в лета и приметы, а приводнаго крестьянина в канцелярию принять и росприсить с очискою»⁴⁸; «записать в протокол, и приводнаго крестьянина принять и против сего прошения рос-

46 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 45 об.

47 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 430.

48 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 454 об.

просить с ясною очискою, а по показанных татар крестьян для сыску послать за взятых пошлин по указу»⁴⁹; «1735 году апреля 14 дня привод сей записав в книгу отдать в повыть с роспискою, а приводных приняв допросить»⁵⁰; «1735 года июня 4 дня привод сей записав в книгу отдать в повыте с роспискою, а приводных приняв роспросить, как ея императорского величества указы и Соборное уложение повелевают, а принесные с вышеписанными проводными воровские пожитки три конца кумачей да два конца китайки принять же и оценить, и отдать, пока дело вершитца, сторожу с роспискою под охранение»⁵¹.

Те же пометы мы можем увидеть и под изветами. Например, 17 октября 1727 г. в Кунгурскую канцелярию воеводского правления пришел со словесным изветом крестьянин «Кунгурского уезду села Троицкого деревни Теплой» Меркурий Болотов, который обвинял крестьян деревни Тихоновы Павла и Давыда Пестиковых в том, что они отняли у изветчика пойманного зайца «и били ево стягом, и топтали, и прошибли у него левую шоку, и тем де ево изувечили и обесчестили»⁵². Помета регионального администратора была не слишком пространной: «1727 году октября в 17 день записать в протокол, бой осмотреть и описать, бойцов сыскав допросить»⁵³.

Если запись извета 1727 г. больше похожа на запись челобитной, то изветы более позднего времени по форме ближе к доносу. Чаще всего изветы и доносы касались неправомерных действий выборных, являлись предупреждением для региональных органов власти о подслушанных похвальных словах или обвинениях в воровстве. Кроме того, в доношениях также могла содержаться информация о совершении тяжких уголовных правонарушений. 26 марта 1733 г. в Кунгурскую воеводскую канцелярию поступила

49 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 808 об.

50 Научно-исторический архив отдел Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — НИА СПбИИ РАН). Ф. 187. Оп. 1. Д. 1255. Л. 1 об.

51 НИА СПбИИ РАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1257. Л. 1 об.

52 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 49. Л. 485.

53 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 49. Л. 485 об.

изветная челобитная от ефрейтора Пензенского полка Петра Артемьева, который жаловался на избивших его бурлаков «дворянина Демидова», неправильно решенное дело приказчиком Демидовых и неправомерные действия сотского и ряда других лиц⁵⁴. В помете под изветом значилось: «записать в книгу, и у Смергина ис плате ж битые места осмотра описать, а г Демидову прикащику послать указ, что бы сам явился и показанного салдата и бурлака Прошина... и имена в сем извете написаны к отпуску и для доказателства по святому Евангелию на извет апреля на четвертое число»⁵⁵.

Таким образом, на этапе вынесения резолюции о начале судебного разбирательства определялся и будущий порядок рассмотрения дела. Несмотря на то, что большинство судебных дел в местных органах власти возбуждалось иском, при изучении челобитной воевода (либо делопроизводитель, который писал помету за регионального администратора) решал, является ли конфликт частным делом, или его разбирательство следует полностью передать в руки государства. Если содержание челобитной не противоречило представлениям о деле как о споре двух частных лиц, в помете указывалось, что его необходимо судить по «форме суда». В противном случае давался ход розыскному процессу, документацию по которому все же требовалось оформлять, как это было прописано в указе 1723 г. Как правило, розыск применялся при расследовании таких тяжких уголовных правонарушений, как убийство, разбой и воровство. Кроме того, розыскные процедуры использовались в ситуациях, которые представляли опасность для всего общества или отдельно взятого человека (например, угроза пожара или убийства, наведение порчи и др.).

Последующие шаги были связаны с деятельностью канцеляристов, специализировавшихся на составлении судебно-следственной документации, а также рассыльщиков, выполнявших в ходе судебно-следственных действий разнообразные поруче-

54 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 31. Л. 205-206.

55 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 31. Л. 206.

ния. Как уже отмечалось, все материалы суда и следствия следовало оформлять в соответствии с требованиями указа «О форме суда» 1723 г. Этот законодательный акт постоянно упоминается в пометах-распоряжениях воевод по тому или иному делу⁵⁶. С челобитной предписывалось снять копию для ответчика⁵⁷. Истцу и ответчику требовалось вручить билеты с указанием времени явки в суд⁵⁸. В установленный день начинались судебные прения: показания истца и ответчика по очереди записывались в отдельные тетради, информация из которых попеременно зачитывалась конфликтующим сторонам⁵⁹. Их ответы, в свою очередь, также фиксировались в тетрадях. В случае необходимости для допросов могли пригласить свидетелей, а также затребовать те или иные правоустанавливающие документы⁶⁰.

В действительности органы власти, обладавшие судебными полномочиями, могли пренебречь частью процедур. Например, кунгурский воевода в день изучения челобитной обычно повелевал рассыльщику доставить ответчика к суду. По итогам поездки составлялся доезд с пересказом инструкции для рассыльщика, а также с описанием результатов поисков⁶¹. Далее судопроизводство осуществлялось в соответствии с указом от 1723 г.⁶² Тяжущиеся допрашивались по одному, с принесением присяги христианами на Евангелии, а «иноверцами по их вере»⁶³. Если прения

56 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 133об., 145об., 190; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 72; НИА СПбИИ РАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1278. Л. 4 и др.

57 См., например: Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4955. Л. 10.

58 См., например: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4955. Л. 10.

59 См., например: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1656. Л. 1-2 об.; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1658. Л. 1-5.

60 См., например: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1656. Л. 3-4; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1658. Л. 5 об. — 8 об.

61 См., например: РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

62 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 109 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 6-6 об.

63 РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 39 об. — 41; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 554.

затягивались, то истец и ответчик либо содержались под арестом в канцелярии, либо отпускались на поруки с обязательством встать к суду в определенное время⁶⁴.

Сопоставление практик судебного делопроизводства в Судном приказе и региональных органах власти позволяет говорить лишь о частичной адаптации документов, составление которых являлось обязательным требованием указа «О форме суда» 1723 г. Несмотря на частые упоминания указа в пометах воевод и других «судей», в документах суда и следствия Кунгура и Екатеринбурга материалы, сформированные в тетради для записи «речей» истца и ответчика, практически не сохранились. Допросы участников судебного процесса действительно протоколировались, но, как правило, не подшивались отдельно, не скреплялись печатями. Несмотря на это, в материалах судопроизводства можно найти упоминания о копировании челобитной для ответчика и выписывании билетов о явке к суду для тяжущихся⁶⁵.

Допросы истцов и ответчиков оформлялись в соответствии с требованиями законодательства, но не формировались в отдельные тетради. Это хорошо видно по документам суда и следствия Кунгурской воеводской канцелярии, где записи допросов истца и ответчика следовали одна за другой, без существенного разрыва, и могли располагаться на одной и той же стороне листа. То же касалось и записи допросов свидетелей⁶⁶. Одной из причин такой ситуации и практически полного отсутствия тетрадей для записей показаний истца и ответчика могла являться экономия бумаги, которая не всегда имелась в нужном количестве в региональных органах власти.

Как правило, все экстракты и прочие документы, составленные в ходе судебного разбирательства, оформлялись на гербовой

64 См., например: РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

65 См., например: Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 182-183 об., 191, 201.

66 См., например: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4955. Л. 2-3 об.

бумаге, запасы которой были ограничены. Кроме того, за каждый ее лист требовалось платить в казну специальный гербовый сбор, который также не мог себе позволить каждый истец или ответчик. Возможно, по этой причине во многих случаях дело не шло далее оформления исковой и мировой челобитных. Если говорить о территории Екатеринбургского ведомства, то, как уже упоминалось, дело не всегда начиналось в Сибирском обер-бергамте (Канцелярии главного заводов правления) или Екатеринбургской конторе судных и земских дел. Оно могло быть передано на рассмотрение вышестоящих учреждений из земских или заводских контор, которые не всегда располагали гербовой бумагой в необходимом количестве, и, получив новый оборот, превратиться из частной жалобы в дело о разбое, убистве или татьбе.

Тем не менее среди документов Канцелярии главного заводов правления встречаются комплексы материалов суда и следствия, которые были оформлены строго в соответствии с требованиями указа «О форме суда» 1723 г. Например, таким образом в начале 1740-х гг. рассматривалось дело «о непорядочных и противо указам поступках Лялинского завода шихтмейстера Томилова по доношению на него во оных того завода подканцеляриста Пушкарева»⁶⁷. 23 декабря 1743 г. члены присутствия регионального органа горнозаводского управления приняли решение о направлении для следствия по челобитной подканцеляриста Василия Пушкарева форстмейстера⁶⁸ Иоганна фон Баннера⁶⁹. Канцелярия

67 Благодарю Д. А. Редина за указание на это дело.

68 Должность форстмейстера появилась в России в 1732 г. Форстмейстерам следовало заменить появившихся в годы правления Петра I вальдмейстеров. В обязанности форстмейстеров входили надзор за корабельными лесами и внедрение культуры лесопользования. Отправление правосудия не входило в перечень их основных обязанностей. См.: Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб.: Алетейя, 2022. С. 132.

69 Иоганн фон Баннер (род. 1715), датчанин по происхождению, оказался в России, когда его отец перешел «в вечную российскую служ-

повелела ему принять доношение делопроизводителя с распиской, а также произвести следствие «по форме суда и по силе указов в самую сущую правду, не посягая ни на кого и не нарувя никому»⁷⁰. И. фон Баннер также получил от Канцелярии копию с указа «О форме суда», канцелярского служителя для ведения судебного делопроизводства (подканцеляриста Семена Аистова)⁷¹ и одного солдата для посылок⁷². Всем им также были выданы прогонные и поверстные деньги на две подводы (туда и обратно), взыскание которых предполагалось произвести с «виноватого». Форстмей-

бу». В 1731-1734 гг. он учился в Инженерном корпусе, после чего в 1734 г. был направлен вместе с командой В.Н. Татищева на Урал. Сначала И. фон Баннер трудился в должности надзирателя работ, в 1735 г. стал надзирателем лесов. В 1735-1736 гг. участвовал в перестройке и перепланировке Екатеринбургских города и крепости. Результатом этой деятельности стало определение И. фон Баннера «архитектурным учеником». В этой должности он создал несколько чертежей и планов казенных и частных заводов, занимался строительством крепостей на границах Екатеринбургского ведомства, а также участвовал в обороне против башкир. В 1738-1743 гг. И. фон Баннер служил в должности форстмейстера (с перерывами). В конце 1743-1744 г. был разжалован в солдаты. В 1744-1751 гг. он руководил Екатеринбургской казначейской конторой, а затем — Пермским горным начальством. В 1752-1761 гг. И. фон Баннер являлся главным командиром Нерчинских заводов. С 1762 г. назначен членом Канцелярии главного заводов правления. В период службы И. фон Баннер не всегда отличался прилежанием и исполнительностью. В 1730-е — 1740-е гг. он длительное время не получал повышения, так как был неоднократно замечен в «неблаговидных поступках», злоупотреблял выпивкой. См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII — начало XX века. Биографический справочник. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981. С. 13; Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. С. 132-134.

70 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 242.

71 Семен Аистов происходил из семьи делопроизводителей, трудившихся на уральских заводах. Так, в июле 1740 г. в Канцелярии главного заводов правления трудился за протоколиста его родственник, Иван Аистов. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 814. Л. 563.

72 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 242.

стеру требовалось лишь произвести следственные мероприятия и, составив экстракт по делу, представить его Канцелярии главного заводов правления. Наряду с копиями указа «О форме суда» и челобитной В. Пушкарева И. фон Баннер получил доношение из Лялинской заводской конторы «в непослушании ево Пушкарева»⁷³.

Приехав к «следственным делам», форстмейстер потребовал у Лялинской заводской конторы «на щет виноватого» две дести писчей бумаги, один «столпчик» сургуча, двадцать сальных свеч, зеркало и сукно на стол. Контора предоставила по запросу «следователя» все, кроме сукна, так как «кроме того, которое имеетца на столе [конторы], [другого] не имеетца»⁷⁴.

Управитель Лялинского завода В. Томилов обвинялся в том, что не объявил выходным днем 25 апреля 1743 г. в честь коронавания Елизаветы Петровны, хотя «канун того торжественного дни оной Пушкарев ему докладывал, чтоб работ не было»⁷⁵. На обвинение В. Пушкарева шихтмейстер ответил, что не имел указа об объявлении торжеств «и в прошлом 1743 г. апреля в 25е число при Лялинском заводе торжество было только в церкви»⁷⁶. В. Пушкарев отметил, что соответствующий указ «имелся у него в ящике за замком» и он не объявил о нем лишь «забвением с простоты своей, а не с какого умыслу»⁷⁷.

Еще одним обвинением В. Пушкарева в отношении В. Томилова было ношение жителями Лялинского завода «русского платья», что противоречило указу об обязательном бритье бороды и усов и ношении всеми категориями населения, за исключением крестьян, немецкого платья⁷⁸. Управитель, в обязанности которого входило следить за внешним видом канцелярских служащих и мастеровых и работных людей, ответил, что упомянутый делопроизводителем

73 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 244.

74 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 283.

75 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 248.

76 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 248.

77 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 249.

78 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 249.

указ на заводе публиковался. Правда, не все могут позволить себе европейское платье: «за скудостью и за дачею малого жалования сделать немецкого платья не ис чего. У них же русское резано, токмо не у всех, для того что которые в работе при огне, те старое донашивают, а немецкое сшить обещаютца. А усы и бороды все служители бреют»⁷⁹.

Третьим обвинением В. Пушкарева являлось то, что В. Томилов с августа 1743 г. «держит у себя в доме пришлого человека»⁸⁰. На это обвинение шихтмейстер ответил, что его прислал по требованию племянник, шихтмейстер Иван Карамышев. Наконец, В. Пушкарев утверждал, что В. Томилов неоднократно был замечен в злоупотреблениях должностным положением. В частности, он обвинялся в неправомерном сборе денег при подушном сборе⁸¹.

Сформированные в комплекс документы суда и следствия начинались с указа И. фон Баннеру и экстракта по делу, который содержал краткий пересказ всех допросных речей доносителя и ответчика, а также свидетелей, давших показания по тому или иному пункту обвинения⁸². Кроме того, в экстракте содержались выписки из «государственных прав», подходящие к рассматривавшемуся случаю. Сюда попали статьи 106 и 160 из главы 10 Соборного уложения 1649 г.; артикулы 22, 25, 27, 28 (с толкованием), 34 (с толкованием), 35 (с толкованием) из главы 3, 43 (с толкованием) из главы 4, 133, 136, 144 из главы 17 Воинского артикула; главы 50, 54, 55 Генерального регламента; пункт 5 из указа от 17 марта 1714 г. «О должности фискала»; пункты 6 и 7 указа от 27 апреля 1725 г. «О должности генерал-фискала и государственного обер-фискала»⁸³. Кроме того, в документ были включены выписки из именных указов от 17 июня 1721 г., от 16 июля 1722 г., от 24 октября 1723 г., от 20, 21 и 22 января 1724 г., от 30 ап-

79 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 249.

80 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 249 об.

81 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 250-250 об.

82 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 248-252 об.

83 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 252 об. — 255.

реля 1730 г.⁸⁴ Если статьи Соборного уложения касались установления наказания за несправедливо начатые дела или неправомерное поведение в суде, то последующие законодательные акты содержали нормы о должностных правонарушениях и дисциплинарных проступках. Как уже было отмечено, выписка не содержала проект приговора.

К экстракту также прилагались инструкция И. фон Баннеру и копия с указа «О форме суда»⁸⁵. Наряду с доношением из Лялинской заводской конторы с описанием проступков В. Пушкарева от 13 ноября 1743 г.⁸⁶ подканцелярист обвинялся в непрестанном пьянстве, из-за которого он не был в состоянии заполнить приходо-расходные ведомости «денежной казны» и «припасов», а также «сочинить» счета. В качестве кары за пьянство и безделье Пушкарев был посажен на цепь в конторе, «где он говорил невежливые слова», упоминал, что знает о «непорядочных поступках» других работников Лялинского завода⁸⁷. К делу также были приложены копия с допроса подканцеляриста (1 лист), копии допросов свидетелей (1 лист) и копия с протокола Канцелярии главного заводов правления с решением о выяснении, какие именно подканцелярист «на Томилова знает непорядочные поступки, и давно ль об оных сведал, и сам ли или чрез кого других» (1 лист)⁸⁸.

Как уже отмечалось, все материалы судебного процесса являлись образцом оформления документов судопроизводства по «форме суда». Как и требовал указ от 5 ноября 1723 г., в регистрационном листе от 21 января 1744 г. было зафиксировано, что шихтмейстеру вручили копию с доношения В. Пушкарева. Последний, в свою очередь, получил билет о явке к суду 28 января 1744 г. Тяжущиеся приложили руки, удостоверив тем самым факт получения документов. Внизу листа имелась приписка подканцеляриста

84 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 255-257.

85 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 258-262 об.

86 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 263-264.

87 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 265-265 об.

88 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 265-266 об.

С. Аистова о явке доносителя и ответчика к суду 24 января 1744 г.⁸⁹ Кроме того, среди материалов суда и следствия сохранились тетради «за шнуром и печатью», в которых записывались показания доносителя и обвиняемого⁹⁰. В них были скрупулезно зафиксированы все вопросы и ответы В. Пушкарева и В. Томилова.

24 января 1744 г. И. фон Баннер распорядился о сборе всех необходимых сведений: о наличии в Лялинской заводской конторе указа о праздновании в честь дня коронации Елизаветы Петровны, а также показаний свидетелей⁹¹. В конце февраля 1744 г. форстмейстер вернулся в Екатеринбург, доставив в Канцелярию главного заводов правления не только экстракт, но и подлинные документы по делу⁹². В своем доношении в Канцелярию И. фон Баннер особо отметил, что не уточнил, какую меру наказания требуется применить для шихтмейстера В. Томилова: «какому он по тому пункту штрафу или наказанию достоин, мнения своего положить сумнителен, ибо на то точных прав я не отискал, и для того о том предлагаю в разсуждение оной канцелярии»⁹³.

По-видимому, в Екатеринбург был доставлен и подканцелярист В. Пушкарев, который содержался под арестом до конца марта 1744 г. Согласно копии приговора Канцелярии главного заводов правления от 23 марта 1744 г., нерадивый делопроизводитель был отпущен на поруки «до решения об нем дела»⁹⁴. Приговор по делу был вынесен лишь 22 сентября 1744 г. Решения, приведенные в нем, были разбиты на пункты.

По первому пункту члены Канцелярии главного заводов правления пришли к заключению, что в ситуации, когда служащие и работники Лялинского завода были вынуждены трудиться в день

89 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 284.

90 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 270-274 об., 275-281 об.

91 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 287.

92 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 247.

93 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 247.

94 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 299.

коронации, виноват не только В. Томилов, но и сам В. Пушкарев, который задержал указ у себя⁹⁵. В пункте по второму обвинению делопроизводителя — в небритии бород и ношении немецкого платья заводскими жителями — члены присутствия Канцелярии заключили, что «наподлинно может статья, что еще те ремесленники от недостатков своих шитьем немецкого платья не исправились, и для того носили русское». В отношении плохого бритья бород работниками Лялинского завода горнозаводское руководство признало виноватыми и управителя, и делопроизводителя: «и за оное подлежали Томилов штрафа, а Пушкарев жестокого наказания»⁹⁶. По третьему пункту факт об «удержании» В. Томиловым пришлого человека был признан доказанным⁹⁷. Четвертый пункт (о взятках шихтмейстера) также считался доказанным. Правда, руководители Канцелярии отметили, что «онье были не из-за принуждения»⁹⁸. Пятый пункт, в котором В. Пушкарев сообщал о том, что знает «на Томилова о деле государевом», не был доказан подканцеляристом, так как он признал, что затеял это дело «в пьянстве»⁹⁹.

За все вышеперечисленное В. Пушкарева следовало жестоко наказать, в том числе лишением чина. В. Томилову предписывалось вернуть крестьянам взятые у них деньги, отчитавшись об этом в Канцелярии, но члены присутствия посчитали нужным закрыть глаза на содержание пришлого человека, проживавшего какое-то время у управителя. Руководители Канцелярии лишь распорядились справиться, действительно ли «пришлый» был прислан от шихтмейстера Карамышева¹⁰⁰. При вынесении таких решений Канцелярией был принят во внимание всемилостивейший указ Елизаветы Петровны от 15 июня 1744 г. о проше-

95 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 303 об.

96 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 304.

97 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 304.

98 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 304.

99 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 304.

100 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 304 об.

нии «непорядочных поступков» и должностных преступлений, а также других «вин» по случаю победы в войне со Швецией¹⁰¹. Фактически «вины» были прощены и доносителю, и обвиняемому. С них предписывалось лишь взыскать «по равной части» деньги, потраченные на проезд и работу выездной «следственной канцелярии»¹⁰². В. Пушкареву также предписывалось вернуться к работе по составлению счетов в Лялинской заводской конторе¹⁰³. Приговор был доведен до сведения участников судебного разбирательства, о чем свидетельствует подпись В. Пушкарева, которую можно найти под копией приговора¹⁰⁴.

Анализ материалов судебного дела показывает, что региональные органы власти имели четкое представление о том, как следовало оформлять судебное делопроизводство в соответствии с указом «О форме суда». Несмотря на это, строгое следование требованиям закона не всегда соблюдалось канцелярскими служащими. Возможно, оно зависело от степени значимости дела и разбиравшего его органа власти. Расследование «непорядочных поступков» горнозаводских служащих являлось важным основанием для скрупулезного соблюдения всех правил. Возможно, определенную роль в нем также сыграло назначение главой следственной канцелярии И. фон Баннера. Несмотря на то, что «иноземец» являлся по должности форстмейстером, а не главой какого-либо органа власти, обладавшего судебными полномочиями, он внимательно отнесся к выполнению поставленной перед ним задачи. Кроме того, при форстмейстере трудился квалифицированный канцелярский служащий — Семен Аистов, который имел опыт работы в Канцелярии главного заводов правления. Данное судебное разбирательство в очередной раз является свидетельством того, что суд и следствие могли стать составляющей деятельности любого

101 ПСЗРИ. Т. 12. № 8992. С. 170-172.

102 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 304 об.

103 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 305.

104 ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 305 об.

администратора, даже если изначально его функционал не подразумевал активности подобного рода. Примечательно, что это дело, как и некоторые другие, показывает устойчивость практики организации следственных комиссий (или канцелярий), создававшихся для расследования уголовных и государственных преступлений еще в годы правления Петра I¹⁰⁵. Правда, в отличие от комиссий предыдущего периода, следственные комиссии конца 1720-х — начала 1740-х гг. могли возглавляться не военными, а гражданскими лицами, в том числе нерусского происхождения.

При розыском судопроизводстве ход судебно-следственных мероприятий был несколько иным. В случае необходимости поиска «неведомых воров» организовывались сбор и поиск информации. Следствию предоставлялись списки «покраденных пожитков», а иногда — сами подозреваемые. Выявленные в ходе расследования вещественные доказательства (например, украденные лошади) также скрупулезно описывались¹⁰⁶. При возникновении нужды в получении показаний свидетелей по указанию судьи они доставлялись в канцелярию, где допрашивались после предварительного ознакомления с показаниями или «расспросными речами» истца и ответчика. Допрос свидетелей осуществлялся «порознь», с принесением присяги на Евангелии¹⁰⁷. Для поиска свидетелей давалось распоряжение о доезде, то есть о выезде управомоченного должностного лица с целью доставки свидетеля или подозреваемого в орган правосудия. Таким же образом описывались доставка и допрос свидетелей при производстве дела в указе «О форме суда».

Результаты допросов, пыток и очных ставок записывались и представлялись в виде выписок, итоговые протоколы каждой из которых формировали единый чистовой документ. Все пока-

105 См., например: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003; Серов Д. О., Федоров В. А. Следователи Петра Великого. М.: Молодая гвардия, 2018.

106 РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 1; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 148-148 об., 173-173 об.

107 См., например: РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 35-36.

заявления свидетелей, истцов и ответчиков следовали друг за другом и скреплялись подписями канцелярских служащих. Заслушав выписки из «расспросных речей», воевода или иное уполномоченное лицо выносил резолюцию, содержащую указания о последующих действиях. Она фиксировалась либо самим должностным лицом, либо одним из делопроизводителей, выполнявшим его поручение¹⁰⁸. Итогом разнообразных допросов становилось создание документа с выписками из Соборного уложения, Новоуказных статей 1669 г.¹⁰⁹ и указов первой трети XVIII в., на основе которых предполагалось вынесение решения по делу¹¹⁰. Требования к оформлению выписки также содержались в указе 1723 г.

Все переписанные на бело документе зачитывались в присутствии «судьи»/«судей», которые выносили приговор, подготовленный на основе выписки и подписывавшийся всеми членами судебного присутствия¹¹¹. Таким образом, процесс состоял из трех стадий: 1) возбуждение дела при помощи челобитной, извета или привода; 2) проведение судебного следствия (допрос истца, ответчика и свидетелей, сбор доказательств); 3) подбор соответствующих статей нормативных правовых актов и постановление приговора.

Предыдущий анализ документов суда и следствия первой половины 1720-х гг. показал, что примерно до конца первой чет-

108 См., например: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 2, 2 об.; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 2; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 136 об., 155 об. и др.

109 Ссылки на Новоуказные статьи 1669 г., как правило, были редкостью. Тем не менее, в Кунгурской воеводской канцелярии ссылки на них приводятся с завидной регулярностью. Они касались преимущественно порядка организации судебно-следственных действий. См., например: РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 380 об., 389, 502 об., 709 об., 713, 716 об., 848 об., 849 об.

110 См., например: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 2-3; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 136 об. — 141, 149 об. — 151; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 438. Л. 1-3 об.

111 РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 3 об.; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 2-2 об.

верти XVIII в. большинство судебных процессов было организовано в соответствии с нормами указа 1697 г., утверждавшего розыскные начала в судопроизводстве. Документы не упоминают о его применении напрямую. Об этом свидетельствует сопоставление описания процедуры суда и следствия в указе с тем, каким образом она оформлялась в документальных источниках. Ссылки на использование указа 1723 г. и его реальное применение в уголовно-процессуальной практике встречаются с конца 1720-х гг.¹¹² Процесс утверждения норм новых законодательных актов, посвященных вопросам регулирования судебного процесса, был длительным и занял несколько лет.

Внедрение указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. было сопряжено с необходимостью производства печатей, требовавшихся «для для запечатования судных дел» во всех «судных местах». По этой причине Сенат отправил указ в Герольдмейстерскую контору 27 августа 1724 г. с предписанием сделать печати для всех губернских и провинциальных городов, имевших гербы. Населенным пунктам, не имевшим гербов, требовалось нарисовать «приличные вновь в Герольдмейстерской конторе, и со оных послать те рисунки для россылки во все судебные места, в Юстиц-коллегию»¹¹³. По-видимому, процесс создания гербов затянулся. 14 октября 1724 г. Герольдмейстерская контора потребовала собрать сведения о времени включения населенного пункта в состав Российского государства, городских укреплений, проживающих на подведомственной городу территории народах, а также о ландшафте и природно-климатических условиях, «чтоб ис того возможно сыскать доподлинного обстоятельством, также ежели имеютца тем городам прежния гербы, и те прислать немедленно»¹¹⁴. Сибирская губернская канцелярия

112 Подробнее об этом см.: Бородина Е.В. Рассмотрение уголовных дел в органах правосудия Урала в 1720-х — начале 1730-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 33-38.

113 ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4914. Л. 17.

114 ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4914. Л. 17-17 об.

отправила соответствующий указ в Тюменскую воеводскую канцелярию лишь 22 января 1725 г.¹¹⁵

В целомиздание указа «О форме суда» в 1723 г. не означало полной замены розыскного процесса состязательным. При организации расследования по уголовным делам могли использоваться как элементы розыска, когда большую роль в следственных мероприятиях играли представители региональной власти, так и элементы состязательности, при которых поочередно заслушивались обе стороны, а их показания протоколировались. Различия в документах по судебным и розыскным делам сводились преимущественно к тому, что в судебно-следственных материалах розыскного процесса присутствовали протоколы очных ставок и записи пыточных речей. Кроме того, при начале розыскного процесса ответчик не получал копию с челобитной. Значительная часть документов суда и следствия как при состязательном, так и при розыскном процессе оформлялась более или менее единообразно. В частности, все челобитные в обязательном порядке составлялись по образцу, содержавшемуся в указе «О форме суда».

Литература

1. Акельев Е. В., Бабкова Г. О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Sahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. P. 15-39.

2. Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыскном приказе (1730-1750-е годы) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2011. № 4. С. 13-26.

3. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 719 с.

4. Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003. 477 с.

115 ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4914. Л. 17-18.

5. Бабкова Г. О. Понятия «криминальный» и «уголовный» в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М.: Древлехранилище, 2014. С. 161-206.

6. Батиев Л. В. «Суд» как стадия русского состязательного процесса и его трансформация в конце XVII — начале XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 124-130.

7. Батиев Л. В. «Сыск» в русском состязательном процессе второй половины XVII — начала XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 32-41.

8. Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 11-18.

9. Батиев Л. В. Указ 5 ноября 1723 года и реформа судопроизводства в России // Вопросы правоуедения. 2016. № 2 (36). С. 364-383.

10. Бородина Е. В. Рассмотрение уголовных дел в органах правосудия Урала в 1720-х — начале 1730-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 33-38.

11. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляцияонного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. 588 с.

12. Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. 880 с.

13. Замуруев А. С. Проект Уложения Российского государства 1723-1726 гг. — памятник отечественной политико-правовой мысли: автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 15 с.

14. Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. СПб., 1904. Т. 4. Ст. 205-420.

15. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII —

начало XX века. Биографический справочник. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981. 224 с.

16. Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

17. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). 2-е изд. СПб., 1909. 652 с.

18. Лонская С. В. Российские судебные реформы XVIII-XX веков. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2003. 183 с.

20. Маньков А. Г. Проект уложения Российского государства 1720-1725 гг. // Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию В. В. Мавродина. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. С. 157-166.

21. Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 271 с.

22. Памятники российского права. В 35 т. Т. 4. Памятники права в период единодержавия Петра I: учебно-научное пособие/под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. 584 с.

23. Петрова М. С. Законодательная база уголовного процесса в России в 1750-1760-е гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 3. С. 60-76.

24. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв./отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. 312 с.

25. Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

26. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. 488 с.

27. Серов Д. О., Федоров В. А. Следователи Петра Великого. М.: Молодая гвардия, 2018. 352 с.
28. Стефановский К. И. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. 168. С. 196-275, 321-366.
29. Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах». М.: ИД «Юрист», 2023. 320 с.
30. Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 233 с.
31. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб.: Алетея, 2022. 446 с.
32. Чельцов-Бебутов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во, 1948. 624 с.
33. Weikhardt G.G. Probable Western Origins of Moscovite Criminal Procedure // Russian Review. 2007. Vol. 66. P. 55-72.

References

1. Akel'ev, E. V., Babkova G.O. (2012) “‘Daby rozyski i pytki mogli chinitca poryadochno, kak ukazy povelevayut’: evolyutsiya teorii i praktiki “rozysknogo” protsessa v Rossii pervoy poloviny XVIII v.” [“So that Searches and Tortures Could be Carried out in an Orderly Manner, as the Decrees Command’: the Evolution of the Theory and Practice of the “Search” Process in Russia in the first half of the 18th century”], *Cahiers du Monde Russe*, 53/1, pp. 15-39.
2. Akel'ev, E. V., Babkova G.O. (2011) “Praktika rozysknogo protsessa v Sysknom prikaze (1730-1750-e gody)” [“The Practice of the Search Process in the Sysknoi Prikaz (1730–1750s)”], *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs*, 4, pp. 13-26.

3. Anisimov, E. V. (1999) *Dyba i knut: Politicheskiy sysk i russkoe obshchestvo v XVIII v.* [*Rack and Knut: Political Investigation and Russian Society in the 18th Century*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

4. Babich, M. V. (2003) *Gosudarstvennye uchrezhdeniya XVIII veka: komissii petrovskogo vremeni* [*State Institutions of the 18th Century: Commissions of the Peter the Great era*]. Moscow: ROSSPEN.

5. Babkova, G. O. (2014) “Ponyatiya ‘kriminal’nyyy’ i ‘ugolovnyy’ v proektah po obnovleniyu ugolovnoho prava i protsessa Ekateriny II” [“The Concepts of ‘Criminal’ and ‘Criminal’ in the Projects to update the Criminal Law and Procedure of Catherine II”], in *Gishtorii rossijskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo* [*Russian Historia, or Essays and Research for the Anniversary of Alexander Borisovich Kamensky*]. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 161-206.

6. Batiev, L. V. (2018) “‘Sud’ kak stadiya russkogo sostyazatel'nogo protsesssa i ego transformatsiya v kontse XVII — nachale XVIII v.” [“‘Court’ as a Stage of the Russian Adversarial Process and its Transformation in the Late 17th — early 18th Centuries”], *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 11 (96), pp.124-130.

7. Batiev, L. V. (2020) “‘Sysk’ v russkom sostyazatel'nom protsesse vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII v.” [“‘Investigation’ in Russian Adversarial Proceedings of the Second Half of the 17th — Early 18th Centuries”], *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 15, 4, pp. 32-41.

8. Batiev, L. V. (2016) “Ukaz 21 fevralya 1697 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii” [“Decree of February 21, 1697 and the Reform of Judicial Proceedings in Russia”], *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 11 (72), pp. 11-18.

9. Batiev, L. V. (2016) “Ukaz 5 noyabrya 1723 goda i reforma sudoproizvodstva v Rossii” [“Decree of November 5, 1723 and the Reform of Judicial Proceedings in Russia”], *Voprosy pravovedeniya*, 2 (36), pp. 364-383.

10. Borodina, E. V. (2017) “Rassmotrenie ugolovnyh del v organah pravosudiya Urala v 1720-h — nachale 1730-h gg.” [“Consideration of

Criminal Cases in the Ural Judicial Authorities in the 1720s — early 1730s.”], *Istoriya gosudarstva i prava*, 24, pp. 33-38.

11. Cemenkova, S. I., Chernouhov A. V. (2022) *Rukovoditeli apparata gornozavodskoy vlasti Urala v 20-e — 50-e gg. XVIII v.: biograficheskiy spravochnik* [*Heads of the Apparatus of the Mining and Metallurgical Authorities of the Urals in the 20s — 50s of the 18th Century: Biographical Reference*]. Saint-Petersburg: Aleteyya.

12. Chel'cov-Bebutov, M. A. (1948) *Ugolovnyy process* [*Criminal Procedure*]. Moscow: Yurid. izd-vo.

13. Dmitriev, F. M. (1859) *Istoriya sudebnykh instantsiy i grazhdanskogo apellyatsionnogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do Uchrezhdeniya o guberniyah* [*History of Judicial Instances and Civil Appellate Proceedings from the Code of Laws to the Institution of the Provinces*]. Moscow.

14. *Pamyatniki rossiyskogo prava: v 35 tomakh. Tom IV. Pamyatniki prava v period edinoderzhaviya Petra I: uchebno-nauchnoe posobie*/ed. by R. L. Hachaturov [*Records of Russian Law. In 35 volumes. Vol. IV. Records of Law during the Period of the Autocracy of Peter I: a Teaching Aid*]/ed. by R. L. Hachaturov] (2014) Moscow: Yurlitinform.

15. Hrustalev, L. A. (2003) *Sudebno-pravovye reformy Petra I (konets XVII — pervaya chetvert' XVIII v.)* [*Judicial and Legal Reforms of Peter I (Late 17th — First Quarter of the 18th Century)*]. Dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow.

16. Kavelin, K. D. (1904) “Osnovnye nachala russkogo sudoustroystva i grazhdanskogo sudoproizvodstva v period vremeni ot Ulozheniya do Uchrezhdeniya o guberniyah” [“The Main Principles of the Russian Judicial System and Civil Proceedings in the Period from the Law Code to the Institution of the Provinces”], in Kavelin, K. D. *Sobranie sochineniy. Tom 4* [*Collected works. Vol. 4*]. Saint-Petersburg, columns 205-420.

17. Kollmann, N. Sh. (2016) *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [*Crime and Punishment in Early Modern Russia*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. Kozlov, A. G. (1981) *Tvortsy nauki i tekhniki na Urale. XVII — nachalo XX veka. Biograficheskiy spravochnik* [*Creators of Science*

and Technology in the Urals. 17th — Early 20th Century. Biographical Handbook]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

19. Latkin, V. N. (1909) *Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX st.)* [Textbook of the History of Russian Law during the Imperial Period (18th and 19th Centuries)]. Saint-Petersburg.

20. Linovskiy, V. A. (1849) *Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii* [Experience of Historical Research on Investigative Criminal Proceedings in Russia]. Odessa.

21. Lonskaya, S. V. (2003) *Rossijskie sudebnye reformy XVIII-XX veka* [Russian Judicial Reforms of the 18th — 20th Centuries]. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningrad. un-ta.

22. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 tomakh. Tom 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian Legislation of the 10-20 Centuries: In 9 volumes. Vol. 4. Legislation of the Period of Formation of Absolutism] (1986) Moscow: Yuridicheskaya literatura.

23. Man'kov, A. G. (1971) “Proekt ulozheniya Rossiyskogo gosudarstva 1720-1725 gg.” [“The Draft of the Code of the Russian State 1720-1725”], in *Problemy istorii feodal'noy Rossii. Sbornik statey k 60-letiyu V.V. Mavrodina*/ed. by A. L. Shapiro [Problems of the History of Feudal Russia. Collection of Articles for the 60th Anniversary of V. V. Mavrodin] Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, pp. 157-166.

24. Man'kov, A. G. (1980) *Sobornoe ulozhenie 1649 g. — kodeks feodal'nogo prava Rossii* [The Law Code of 1649 — the Code of Feudal Law of Russia]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.

25. Petrova, M. S. (2023) “Zakonodatel'naya baza ugolovnogo protsessa v Rossii v 1750-1760-e gg.” [“The Legislative Basis of Criminal Proceedings in Russia in the 1750s — 1760s”], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 9, 3, pp. 60-76.

26. Serov, D. O. (2009) *Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie. Monografiya* [The Judicial Reform of Peter I: Historical and Legal Research. Monograph]. Moscow: IKD “Zercalo-M”.

27. Serov, D. O., Fedorov V.A. (2018) *Sledovateli Petra Velikogo [Investigators of Peter the Great: Scientific Edition]*. Moscow: Molodaya gvardiya.

28. *Razvitie russkogo prava vtoroy poloviny XVII-XVIII vv./ed. by E. A. Skripileva [Development of Russian Law in the Second Half of the 17th — 18th Centuries]* (1992) Moscow: Nauka.

29. Stefanovskiy, K. I. (1873) “Razgranichenie grazhdanskogo i ugolovnogogo sudoproizvodstva v istorii russkogo prava” [“The Distinction between Civil and Criminal Proceedings in the History of Russian Law”], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, pt. 168, pp. 196-275, 321-366.

30. *Sud i sledstvie v Rossii XVIII veka. Proekt “O protsesse v kriminal'nyh ili rozysknyh, pytochnyh delah” [Trial and Investigation in Russia in the 18th Century. Project “On the Process in Criminal or Investigative, Torture Cases”]* (2023) Moscow: ID “Yurist”.

31. Weikhardt, G. G. (2007) “Probable Western Origins of Moscovite Criminal Procedure”, *Russian Review*, 66, pp. 55-72.

32. *Zakonodatel'stvo Petra I/ed. by V.M. Kleandrova [Legislation of Peter I/ed. by V.M. Kleandrova]* (1997) Moscow: Yuridicheskaya literatura.

33. Zamuruev, A. S. (1993) *Proekt Ulozheniya Rossiyskogo gosduarstva 1723-1726 gg. — pamyatnik otechestvennoj politiko-pravovoj mysli: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [The Draft of Law Code of the Russian State of 1723-1726 is a Monument to Russian Political and Legal Thought]*. Saint-Petersburg.

Иван Попп

Крестьянка идет в суд: практики работы волостных судов в пореформенной России

Попп Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет.
popp82@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка ответить на вопрос о степени включенности крестьянок в систему социально-экономических отношений в пореформенной российской деревне посредством обращения в волостной суд. В пореформенный период волостной суд — пространство, в котором сталкивались интересы сельчан, мужчин и женщин, — стал площадкой широкого гендерного взаимодействия, способствуя формированию повседневного правосознания и — шире — выработке практик крестьянского самоуправления. Автор анализирует указанную проблематику как в рамках анализа общеимперских позиций, так и с привлечением локального материала, в частности рассмотрения женских судебных дел в книгах решений Пермского губернского по крестьянским делам присутствия за 1878 г. и Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия за 1884 г. В статье делается вывод, что освобождение от крепостного права положило начало быстрой адаптации крестьянок к пореформенному судопроизводству. Крестьянки не боялись обращаться в суды даже по самым незначительным искам, полагая себя вполне равноправными участниками имущественных споров. При этом они могли рассчитывать на явную поддержку со стороны представителей волостных правлений.

Ключевые слова: женщина-крестьянка, гендерная история, повседневность, пореформенная Россия, судопроизводство, волостной суд, кассации приговоров, уездные и губернские по крестьянским делам присутствия.

Peasant Woman Goes to Court: Practices at the Volost Court in Post-Reform Russia

Popp Ivan Alexandrovich, PhD (History), Associate Professor, Ural State Pedagogical University.

popp82@mail.ru

Abstract: The article attempts to answer the question of the degree of peasant women inclusion in the system of socio-economic relations in the post-reform Russian village, through appeals to the volost court. In the post-reform period, the volost court — a space in which the interests of villagers, men and women, clashed — became a platform for broad gender interaction, contributing to the formation of everyday legal consciousness and — more broadly — the development of practices of peasant self-government. The author analyzes this issue both within the framework of the general imperial positions analysis and with the involvement of local material, in particular, the consideration of women's court cases in the books of decisions of the Perm provincial presence on peasant affairs for 1878 and the Irbit district presence on peasant affairs for 1884. The article concludes that the liberation from serfdom marked the beginning of the rapid adaptation of peasant women to post-reform legal proceedings. Peasant women were not afraid to go to court even for the most insignificant claims, considering themselves to be fully equal participants in property disputes. At the same time, they could count on clear support from representatives of the volost boards.

Key words: peasant woman, gender history, everyday life, post-reform Russia, legal proceedings, volost court, cassation of sentences, district and provincial offices for peasant affairs.

Как известно, в 1860-1880-е гг. бурные дебаты с целью поиска ответа на крестьянский вопрос, в том числе дискуссия, развернувшаяся на страницах прессы, были значимым фактором общественной жизни империи¹. При этом в поле зрения общественности попали не только крестьяне как социальная группа или мужчины-крестьяне, но и крестьянки с их особым положением, правами и обязанностями.

Образ крестьянки в прессе того периода был прямо увязан с категорией «угнетение». В периодических изданиях этого времени можно без труда найти рассуждения о «малопривлекательном», «малосимпатичном» отношении к женщинам в крестьянской среде². Активным в этот момент было обсуждение «бабьего вопроса», то есть обыденности побоев³, упоминались повсеместные «зверства» и «дикие расправы» крестьян над женами⁴. Повсеместным было убеждение, что «в тяжбах мужа с женой предпочтение всегда отдается мужу»⁵, что из-за фактического отсутствия разводов «гибнет, по преимуществу сторона слабейшая

- 1 См. также рефлексию в исследовательской среде: Пахман О. Н. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1; Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.
- 2 Мордовцева Д. Л. Как народ сам себя судит // Дело. 1874. № 1. С. 262-263.
- 3 Назарьев В. Н. Современная глушь (из воспоминаний мирового судьи) // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 610-624; Назарьев В. Н. Современная глушь (из воспоминаний мирового судьи) // Вестник Европы. 1879. № 5. С. 126, 143-146; Волостные суды (заметки провинциального адвоката) // Отечественные записки. 1873. № 5. С. 9-13, 22-24; Суд в деревне (из дневника бывшего мирового судьи) // Наблюдатель. 1882. № 2. С. 120; Лудмер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 446-467; Лудмер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 12. С. 658-679.
- 4 Екатеринбургская неделя. 1883. № 20 (25 мая). С. 330; 1887. № 35 (8 сентября). С. 828-829.
- 5 По вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. 1873. № 1. С. 87.

— женщина»⁶. Частыми были и сообщения о том, что волостные суды не спешили вставать на защиту чести и достоинства женщин⁷, что вызывало нежелание крестьянок искать справедливости в суде. Так, один из авторов «Юридического вестника» прямо утверждал, что, поскольку волостные судьи «становятся на сторону мужей..., крестьянки всевозможными ухищрениями избегают этот суд»⁸. В итоге современники задавались вопросом: «Это ли еще не власть тьмы, царящая в самых недрах коренной русской деревни?»⁹

Трактовка современников, зачастую подкреплявшаяся отсылками к фольклору¹⁰, как правило, не вызывала у историков вопросов или возражений. Это особенно видно на примере советской исследовательской литературы, где на первом плане находились проблемы неравенства и классовой борьбы. Советские историки представляли крестьянок дважды угнетенными: они «работали больше, чем мужчины, примерно на четыре часа в день», однако «труд женщин в крестьянском хозяйстве не содействовал развитию... и не приносил им экономической самостоятельности подобно труду работниц, потому что сельскохозяйственное производство

6 Способин А. Д. О разводе в России. М., 1881. С. 171. В материалах того периода мелькали и рассуждения о том, что если жена все же уходит от невыносимой жизни с мужем, то «наносит ему имущественный ущерб», а значит, должна оплачивать ему «наем работника или работницы для замещения ее по хозяйству» (Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. С. 51).

7 Красноперов И. М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 279.

8 Лудмер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 447.

9 Екатеринбургская неделя. 1888. № 1 (3 января). С. 14.

10 См. например, такие часто цитируемые высказывания, как: «Бабу не бить — толку не быть»; «Люби жену, как душу, а тряся, как грушу»; «Бей бабу обухом, припади да послушай: дышит, — лукавит, еще надо прибавить»; «До смерти не бей, а учи, пока не устанешь» (Мухина З. З. Повседневность русской девушки-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 157).

имело не общественный, а частный, индивидуальный характер»¹¹. Советская историография также была сосредоточена на исследовании «настоящего раскрепощения» женщины посредством «вовлечения... в общественное производство и общественную деятельность»¹², деятельности «женских движений» и роли женщин в революционно-освободительной борьбе¹³. Вопросы развития правосознания и правовой культуры среди женщин (в том числе в крестьянской среде) в академической повестке не значились.

Современная литература, связанная с изучением крестьянского сословия и истории женских сообществ, значительно сместила акценты. Сейчас очевиден высокий интерес к крестьянской теме и непосредственно к волостной юстиции, инициированный работами Дж. Бурбэнк, Л. Энгельштейн, В. Б. Безгиным, Л. И. Земцовым и др.¹⁴ Однако очевидно, что применительно к действиям

- 11 Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.) М.: Мысль, 1978. С. 136-137.
- 12 Белова В. С. Решение женского вопроса в СССР М.: о-во «Знание» РСФСР, 1975. С. 8-13.
- 13 Ковалева И. Н. Женский вопрос в России в 50-60-х годах XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки/под ред. Е. М. Жукова М.: Наука, 1981. С. 118-128; Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 3-269. Примечательно, что этот исследовательский тренд не был исчерпан с падением Советского Союза. В современной западной историографии в большей степени исследуют эмансипацию женщин в период модернизации России после 1861 г. через их социализацию в профессиональной, общественно-политической и интеллектуальной деятельности (см., например: Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2005; Энгель Б. Женщины в России, 1700-2000. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023; Адлер Э. «В их руках». Девичье еврейское образование в Российской империи. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023).
- 14 Бурбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст./сост. М. Баталина и др. М.: Новое изд-во, 2004. С. 320-358; Она же. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской

крестьянок конвенциональные установки пока не выработаны. Так, в отношении правосознания и правоприменения в литературе заговорили о значении волостных судов для пресечения проявления девиантного поведения в деревне¹⁵ и получения крестьянками по крайней мере отдельных гарантий на имущественные права и защиту достоинства¹⁶. В поле зрения исследователей попали и некоторые случаи, когда крестьянки выступали инициаторами судебных разбирательств, проявляя осознанность и стремясь защитить свои права¹⁷. Вместе с тем работающие в рамках указанной проблематики историки предлагают и спектр принципиально разных трактовок — от указания на отстраненность крестьянских женщин от общественных дел в целом¹⁸ до выводов о злоупотреблении жен-

России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188-196; Burbank J. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905-1917. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004; Энгельштейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология/под ред. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 217-268; Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломносовъ, 2017; Безгин В.Б. Крестьянка в волостном суде // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 32-41; Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002.

- 15 Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119-124.
- 16 Безгин В.Б. Крестьянка в волостном суде. С. 32-41; Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX — начала XX века. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015.
- 17 Лаухина Г.В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья: 60-е г. XIX — начало XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. С. 12-15.
- 18 Апкаримова Е. Ю. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII — начале XX в.: достижения современной историографии // Женщина в истории Урала и Сибири в XVIII — начале

щинами «сочувственным отношением судебных органов, рассматривавших мужчин как категорию, наиболее склонную к правонарушениям»¹⁹, и принципиально негативном отношении общин к женщинам, выносившим «сор из избы»²⁰.

В статье будет предпринята попытка ответить на вопрос о степени включенности крестьянок в систему социально-экономических отношений в пореформенной российской деревне через вовлеченность в судопроизводство волостной юстиции. Такая постановка вопроса представляется значимой. Ведь в пореформенный период волостной суд — пространство, в котором сталкивались интересы сельчан, мужчин и женщин, — стал площадкой широкого гендерного взаимодействия, способствуя формированию повседневного правосознания и — шире — выработке практик крестьянского самоуправления. Рассмотрение указанной проблематики будет проведено как в рамках анализа общеимперских позиций, так и с привлечением локального материала, в частности рассмотрения женских судебных дел в книгах решений Пермского губернского по крестьянским делам присутствия за 1878 г. и Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия за 1884 г.

Телесные наказания

Начало работы волостных судов в Российской империи практически сразу подняло на поверхность вопрос, решение которого для имперских чиновников, представителей судебной власти

XX в. Сб. науч. статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 11.

- 19 Барышников А. В. Преступления против личности: гендерный аспект (на материалах русской деревни Удмуртии второй половины XIX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 82-90.
- 20 Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства 1870-1900 гг. (С. В. Оболенская) // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: б/и, 1996. С. 233-239.

и самих крестьян имело серьезное значение, — телесные наказания для крестьянок.

Еще при подготовке крестьянской реформы в августе 1860 г. в Редакционных комиссиях развернулась большая дискуссия по поводу применения плетей и розог в отношении осужденных за преступления. Министр юстиции В. Н. Панин — ярый противник отмены телесных наказаний не только для мужчин, но и для представительниц слабого пола — заявлял, что «женщины часто совершают преступления, обнаруживающие в них присутствие большей развращенности, чем в мужчинах, а пол и сословие возвышают не освобождение от наказания, а не совершение преступления... Насчет женщин — иная дерется, — тех, которые воруют и бьют других, следует тоже, мне кажется, сечь»²¹. Видимо, подобные заявления высокопоставленных чиновников сыграли свою роль в первоначальном отсутствии каких-либо преференций для крестьянок в отношении применения телесных наказаний в волостном суде. В «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. от розог освобождались только престарелые крестьяне после 60 лет, должностные лица сельского самоуправления и крестьяне, завершившие курс в образовательных организациях. Женщины в этом контексте в принципе не упоминались. При этом волостным судам временно разрешалось применять «меры наказаний» за маловажные преступления и проступки по «Сельскому судебному уставу» для государственных крестьян, изданному еще до освобождения от крепостной зависимости²². По этому законодательному акту лишь беременным женщинам телесное наказание могло быть заменено на «заключение под стражу»²³.

- 21 Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. (Освобождение крестьян. Отмена телесного наказания. Цензурная реформа. Новый суд и пр.). М., 1892. С. 107-108, 115-116.
- 22 Полное собрание законов Российской империи Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 36 (1861). Ч. 1. № 36657. С. 157, 341.
- 23 Устав о благоустройстве в казенных селениях // Свод законов Российской империи (далее — СЗРИ). СПб., 1857. Т. XII. Ст. 454. С. 79.

Вместе с тем ставшие достоянием гласности случаи применения телесных наказаний в отношении крестьянок зачастую вызывали острую общественную реакцию, а призывы нивелировать гендерные различия в подобных делах звучали как на столичном, так и на локальном уровне. Так, весной 1861 г. в Херсонском губернском по крестьянским делам присутствии был поставлен вопрос о телесном наказании для крестьянок. Члены присутствия обратили внимание, что все «изъятия» в применении телесных наказаний не относятся к женщинам («60-летний возраст не применяется в законах к женщине»), отмечая, что «старуху таких лет можно убить двадцатью ударами»²⁴. Они также указали, что «в статье 124-й исчислены должности, занимаемые по волостному и сельскому управлению только мужчинами. Наконец, женщины не принимаются ни в одно из означенных училищ. Если б приведенные статьи распространялись на женщин, то и для них нашлись бы изъятия, именно, особые лета, беременность, воспитание в заведениях, приличных их полу, наконец, должности акушерок, надзирательниц в больницах, наставниц»²⁵. В это же время Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор А. Г. Строганов также «изъяснил, что он находит возможным, благоприличным и даже необходимым совершенно освободить от телесного наказания всех вообще женщин, принадлежащих к сословию временно-обязанных крестьян и дворовых людей, заменив оное другими установленными взысканиями»²⁶.

Сторонники отмены телесных наказаний были и в правительстве. В 1861 г., сразу после назначения министром внутренних дел, П. А. Валуев вышел с инициативой в Главный комитет об устройстве сельского состояния с предложением «Об изъятии от наказаний телесных женщин всех сельских сословий за про-

24 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 6. Л. 34.

25 Там же. Л. 34 об.

26 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 6. Л. 35.

ступки, подлежащие разбору общественного крестьянского суда и полицейских мест»²⁷. В августе 1861 г. Главный комитет «нашел» справедливым дополнить примечания к 102-й статье «Общего положения о крестьянах» и запретить волостным судам приговаривать к телесному наказанию лиц женского пола при достижении ими 50-летнего возраста, получении образования в учебных заведениях, работе повивальными бабками, смотрительницами больниц, сельских училищ и школ, а также принадлежности к семьям должностных лиц волостного и сельского управления²⁸.

В мае 1862 г. этот важный вопрос обсуждался в департаменте законов Государственного совета. Позиции участников обсуждения были в большинстве своем схожи. Лишь министр юстиции В. Н. Панин предложил сохранить телесные наказания для женщин, но «подвергать их сим наказаниям лишь вполовину против мужчин, не производя над ними никогда публичного наказания»²⁹. Остальные восемь членов департамента во главе с председателем князем П. П. Гагариным высказались за «несовместимость телесных наказаний с физическим сложением и нравственным положением женщин», а также «о вредном действии этих наказаний на развитие половых органов, особливо же принимая во внимание, что телесное наказание женщин вообще опасно в том отношении, что нередко нет возможности удостовериться, и даже самим наказываемым не всегда известно, не находятся ли они в беременном состоянии»³⁰. Все это повлияло на решение Александра II, который в 1863 г. подписал закон об освобождении женщин от телесного наказания³¹.

Несмотря на это, иногда крестьянок все же наказывали. Так, в феврале 1864 г. калужский губернатор Э. В. Лерхе сооб-

27 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 6. Л. 34 об.

28 Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния. С 5 марта 1861 года по 28 декабря 1862 года. Пг. Т. 1. 1918. С. 276.

29 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 3. Л. 13 об.

30 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 3. Л. 14.

31 ПСЗ-2. Т. 38 (1863). Ч. 1. № 39505. С. 353.

шал в Министерство внутренних дел, что «встречаются решения судов совершенно неправильные... в Тарусском уезде 6 сентября 1863 г. наказана телесно крестьянка, что противно Высочайшему повелению»³². Одновременно волынский губернатор М. И. Чертков пожаловался на крестьянский самосуд и наказание розгами местной крестьянки Степаниды Форманюк «за развратную жизнь»³³. В ноябре 1871 г. таврический губернатор А. Г. Рейтерн также обратил внимание на незаконное наказание Сарабузским волостным судом местной поселянки Агафьи Орловой 18 ударами розог «за нанесение ею своему односельцу Марку Орлову побоев»³⁴.

Рассматривая эти случаи, стоит учесть мнение историка Б. Н. Миронова, который утверждает, что в Российской империи пореформенного периода «жены за непослушание — самовольные отлучки, адюльтер и т. д. — приговаривались к тем же наказаниям» (как и мужчины. — *Прим. авт.*), то есть к штрафам, арестам и розгам³⁵. При этом телесные наказания для женщин в некоторых местностях расценивались как исключительные в борьбе с мелкими преступлениями и безнравственностью слабого пола и, скорее всего, относились к внесудебным мерам крестьянского самосуда.

В большинстве случаев после 1863 г. в решениях волостных судов против женщин розги не применялись. Материалы многочисленных книг решений волостных судей Пермской губернии, документов Шадринского, Ирбитского уездных по крестьянским делам присутствий и Пермского губернского по крестьянским делам присутствия за 1860-1890-е гг. не фиксируют ни одного случая применения телесных наказаний в отношении женщин.

32 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1291. 1863 г. Оп. 36. Д. 140 б. Л. 271-272 об.

33 РГИА. Ф. 1291. 1863 г. Оп. 36. Д. 140 б. Л. 382-382 об.

34 РГИА. Ф. 1291. 1871 г. Оп. 37. Д. 200. Л. 1.

35 Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланов, 2015. С. 102.

Истицы и ответчицы: случай Пермской губернии

С учетом вышесказанного остается открытым вопрос о том, насколько часто — особенно имея в виду существование опасности телесных наказаний в первые годы работы волостной юстиции — крестьянки обращались с жалобами в суд и — шире — как часто безотносительно роли в судебном процессе они оказывались перед волостным судом. На наш взгляд, ответить на этот вопрос можно с привлечением локальных источниковых данных.

Богатый документальный материал в этом отношении содержат фонды уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, первой кассационной инстанции по делам крестьянского самоуправления. В Государственном архиве Свердловской области хранится несколько книг «для записки решений» Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия Пермской губернии (далее — Ирбитского присутствия) за период с 21 февраля по 25 ноября 1884 г. Сюда обращались крестьяне всего Ирбитского уезда с жалобами на пересмотр судебных дел. Отметим, что члены Ирбитского присутствия могли согласиться с доводами, изложенными в жалобе, и отменить решения волостных судов за нарушением, например, 103-й и 107-й статей «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», то есть на основании неправильной подачи жалобы или отсутствия процедуры примирения сторон³⁶.

Согласно сохранившимся данным, большая часть постановлений касалась волостного судопроизводства: из 252 дел, рассмотренных Ирбитским присутствием, 138 (54%) были посвящены волостному суду. При детальном рассмотрении оказывается, что среди общего числа жалоб на волостные суды 36 жалоб (26%) напрямую касались женщин. В основном истицами здесь являлись сами крестьянки. Они проявляли активность и не боялись понятных им деятелей сельской Фемиды. Так, в 25 случаях пред-

36 ПСЗ-2. Т. 36 (1861). Ч. 1. № 36657. С. 157.

ставительницы слабого пола обращались в волостной суд, заявляя свои права на имущество или отстаивая свою честь из-за оскорбительного поведения односельчан. При этом в 7 делах ответчицами фигурировали другие женщины. Иными словами, примерно в 1/5 процессов крестьянки судились друг с другом. Лишь в 11 делах свои жалобы в отношении женщин заявляли мужчины. При этом такие дела касались мелких краж, ухода жен из дома или взыскания денежных средств за несостоявшуюся свадьбу³⁷.

Анализ качественного состава обращений по судебным делам крестьянок демонстрирует, что из 36 жалоб всего 16 дел касались женских проступков или мелких уголовных дел против сельчанок, остальные 20 дел составляли имущественные споры³⁸. Обращает на себя внимание, что крестьянки достаточно часто судились между собой из-за взаимных оскорблений, побоев и мелкого воровства³⁹. Так, в апреле 1884 г. в Ирбитском уездном по крестьянским делам присутствии рассматривалась жалоба крестьянской девицы Мавры Босановой на решение Чубаровского волостного суда, согласно которому с солдатки Соломонии Бобровой «за нанесение просительнице оскорблений» было присуждено денежное взыскание в пользу местного училища в размере 1 рубля. Истицу Босанову не устраивала мягкость приговора волостного суда, так как «проступок Бобровой совершен в публичном месте при катании на масленице», поэтому она безуспешно попросила членов присутствия увеличить наказание ответчице⁴⁰.

Рассмотрение 20 гражданских дел по имущественным спорам показывает, что проигравшие суд (как правило, мужчины)

37 Подсчитано по следующим материалам: ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-296; Д. 66. Л. 1-242.

38 В делах об имуществе крестьянки вступали в юридические споры даже с жителями соседних волостей (см., например: Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 456.).

39 Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 222-224, 231-232, 234-235; Д. 66. Л. 13-14, 108-109, 193-194, 200-202.

40 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 234-235.

жаловались в Ирбитское присутствие из-за того, «что волостной суд присудил взыскание в большем размере против заявленного иска»⁴¹, неверно отказался «от рассмотрения встречного иска»⁴², не принял к рассмотрению дела «о водворении... для совместного сожительства жены»⁴³ или нарушил статью 107 «Общего положения», то есть не попытался примирить тяжущихся⁴⁴. В целом спектр жалоб не отличался от общей массы обращений. Крестьяне жаловались в кассационные инстанции обычно «по существу» дела, поэтому чаще всего не достигали желаемого результата.

В указанных материалах содержится также информация о случаях, когда женщина-крестьянка вполне методично добивалась своих целей в борьбе за имущество. Так, в 1884 г. вдова Лукья Макарова заявила в Киргинском волостном суде претензию на пасынка Поликарпа Макарова за то, что «последний выгоняет ее из дома, оставшегося после смерти мужа». При разборе дела Поликарп заявил, «что вследствие беспокойного характера мачехи ныне он не желает оставить ее в своем доме, а желает уплатить ей на постройку отдельной избы 20 рублей», но крестьянка осталась недовольна решением и обратилась в Ирбитское присутствие, где добилась отмены приговора, апеллируя суммой имущества мужа, которая превышала, по ее мнению, 500 рублей, а следовательно, такое дело было неподсудно волостному суду, разбиравшему крестьянские споры до 100 рублей⁴⁵.

Отметим, между прочим, что крестьянки достаточно часто вполне адекватно мотивировали свои претензии к волостным судам, указывая, что последние «не допросили с ее стороны свидетелей..., лишив этим просительницу права защиты по делу»⁴⁶, или, признав просительницу больной, не отложили разбор дела

41 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 20 об.

42 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 214-216.

43 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 9-10.

44 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 223-228.

45 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 206-207.

46 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 78-79.

или не предложили сторонам обряда примирения»⁴⁷. В ряде случаев в текстах можно обнаружить отсылки к официальным документам. Так, просительница Марфа Пономарева указывала, что рассматривавший ее дело волостной суд «неподлежательно касался действий сельских старост и общества в отношении продажи имущества и вещами своими, нарушающих Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета от 1 февраля 1877, в силу коего продажа имущества крестьянских малолетних сирот разрешается опекунами или родителями по приговору сельского схода, одобренному губернским присутствием»⁴⁸. Во всех подобных случаях члены Ирбитского присутствия вставали на сторону женщин и отменяли решение волостных судей.

В целом рассмотрение решений Ирбитского присутствия за 1884 г. не позволило выявить ни одного случая, когда в волостном суде мужчины из-за проступков в отношении крестьянок остались бы безнаказанными. В качестве приговора здесь применялись аресты, битье розгами и компенсация потерянному крестьянками имущества. В случаях, если речь шла о проступках женщин в отношении друг друга, наказания назначались в соответствии с общепринятыми нормами, но без использования розог. В имущественных спорах крестьянка также чувствовала защиту и в большинстве случаев добивалась справедливого перераспределения материальных средств.

Между прочим, упомянутый выше случай с Лукией Макаровой, судившейся с пасынком, подтверждает, что крестьянки могли неплохо разбираться в системе кассационного обжалования приговоров. Показательно, например, что, не получив поддержки в уездных по крестьянским делам присутствиях, крестьянки решались «искать правды» в губернских городах, обращаясь в губернские по крестьянским делам присутствия — высшие региональные кассационные инстанции.

47 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 66-67.

48 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 70-71.

В этом отношении представляет интерес дело Акулины Кочневой, подавшей в волостной суд жалобу на Алексея Павлова «за буйство и за оскорбление». Глинский волостной суд подверг Павлова штрафу в размере 1 рубля в мирской капитал. Одновременно крестьянке были назначены общественные работы — ее заставили вымыть пол в волостном правлении. Акулина, однако, не стала терпеть такой обиды теперь уже от волостных судей и с жалобами дошла до губернского присутствия, прося «пересмотреть дело вновь и взыскать с ответчика в ее пользу и за обиду, и за убытки 47 рублей». И хотя служащие Пермского губернского по крестьянским делам присутствия не проявили сочувствия к истице⁴⁹, ее стремление добиться правды в высшей судебной-административной инстанции региона говорит о формировании новой правовой культуры.

Анализ журналов Пермского губернского по крестьянским делам присутствия позволяет идентифицировать, что речь в данном случае шла не о единичных случаях, а о появлении системы. Просмотренные денные за период октябрь — декабрь 1878 г. демонстрируют следующую специфику в отношении жалоб «сельских обывателей» на действия местных мировых посредников и решения уездных мировых съездов Пермской губернии по вопросам организации и деятельности крестьянского самоуправления. Всего за два с половиной месяца члены губернского присутствия вынесли определения по 434 обращениям крестьян. К вопросам кассации решений волостных судов относились 160 дел (37% от общего числа)⁵⁰. При этом в 56 делах (35%) женщины

49 Пермское губернное по крестьянским делам присутствие постановило: «Так как определение степени виновности и наложения на виновных меры наказания вполне зависит от усмотрения волостного суда, а права проверки приговоров волостных судов по существу дела мировым крестьянским учреждениям законом не предоставлено, то губернное присутствие не усматривает в жалобе крестьянки Кочневой кассационных поводов к отмене решения» (ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 120-120 об.)

50 Из них лишь 16 жалоб (около 10%) были признаны справедливыми и отправлены на пересмотр.

фигурировали в качестве истцов или ответчиков по самым разнообразным малозначительным имущественным делам и уголовным проступкам. В 37 судебных процессах крестьянки фигурировали в качестве истцов против мужчин по разделу имущества, мелким кражам, оскорблениям чести и даже попыткам изнасилования. В 12 делах, наоборот, сельчанки выступали ответчицами перед представителями сильного пола из-за имущественных споров, краж вещей, нанесения оскорблений и побоев. Всего в 7 делах крестьянки судились между собой из-за денежных споров, «угона» телки, взаимных обид и мелких краж⁵¹.

Из материалов Пермского губернского присутствия видно, что волостные суды старались принимать справедливые решения о наказании обидчиков, а истицы получали достойное вознаграждение за утерянную собственность. Так, Каслинский волостной суд присудил взыскать с крестьянина Федора Столбикова в пользу крестьянки Курочкиной 15 рублей за кражу быка. На это решение ответчик жаловался сначала в Екатеринбургско-Красноуфимский мировой съезд, а затем в Пермское губернское присутствие, ссылаясь на «не спрос волостным судом свидетелей с его стороны». Члены присутствия оставили это дело «без последствий»⁵². Нижнетагильский волостной суд, разобрав дело о краже Петром Красиловым и Кириллом Шаровым разных вещей у «мастерской» жены Екатерины Лаптевой, приговорил обоих к аресту каждого на двое суток и денежному взысканию в пользу Лаптевой в размере 8 рублей 40 копеек. Ответчики также не смогли обжаловать это решение суда⁵³. Схожим образом завершилось дело о краже 9 рублей у солдатки Василисы Патраковой. С виновного в воровстве односельчанина Леонтия Поварищенного взыскали украденную сумму, приговорив его также к телесному наказанию (15 ударов розгами)⁵⁴.

51 Расчеты по: ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-980 об.

52 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 9-9 об.

53 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 19-19 об.

54 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 161-162 об.

Приговоры

Полное освобождение крестьянок от телесных наказаний в 1863 г. явно смягчило приговоры волостных судов в отношении женщин, которых отныне могли присуждать только к аресту до 7 дней, денежному взысканию до 3 рублей и общественным работам до 6 дней. По мнению некоторых современников, это плохо повлияло на «законопослушность» крестьянок. Так, в 1868 г. мировые судьи Лугского уезда Санкт-Петербургской губернии — тайный советник Бек и полковник Зварковский — констатировали, что «так как женщины в настоящее время вовсе изъяты от наказаний телесных, то определяемое “Сельским судебным уставом” наказание за кражу и мошенничество к ним вовсе неприменимо и вследствие того, они *остаются совершенно безнаказанными* (курсив мой. — Прим. авт.)»⁵⁵.

Хотя такая оценка представляется явно преувеличенной, нельзя не отметить, что в пореформенный период отношение к женщинам в сословном волостном суде за маловажные проступки действительно носило в известной мере особый характер, а наказания в целом были сравнительно мягкими. Причем если крестьянка за мелкую кражу попадала во всесословный мировой суд, то могла быть приговорена к гораздо более серьезным взысканиям. Например, в августе 1868 г. тульский губернатор А. М. Быков сообщал в Министерство внутренних дел, что крестьянка Пелагея Иванова за кражу яблок у крестьянина Ивана Плотникова приговорена мировым судом «к заключению под арестом на 3 месяца». Естественно, ответчица обратилась за апелляцией в местный съезд мировых судей, решение отменили, и дело рекомендовали рассмотреть в волостном суде, где ей грозило максимальное наказание до 7 дней ареста при волостном правлении⁵⁶.

55 РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482 а. Л. 26.

56 Ф. 1291. Оп. 36, 1868. Д. 21. Л. 21-22.

Показательны и приговоры волостных судов Тамбовской губернии в отношении обид, нанесенных крестьянкам. Так, в случае получения жалоб на избивание волостные судьи, как правило, вставали на сторону женщин⁵⁷. Более того, нам известны случаи, когда сельские старосты подавали жалобы в волостной суд, отстаивая интересы пострадавших женщин. В подобных случаях судьи могли назначить телесное взыскание обидчику, например, «наказать 20 ударами, исполнить через старосту и объявить..., чтобы он (ответчик. — *Прим. авт.*) оставил все свои дурные поступки и жил бы в своем семействе смирно»⁵⁸.

В Пермской губернии волостные судьи довольно строго наказывали за «оскорбление крестьянских девиц», вставая на сторону последних и присуждая мужчин иногда к двойному наказанию не только арестом, но и денежным взысканием в пользу обиженной⁵⁹ или общественным работам и «денежному вознаграждению свидетелей»⁶⁰. Среди приговоров значатся и удары розгами⁶¹. «Сельские обыватели» проигрывали дела даже в тех случаях, когда истицы прибегали к оскорблению в присутствии волостных судей⁶². Интересно, что подобная ситуация оказалась замеченной властями. В 1872 г. сенатор П. Н. Клушин, ревизовавший Пермскую губернию, отметил такое снисходительное отношение к местным крестьянкам в волостном суде. По мнению сенатора, здесь за «оскорбление женщин полагалось наказание большее, чем за обиду мужчин», к тому же женщины выигрывали в имущественных спорах⁶³.

57 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов: (Словес. опросы крестьян, письм. отзывы различ. мест и лиц и решения: волост. судов, съездов мировых посредников и губ. по крестьян. делам присутствий). СПб., 1873. Т. 1. С. 32, 39.

58 Там же. С. 295.

59 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 22-23, 59-60.

60 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 106-107.

61 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 200-202.

62 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 61-62.

63 РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 106.

Крестьянок наказывали достаточно мягко в разных губерниях Российской империи даже в случаях, когда речь шла о пьянстве или распутстве. Так, волостные судьи Моршанского уезда Тамбовской губернии сделали лишь «замечание» крестьянке Акулине Деминой «за растрату без дозволения мужа денег»⁶⁴, а волостные судьи Шуйского уезда Владимирской губернии отправили другую крестьянку под арест на 3 дня за «худое и распутное поведение», постановив, что после отбытия наказания «она должна опять жить вместе с мужем мирно и почитать его и его родителей»⁶⁵. Более общие жалобы крестьян на своих жен из-за «нетрезвой и распутной» жизни чаще всего оставались «без последствий»; волостные судьи могли вносить предложение о рассмотрении таких дел в духовном суде⁶⁶ или «в общих судебных местах»⁶⁷.

В описанной системе приговоров исключения составляли, пожалуй, лишь штрафы в пользу мужчин из-за отказа от будущей свадьбы. Так, в марте 1884 г. крестьянин Знаменской волости Ирбитского уезда Пермской губернии Матвей Кутькин получил от несостоявшейся невесты 14 рублей, назначенных в качестве выплаты «за нарушение договора о выходе в замужество»⁶⁸, а в ноябре 1884 г. ирбитскому крестьянину Большедворову было «присуждено денежное взыскание с крестьянской девицы Елены Соколовой в количестве 7 рублей за причинение убытков по приготовлению к свадьбе, которая, вследствие несогласия Соколовой, не состоялась»⁶⁹.

Видимо, иногда женщины не гнушались использовать откровенный подкуп местных судей, иначе невозможно объяснить несправедливые решения по имущественным спорам. Так, покровские волостные судьи разобрали дело об «угоне» телки крестьянки Маремьяны Стригановой. Ответчица Степанида Крякунова по ре-

64 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 72.

65 Там же. Т. 2. С. 35.

66 Там же. С. 18.

67 Там же. С. 35.

68 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 43-44.

69 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 226-227.

шению судей должна была заплатить истице лишь 1,5 рубля и оставить корову у себя. Стриганова обратилась в вышестоящие инстанции, доказывая несправедливость такого незначительного денежного взыскания с «угонщицы». В жалобе Пермскому губернскому по крестьянским делам присутствию Маремьяна подтвердила: «Крякунова при выходе из суда говорила, что угощала волостных судей водкой», но странное решение было оставлено в силе⁷⁰.

Волостная юстиция вставала на сторону крестьянок даже в неоднозначных делах. В этом смысле обращает на себя внимание дело крестьянина Вятской губернии Афанасия Токарева, который жаловался «по инстанциям» на решение Мотовилихинского волостного суда о взыскании с него 5 рублей в пользу Александры Худяковой за «оскорбление словами». Крестьянин пытался доказать, что истица не заявляла на суде требований о взыскании денег, да и «сама Худякова наносила ему обиду словами»⁷¹. Похожий случай произошел с крестьянином из Владимирской губернии Петром Шипиным, который попытался взыскать долг с писаря Красноуфимского уезда Пермской губернии: «Драка с писарем Половниковым началась в питейном заведении из-за того, что Шипин потребовал с Половникова 1 рубль 80 копеек долга, а тот со старостой Никифоровым был в нетрезвом виде и стало быть против. К ним же пристала жена Половникова, а когда проситель при помощи свидетелей освободился, то писарь побежал в волостное правление и в книгу явок внес заявление о буйстве его, Шипина, и нанесении оскорбления». В результате местные волостные судьи взыскали в пользу Прасковьи Половниковой «за оскорбление ее чести в публичном месте» 5 рублей⁷². В итоге Прасковья Половникова помогла мужу не только избавиться от долгов, но и получить прибыль с кредитора.

70 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 520-520 об.

71 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 31-32.

72 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 283-283 об.

В известных нам материалах Пермской губернии пореформенного периода находятся лишь единичные случаи, когда крестьянки не смогли добиться правды в системе волостной юстиции. Так, Верхнетагильский волостной суд не стал рассматривать заявление Авдотьи Кондратьевой о «нанесении ей крестьянином Таланкиным оскорблений на словах и ударом в грудь», а кассационные инстанции в этом деле не нашли «ни превышения власти, ни отступления от предписанных законом формальностей»⁷³. Иленский волостной суд также не стал рассматривать жалобу солдатки Александры Печеркиной о «выбитии стекол» крестьянином Никитой Печеркиным. Повторную просьбу отклонил «по бездоказательности», а за «ложное обвинение» судьи подвергли истцу аресту на 3 суток⁷⁴.

Сохранившиеся в региональных архивах книги для записи решений волостных и третейских судов подтверждают тенденцию поддержки крестьянок волостными судами⁷⁵. Очевидно, что такие установки были характерны не только для Пермской губернии. Это подтверждается выводами известного исследователя волостной юстиции Л. И. Земцова, работавшего с материалами волостных судов нескольких уездов Рязанской губернии за 1861-1875 гг. Историк обратил внимание, что среди обращающихся к представителям местной Фемиды за помощью в решении семейных проблем было много женщин. По мнению Земцова, приговоры по таким делам, «особенно в случаях неурядиц в семье, показывают уважение крестьян к собственности женщины, попытки защитить ее от произвола мужа, часто — деверя, иногда — всего семейства мужа»⁷⁶.

73 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 279-279 об.

74 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 516-517.

75 ГАПК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 10, 16, 18; Государственный архив г. Шадринска (далее — ГАШ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 71; Ф. 11. Оп. 2. Д. 57; Ф. 25. Оп. 1. Д. 91, 94; Ф. 28. Оп. 1. Д. 22; ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52, 54; Ф. 669. Оп. 1. Д. 7, 8.

76 Земцов Л. И. волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж.: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 61.

Родители и дети

Вероятно, рассчитывать на особую защищенность в суде крестьянки могли, если речь шла о защите прав детей и стариков. Такого рода проступки традиционно карались в крестьянской среде максимальным наказанием, и позиция волостного суда в этом отношении осталась неизменной. Более того, волостная юстиция жестко пресекала всякие попытки ухода молодых крестьян от традиционной ответственности перед пожилым родителям, а дела, касавшиеся признания малолетних и стариков, решались волостными судами в пользу слабых и беззащитных⁷⁷. Так, в апреле 1884 г. крестьянин Иван Костромин безуспешно пытался обжаловать в Ирбитском присутствии суровое постановление Антоновского волостного суда, наложенное на него «за нанесение оскорблений матери своей Ирине Калистратовой, самовольный захват коровы и лошади в 45 рублей и кражу сена». Судьи не только постановили вернуть все имущество пожилой женщине, но и присудили молодого человека к 20 ударам розгами⁷⁸. Даже приемную мать крестьянин был обязан содержать до конца ее дней. Так, в это же время покровские волостные судьи обязали Харитона Чащина «доставлять приемной матери Аксинье Клепининой причитающееся содержание» и осудили на 7 дней ареста из-за попытки избежать исполнения решения⁷⁹.

Значимой категорией жалоб следует признать и дела о материальной помощи жене и детям от нерадивых мужей. Поскольку согласно общему праву «муж жену с детьми кормить обязан и доставлять ей все жизненные потребности», запрос от крестьянок на помощь такого рода получал адекватный отклик в волостных судах. Мужей либо обязывали «выдавать детям на прокормление ежемесячно по 2 рубля 60 копеек», либо «строго внушали» кре-

77 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 524-524 об.

78 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 233-234.

79 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 241-242.

стьянину, «чтобы он не бросал свое семейство безо всякого жизненного содержания»⁸⁰. Оставившего свою семью без содержания крестьянина могли подвергнуть наказанию розгами (до 20 ударов) и обязать «подпиской, чтоб он жену свою взял к себе и жил бы с ней как следует, не причиняя ей никаких обид»⁸¹. Так, в 1869 г. в Шуйском уезде Владимирской губернии волостной суд решил «обязать подписками как мужа, так и жену для совокупного их жития, причем первый, чтоб безукоризненно доставлял жене своей пропитание и содержание, а последняя находилась в должном повиновении», а для обеспечения содержания жены и малолетних детей, а также сохранения совместного имущества было решено «приставить опекунов», которые могли контролировать финансы семьи и «по мере надобности» выдавать денежные средства женщине. Такую опеку назначали и в случае пьянства мужей⁸².

Важно, что при нарушении традиционных норм поведения самими женщинами по отношению к родителям судьи всегда вставали на сторону старшего поколения. Например, Пермско-Кунгурский съезд мировых посредников утвердил три решения Мотовилихинского волостного суда о присуждении «мастерской» вдовы Евдокии Панариной «за оскорбление» своих отца и матери⁸³.

Однако уже на кассационном уровне современники не всегда понимали мировоззрение крестьян и иногда смягчали приговоры волостных судов, строго стоявших на защите старшего поколения. Примечательно в этом отношении дело Матрены Рогозинниковой, разбирательство по которому пришлось на 1878 г. Невьянский волостной суд рассмотрел жалобу Матрены Рогозинниковой на ее сына Степана о «должных денег 80 рублей, о доставлении ей от него приличного содержания до ее смерти, а также о взыскании с него за оскорбление». Две первые

80 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 287, 341, 458.

81 Там же. Т. 2. С. 10.

82 Там же. С. 21.

83 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 166-166 об.

просьбы Матрены были удовлетворены, кроме «взыскания с сына за оскорбление». Таким взвешенным решением судьи попытались примирить конфликтующих близких родственников, «предупредив при этом обе стороны никаких друг другу обид и оскорблений не наносить под опасением ответственности». Это решение не удовлетворило ни мать, ни сына. Решение было обжаловано в Екатеринбургско-Красноуфимском съезде мировых посредников. Мать справедливо указывала, что волостной суд не имел права отказать ей в удовлетворении за оскорбление словами, так как «по жалобе родителей на детей не требовалось доказательство». Сын же в принципе не признал возможность подсудности настоящего дела волостному суду. Мировые посредники в целом встали на сторону Матрены и утвердили решение волостного суда, отменив лишь часть дела, касавшуюся оскорбления сыном матери, из-за «неподсудности»⁸⁴.

Это постановление отчасти противоречило «Сельскому судебному уставу» и мировоззрению крестьян, сурово каравших за «непочтение, грубость и дерзость младших против старших». Что же касалось «неотделенных детей, непослушных родителям, а тем более оскорбивших их словами», то такие проступки наказывались «по воле родителей соразмерно сделанному оскорблению». Даже «отделенные дети, оскорбившие родителей словами», по просьбе последних подлежали суровым взысканиям. В любом случае расправу учиняли над всеми детьми, «отказывавшими» родителям «в пище, одежде и вспоможении, особенно в старости и болезни»⁸⁵. Это подтверждается решениями волостных судей Козловского уезда Тамбовской губернии, которые в 1871 г. крестьянина Егора Жукова «за оскорбление и ругательство матери, по воле матери, наказали розгами по ее усмотрению»⁸⁶.

84 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 305-305 об.

85 Устав о благоустройстве в казенных селениях // СЗРИ. Т. XII. Ст. 487, 489-491. С. 83-84.

86 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 341.

Очевидно, такой патриархальный подход был неприемлем для некоторых региональных чиновников губернского присутствия. Поэтому дело Матрены Рогозинниковой в конце концов было обжаловано в Пермском губернном по крестьянским делам присутствии, изъято из волостного судопроизводства и направлено в мировой суд, который действовал на основе «писаного» права и не выносил решения в пользу «матери без всяких доказательств со стороны последней по одному лишь требованию без всякого удостоверения в справедливости иска»⁸⁷. В этом случае обычаи, закрепленные в крестьянском мире, конфликтовали с позитивным правом, ориентировавшим население на подтверждение доказательств и строгие законодательные рамки.

В целом рассмотрение обращений крестьянок в волостной суд позволяет обнаружить позитивное влияние пореформенных крестьянских судебных институтов на развитие правовой культуры в этой среде. Крестьянки не боялись обращаться в суды даже по самым незначительным искам. При этом женщина, стремившаяся к сохранению семьи, развитию хозяйства и достижению относительного благополучия, в подавляющем большинстве случаев могла найти поддержку у представителей крестьянского самоуправления, которые видели себя хранителями традиционных ценностей сельского мира. Так в пореформенной России формировалась система включения крестьянок в социально-экономическую жизнь деревни на условиях большей акторности — крестьянки ощущали перемены, активно использовали новый суд, «ходили по инстанциям» и добивались справедливости.

Литература

1. Адлер Э. «В их руках». Девичье еврейское образование в Российской империи. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023. 269 с.

87 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 306.

2. Апкаримова Е. Ю. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII — начале XX в.: достижения современной историографии. // Женщина в истории Урала и Сибири в XVIII — начале XX в. Сб. науч. статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 151 с.

3. Барышников А. В. Преступления против личности: гендерный аспект (на материалах русской деревни Удмуртии второй половины XIX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 82-90.

4. Безгин В. Б. Крестьянка в волостном суде // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 32-41.

5. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М: Ломоносовъ, 2017. 237 с.

6. Белова В. С. Решение женского вопроса в СССР. М: о-во «Знание» РСФСР, 1975. 56 с.

7. Бурбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст./сост. М. Баталина и др. М.: Новое изд-во (Тип. ЦИСН Минпромнауки России и РАН), 2004. 382 с.

8. Бурбэнк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188-196.

9. Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. 447 с.

10. Ковалева И. Н. Женский вопрос в России в 50-60-х годах XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки/под ред. Е. М. Жукова М.: Наука, 1981. 344 с.

11. Лаухина Г. В. Женский труд в крестьянском хозяйстве

Центрального Черноземья: 60-е г. XIX — начало XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. 23 с.

12. Меншиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119-124.

13. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланов, 2015. 989 с.

14. Мухина З. З. Повседневность русской девушки-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 856 с.

15. Мухина З. З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX — начала XX века. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 51 с.

16. Нагорная М. А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России: последняя четверть XIX — начало XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 22 с.

17. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 272 с.

18. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2005. 444 с.

19. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 495 с.

20. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. 455 с.

21. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства 1870-1900 гг. (С. В. Оболенская) // История мен-

тальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: б/и, 1996. С. 233-239.

22. Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 254 с.

23. Шаповалова С. П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60-90-е годы XIX века: исторический портрет. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 22 с.

24. Энгель Б. Женщины в России, 1700-2000. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023. 420 с.

25. Энгельштейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология/под ред. М. Дэвид-Фокса. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 217-268.

26. Burbank. J. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905-1917. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 374 p.

References

1. Adler, E. (2023) *“V ix rukah”. Devich'e evreyskoe obrazovanie v Rossiyskoy imperii* [*“In Their Hands”. Jewish Education for Girls in the Russian Empire*]. Saint Petersburg: Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press.

2. Apkarimova, E. Yu. (2007) “Russkaya zhenshhina v obshhestvennoy zhizni ural'skogo i sibirskogo goroda v XVIII — nachale XX v.: dostizheniya sovremennoy istoriografii” [*“Russian Woman in the Public Life of the Ural and Siberian City in the 18th — early 20th Centuries: Current Historiography Achievements”*], in *Zhenshhina v istorii Urala i Sibiri v XVIII — nachale XX v. Sb., nauch. statey* [*Woman in the History of the Urals and Siberia in the 18th — Early 20th Centuries. Collection of Scholarly Articles*]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informacii.

3. Baryshnikov, A. V. (2018) “Prestupleniya protiv lichnosti: gen-

dernyy aspekt (na materialah russkoy derevni Udmurtii vtoroy poloviny XIX veka)” [“Crimes against a Person: Gender Aspect (On Materials of the Russian Village in Udmurtia in the Second Half of the 19th Century)”], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronny nauchny zhurnal*, 2 (26), pp. 82-90.

4. Belova, V. S. (1975) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR [Resolving Women's Issue in the USSR]*. Moscow: b/i.

5. Bezgin, V. B. (2017) “Krestyanka v volostnom sude” [“Peasant Woman in the Volost Court”], *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*, 14, pp. 32-41.

6. Bezgin, V. B. (2017) *Povsednevny mir russkoy krest'yanki perioda pozdney imperii [Russian Peasant Woman Everyday World in the Late Empire]*. Moscow: Lomonosov.

7. Burbank, J. (2004) *Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905-1917*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

8. Burbenk, Dzh. (2004) “Mestnye sudy, imperskoe pravo i grazhdanstvo v Rossii” [“Local Courts, Imperial Law, and Citizenship in Russia”], in *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive: sb. st./sost. M. Batalina i dr. [The Russian Empire in Comparative Perspective: Collection of Articles]*. Moscow: Novoe izd-vo, pp. 320-358.

9. Burbenk, Dzh. (2003) “Pravovaya reforma i pravovaya kul'tura: nepriznannye uspeh volostnyh sudov v imperskoy Rossii” [“Legal Reform and Legal Culture: Unrecognized Success of Volost Courts in Imperial Russia”], *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2 (247), pp. 188-196.

10. Chirkov, P. M. (1978) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917-1937 gg.) [Resolving Women's Issue in the USSR (1917-1937)]*. Moscow: Mysl'.

11. Engel, B. (2023) *Zhenshhiny v Rossii, 1700-2000 [Women in Russia, 1700-2000]*. Saint Petersburg; Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press.

12. Engel'shteyn, L. (2000) “Nravstvennost' i derevyannaya lozhka: si-filis, seks i obshchestvo glazami rossiyskikh vrachey (1890-1905)” [“Morality and a Wooden Spoon: Syphilis, Sex and Society through the Eyes of Russian Doctors (1890-1905)”], in *Amerikanskaya rusistika: Vehi istoriografii pos-*

lednih let. Imperatorskiy period: Antologiya/ed. by M. Devid-Foks [*America's Russian Studies: Milestones in the Historiography of Recent Years. Imperial Period: Anthology*]. Samara: Izd-vo "Samarskiy universitet", pp. 217-268.

13. Frenk, S. (1996) "Narodnaya yustitsiya, obshhina i kul'tura russkogo krest'yanstva 1870-1900 gg." (S.V. Obolenskaya) ["People's Justice, Community, and Culture of the Russian Peasantry in the 1870s — 1900s" (S.V. Obolenskaya)], in *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorax i referatax* [*History of Mentalities, Historical Anthropology. Foreign Research in Reviews and Abstracts*] Moscow: pp. 233-239.

14. Kovaleva, I. N. (1981) "Zhenskiy vopros v Rossii v 50-60-x godax XIX v." ["Women's Issues in Russia in the 1850s — 1860s"], in *Problemy istorii russkogo obshhestvennogo dvizheniya i istoricheskoy nauki*/ed. by E. M. Zhukova [*Issues of the History of Russian Social Movement and Historical Research*]. M.: Nauka.

15. Lauhina, G. V. (2012) *Zhenskiy trud v krest'yanskom hozyaystve Central'nogo Chernozem'ya: 60-e g. XIX — nachalo XX vv.* [*Women's Labor in Peasant Economy of the Central Chernozemye Region: the 1860s — early 20th century*]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Tambov.

16. Menshnikov, I. S. (2016) "Volostnoy sud kak hranitel' traditsionnykh norm povedeniya v russkoy derevne" ["Volost Court as a Guardian of Traditional Behavior Norms in the Russian Village"], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [*Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*], 6-1 (68), pp. 119-124.

17. Mironov, B. N. (2013) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 tomah. Tom 3* [*Russian Empire: From Tradition to Modernity: in 3 volumes. Vol. 3*]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanov.

18. Muhina, Z. Z. (2013) "Povsednevnost' russkoy devushki-krest'yanki v poreformennoy Rossii" ["Everyday Life of a Russian Peasant Girl in Post-Reform Russia"], in *Rossiyskaya povsednevnost' v zerkale genderny'ch ot-nosheniy. Sb. statey* [*Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations. Collection of Articles*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

19. Muhina, Z. Z. (2015) *Transformatsiya statusa zhenshhiny v russkoy krest'yanskoj semye serediny XIX — nachala XX veka* [Transformation of Women Status in the Russian Peasant Family of the mid-19th — early 20th Centuries]. Avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow.

20. Nagornaya, M. A. (2011) *Sotsial'nye roli i funktsii zhenshhin v krest'yanskoj pereselencheskoj sem'e v Rossii: poslednyaya chetvert' XIX — nachalo XX vv.* [Women Social Roles and Functions in Peasant Migrant Family in Russia: last Quarter of the 19th — early 20th Centuries]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Omsk.

21. Orshanskiy, I. G. (1879) *Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu* [Research on Russian Law — Customary and Marriage]. Saint Petersburgh.

22. Pavlyuchenko, E. A. (1988) *Zhenshhiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: Ot Marii Volkonskoj do Very' Figner* [Women in Russian Liberation Movement: From Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow: Mysl'.

23. Pietrov-Ennker B. (2005) “Novye lyudi” Rossii: Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabrskoy revolyutsii [Russia's “New People”: Development of the Women's Movement from its Origins to the October Revolution]. Moscow: Izdatelskiy tsentr Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.

24. Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. Saint Petersburgh: Aleteyya; ANO “Zhenskiy proekt SPb”.

25. Shapovalova, S. P. (2003) *Krest'yanskaya zhenshhina Tsentral'nogo Chernozem'ya v 60-90-e gody XIX veka: istoricheskij portret* [Peasant Woman of the Central Chernozemye Region in the 60s — 90s of the 19th Century: Historical Portrait]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh.

26. Zemtszov, L. I. (2002) *Volostnoy sud v Rossii 60-x — pervoy poloviny 70-x godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Volost Court in Russia in the 1860s — First Half of the 1870s (On Materials of Central Chernozemye Region)]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.

Екатерина Кислова

**«Блажен ты, град Осташков славный...»:
провинциальный город последней четверти XVIII в.
и его жители**

Кислова Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Школа филологических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ekislova@hse.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу произведения «Блажен ты, град Осташков славный...», обнаруженного в рукописном сборнике песен второй половины XVIII в. из собрания Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. — 41 об.). Это произведение, прославляющее провинциальный город Осташков Тверской губернии, рассматривается как ценный источник для понимания культуры русской провинции эпохи Екатерины II. В статье анализируется исторический контекст создания стихотворения, его связь с обретением Осташковым статуса города и формированием «эмоционального сообщества» горожан. Основным объектом восхваления становятся не столько достопримечательности (озеро Селигер, его острова, обилие рыбы, Нило-Столбенская пустынь), сколько нравственные качества его жителей и церковная культура города. Текст песни отражает и какие-то исторические реалии, важные для этого периода, и формирующиеся элементы «городской идентичности» остащей, которые могут быть прослежены в краеведческой литературе XIX в., поэтому его можно считать ранним примером отражения в художественной литературе самосознания русского провинциального жителя. Ряд

особенностей текста позволяет предположить, что его автором мог быть представитель духовенства Осташкова, скорее всего, Семен (Симеон) Верещагин — протоиерей Троицкого собора Осташкова, до 1762 г. бывший учителем поэзии Тверской семинарии. Сопоставление с его сохранившимися проповедями показывает новые грани провинциальной культуры конца XVIII в.

Ключевые слова: история эмоций, русская провинция, XVIII в., стихотворение, духовенство, Осташков, Тверская семинария, Семен Верещагин.

**“Blessed are you, a glorious Town Ostashkov...”:
an XVIII Century Provincial Town and its Habitants**

Kislova Ekaterina Igorevna, PhD (Philology), Associate Professor
School of Philology, Department of Humanities, National Research
University Higher School of Economics (HSE University)

[*ekislova@hse.ru*](mailto:ekislova@hse.ru)

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the work “Blessed are you, the glorious town of Ostashkov...”, found in a manuscript collection of songs from the second half of the 18th century (Manuscript Department of the Russian State Library, RSL, F. 199. D. 689. L. 40 ob. — 41 ob.). This piece, which glorifies the provincial town Ostashkov in Tver Province, is considered a valuable source for understanding the culture of Russian provinces during the era of Catherine II. The article examines the historical context of the poem's creation, its connection to Ostashkov's acquisition of town status, and the formation of an “emotional community” among its citizens. The main focus of praise is not on landmarks (like Lake Seliger, its islands, the abundance of fish, or the Nilovo-Stolbensky Monastery) but rather on the moral qualities of its inhabitants and the town church culture. The text reflects certain historical realities significant to this period and emerging elements of

“urban identity” among Ostashkov residents, which can be traced in local history literature from the 19th century. Therefore, it can be regarded as an early example of how artistic literature reflects the self-awareness of a Russian provincial resident. Several features of the text suggest that its author may have been a member of Ostashkov's clergy, likely Semyon (Simeon) Vereshchagin, the archpriest of the Trinity Cathedral in Ostashkov, who until 1762 was a Poetry's teacher at Tver Seminary. A comparison with his sermons reveals new facets of provincial culture at the end of the 18th century.

Key words: history of emotions, Russian Province, XVIII century, poem, clergy, Ostashkov, Tver seminary, Semen Vereschagin.

Современный Осташков — небольшой город в Тверской области, расположенный на берегу озера Селигер, где проживает чуть меньше 17 тыс. человек. Осташков, однако, известен с XIV в., статус города он получил при Екатерине II. Наше исследование посвящено песне «Блажен ты, град Осташков славный...», которая сохранилась в составе «Сборника произведений для хора (для одного голоса — бас)»¹. Сборник на 46 листах написан одним почерком (скорописью) на бумаге ярославской мануфактуры, датированной по водяным знакам либо 1764-1765, либо 1771-1787 гг. На Л. 45 об. написано имя «Нил Красильников», но каких-то более подробных владельческих записей в тексте нет.

В сборнике записаны 33 песни разного характера (32 с нотами — нотация пятилинейная квадратная), которые можно условно разделить на 4 группы: песни духовного содержания (среди них — переложения псалмов и фрагмент «Утреннего размышления о Божьем величестве» М. В. Ломоносова); любовные песни (в том числе некоторые песни А. П. Сумарокова, опубликованные в «Собрании российских песен» М. Д. Чулкова²); комплекс приветственных песен и кантов, связанных с посещением императорскими особами Твери, Москвы и Троице-Сергиевой лавры, а также примыкающий к ним тематически фрагмент «Оды... на восшествие Екатерины Алексеевны на престол» 1762 г. М. В. Ломоносова. Четвертой группой можно считать 3 произведения, прославляющие «локусы»: города (Москву и Осташков) и Россию («Стихи похвальные России» В. К. Тредиаковского в силлабической редакции 1728 г.).

1 Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее ОР РГБ). Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. — 41 об.

2 Сборник песен М. Д. Чулкова выходил под заглавиями «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовныя, пастушеския, шутивыя, престолярныя, хоральныя, свадебныя, святочныя, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий» (Ч. 1-6. М., 1780-1781) и «Собрание разных песен» (СПб., 1770-1774; М., 1783; М., 1787-1788).

Был ли у сборника протограф, или он был собран переписчиком, сказать нельзя. Некоторые тексты могли иметь печатный источник; например, 7 песен находят параллели в «Собрании...» Чулкова, однако они имеют разночтения, поэтому нельзя сказать, были ли они выписаны из печатного издания или имели общий с изданием рукописный протограф³. Произведения М. В. Ломоносова скопированы с небольшими расхождениями по I тому «Собрания сочинений» 1751 г.⁴, но в рукописных сборниках XVIII в. они тоже регулярно встречаются⁵. Канты находят параллели в других рукописных сборниках, например «Радость любезна бывает слезна» — в сборнике кантов 153 (4223) из собрания рукописей Тверского музея⁶. Подробный анализ самого сборника не входит в задачи настоящей публикации, но нельзя не отметить тематический и временной разброс произведений, которые одновременно оказываются актуальны для анонимного составителя второй половины XVIII в. и в целом для провинциальной культуры России этого периода. При этом примечательно, что упоминаемые локусы сконцентрированы вокруг Твери.

Песня, посвященная прославлению провинциального города, завершающая сборник подобного рода⁷, вызывает определенный

- 3 О рукописных источниках Чулкова см.: Сельванюк Р. К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова // Ученые записки Костромского государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова. Вып. 7. Кострома, 1960. С. 316-347.
- 4 Об изданиях Ломоносова в XVIII в. см.: Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л.: Наука, 1983. Сб. VII. С. 49-75.
- 5 См.: М. В. Ломоносов в книжной культуре России/сост. М. Е. Ермакова. М.: Пашков дом, 2010. С. 89-91; Кислова Е. И. «Молчите, каменные звуки»: оды Ломоносова в рукописных копиях второй половины XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. Вып. 7. С. 114-136.
- 6 Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. М.: Университетская типография, 1891. С. 230-235.
- 7 Это последняя в сборнике песня с нотами, следующий текст записан без нот и, возможно, позже, чем основной комплекс текстов.

интерес. Панегирические фрагменты, посвященные месту (городу или монастырю) (здесь и далее курсив мой. — Прим. авт.), характерны для кантов и панегирических од, однако в них город является только сценой, декорацией для подлинного объекта прославления — важного лица, посещающего это место⁸. Поэтому появление в сборниках не публиковавшихся кантов, связанных с посещением императорскими особами Троице-Сергиевой лавры или Твери, строго говоря, не может служить их локализации, они показывают скорее общий интерес к панегирической традиции и перемещение рукописных копий между локациями. Подобные канты были предназначены для пения, однако переписывались в первую очередь как образцы для создания аналогичных произведений, посвященных другим высокостатусным гостям. По таким же образцам пишутся приветственные канты архиепископу или ректору семинарии (см., например, кант «Яви град Тферь лице красно» на основание Тверской семинарии, сохранившийся в том же сборнике 153 (4223) из собрания Тверского музея⁹).

Другие группы песен из нашего сборника не являются окказиональными произведениями, они могут исполняться регулярно, и именно к ним относится песня, прославляющая Осташков. Поэтому «Блажен ты, град Осташков славный...» явно выделяется на фоне традиции «прославления мест» и, как кажется, однозначно определяет локальную принадлежность составителя и, вероятно, место создания сборника.

Приводим текст в современной графике и с современной пунктуацией:

Блажен ты, град Осташков славный,
Твой Селегер от век преславный,
Разлив велик, ершей довольноно
И всех рыб полно, и всех рыб полно.

8 См. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века. Миф — идеология — риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 125.

9 Опубликовано в: Колосов В. Празднование 150-летнего юбилея Тверской духовной семинарии 16 февраля 1889 года. Тверь, 1889. С. 42-43.

Краса твоя — острова мнози,
В которых путь святого нозе
Нам кажут всем к горам небесным,
Во век чудесным, во век чудесным.

Обитель тут ангела мира —
Скорбящим всем целебна лира.
Пречуден храм Нила святого —
врача драгаго, врача драгаго.

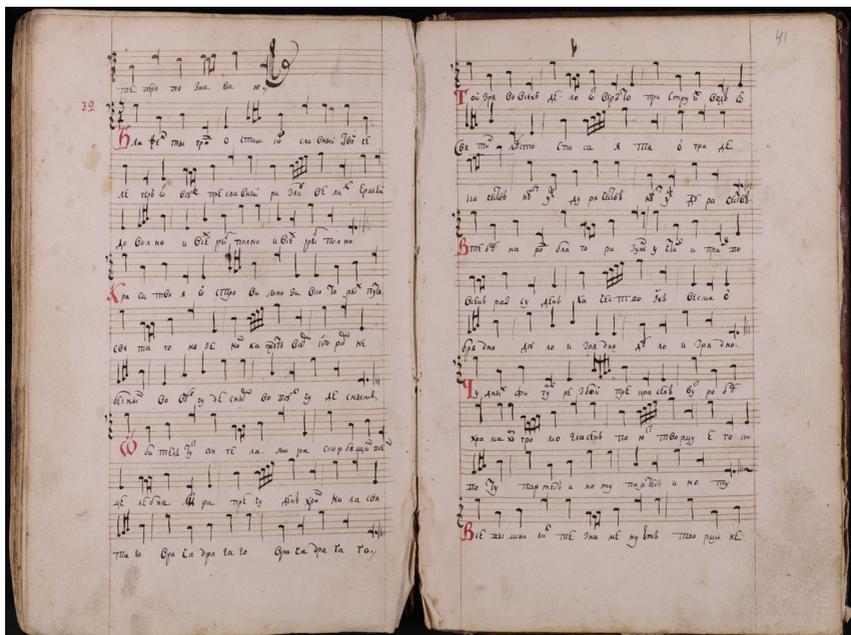
Той, зря во всех дело отверзто,
При струих вод освятил место,
Спасая тя, ограде качеств.
Нет уж дурачеств, нет уж дурачеств.

В тебе народ благоразумен,
Учтив и прав, во всем разумен.
Качество их весьма обрядно,
Дело изрядно, дело изрядно.

Чудных фигур резбой прекрасен
В утробе храма хор громогласен.
Поют творцу — его кивоту —
Партес и ноту, партес и ноту.

Всевышни лик те знаменуют,
Творца небес изобразуют.
Искусна их трудов икона.
О дети трона! О дети трона!

Живите все в век безмятежны,
В науках сих, в делах прилежны.
Готовьте град, где радость вечна,
Жизнь бесконечна, жизнь бесконечна¹⁰.

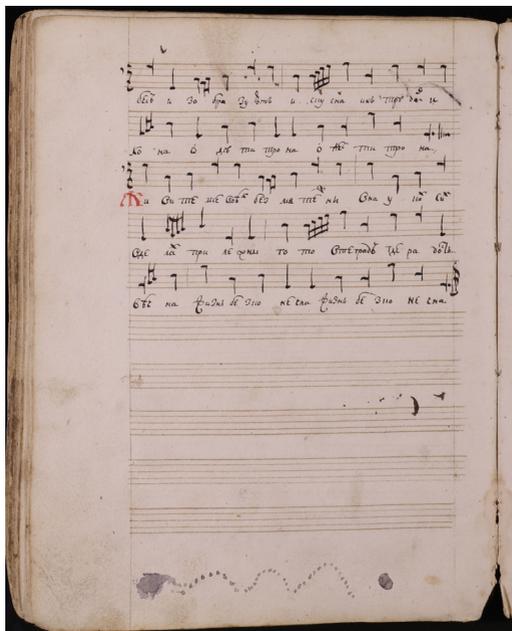
«Блажен ты, град Осташков славный...» (ОР РГБ. Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. – 41 об.).

Можно предположить, что автором этого произведения мог быть житель или уроженец города Осташкова: в пользу этого свидетельствует не только хорошее знание местных «достопримечательностей», но и многократно озвученная гордость жителями города, похвала их человеческих качеств. Кто, когда и зачем мог написать такое произведение?

Время создания

Очевидно, что эта песня могла быть написана только после 28 мая 1770 г., когда Осташков получил статус города, но скорее даже после 2 апреля 1772 г.¹¹, когда жители Осташкова получили статус мещан, а сам город обрел герб: «Осташкова слобода, жители сей слободы, между прочих промыслов, имеют свое про

11 Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 19 (1770–1774). СПб., 1830. С. 469–471.

питание от изобильной рыбной ловли тут близ лежащего озера, что тако в гербе изображено: Щит разрезанной на двое горизонтальною чертою, золото с голубым, в золотом поле виден рождающийся до половины Императорский двуглавый орел с червлеными языками, увенчан тремя коронами золотыми ж, означающей милость и покровительство Ея Императорскаго Величества, в голубом поле показующим воду, три рыбы серебряныя плывущия с лева на право, изъясняющия рыболовной промысл и обилство рыб»¹². Тема изобилия рыб в озере не случайно начинает песню: важность рыболовного промысла для города была продекларирована на уровне государственных указов и стала его важнейшим признаком, символически изображенным на гербе¹³. Упоминание

12 Там же. С. 471.

13 Осташковские рыболовы ловили рыбу не только в Селигере, но и в Ильмене и даже в Финском заливе (см.: Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии, как результат посильной разработки накопившегося за долгое время запаса сведений, большею

ершей как наиболее значимой рыбы находит подтверждение в региональной мифологии: «Считалось, что на гербе изображены три ерша, поэтому осташей часто называли “ершедами”»¹⁴.

Сама идея прославления Осташкова в статусе города должна была быть связана с обретением этого статуса; она могла быть обусловлена церемониальными или эмоциональными причинами.

Для «церемонии открытия» в Осташков приезжал губернатор Я. Е. Сиверс, по чьей инициативе Осташков вошел в число новых городов империи. Он пробыл в городе с 23 до 27 июля 1772 г. Однако в перечне событий «открытия» не упоминается светское или церковное празднество, на котором такая песня могла бы быть спета¹⁵. Перечислим кратко основные мероприятия этого периода:

23 июля: Сиверс рассмотрел Высочайше утвержденный план города, назначил городовую межу и кварталы.

24 июля: «по окончании литургии в Осташковском [Троицком] соборе был совершен крестный ход вокруг новооткрываемого города (с северной, восточной и западной стороны водою, а с южной — по новопроведенной городской меже)»¹⁶.

25 июля: жители записываются в мещане или купцы и приводятся к присяге.

26 июля: выбор городского головы и судей.

27 июля: открыты воеводская канцелярия и магистрат. Вечером Сиверс уехал в Новгород.

частью из письменных документов разных местных архивов и малой частью по предмету местной истории: О прошлом города Осташкова Тверской губернии: Чит. в заседании Твер. учен. арх. комис., 15 апр. 1893 г. Тверь, 1893. С. 32).

14 Осташков. Путеводитель/сост. Н. М. Бодрова. 2017. URL: <https://sites.google.com/view/osths/documents/books/travel-guide?authuser=0> (дата обращения: 07.03.2025).

15 Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. С 161 рисунками. М.: Городская типография, 1906. С. 44-45.

16 Там же. С. 45.

Можно предположить, что какое-то частное празднество просто не попало в официальные документы. Однако, как кажется, в подобных ситуациях содержание поэтических приветствий было направлено на прославление высокого лица, посещающего город, но не на прославление самого города без упоминаний присутствующего высокого лица. Поэтому нам кажется более вероятным отсутствие связи этой песни с приездом Я. Е. Сиверса и церемониями «открытия города».

«Эмоциональная» причина создания песни представляется нам, несмотря на сложность ее определения, более достоверной. Появление подобного текста могло быть обусловлено изменяющимся самосознанием новых горожан: гордостью, связанной с повышением статуса «слободы», и представлением о себе как о жителях особого — нового — пространства. У нас крайне мало источников, которые могли бы свидетельствовать о том, как менялось самосознание жителей населенных пунктов, получивших в результате реформы статус городов; как вообще воспринималось подобное изменение статуса и какие эмоции оно вызывало. Иными словами — как формировались и менялись эмоциональные сообщества (в терминологии Б. Розенвейн) провинциальных городов XVIII в.? Однако несомненно, что все изменения, которые происходили с населенным пунктом в результате превращения его в город, должны были переживаться на уровне эмоций и получать не только формально-юридическое, но и символическое осмысление. Сами церемонии «открытия города», включающие демонстративное и торжественное межевание и крестные ходы, планы новых кварталов, прочерченных по старому городскому плану¹⁷, явным образом показывают «перерождение места»; но такое же перерождение должно было происходить и с его жителями, которые обретали новые статусы, записывались в новые сословия, приносили присягу и выбирали новых должностных лиц.

17 См. Полное собрание законов Российской Империи. Книга чертежей и рисунков (планы городов). СПб., 1839. С. 348.

Если наше предположение верно, то мы можем говорить на примере этой песни о редком образце вербализации эмоций, связанных с изменением статуса населенного пункта, о формировании эмоционального городского сообщества и декларации определенных принципов, задающих должное для новых горожан поведение. Как кажется, неслучайно основное пространство текста занимает не описание достопримечательностей города в современном смысле слова, а прославление качеств людей, которые его населяют: эти качества декларируются как уже существующие, но мы понимаем, что такое описание становится и моделирующим.

Образность и рецепция

Для поэзии XVIII в. обращение к качествам жителей для похвалы города кажется нетривиальным, хотя оно допускается риторической теорией похвалы. Ф. Прокопович в VIII книге «Риторики» подробно описывает схему, по которой следует строить похвалу городу: «...во-первых, происхождение, причем следует отыскать создателя или основателя... Во-вторых, древность, в-третьих, изобилие или богатство. В-четвертых, местоположение..., в-пятых, сам внешний вид города: величина, множество зданий, красота, украшение, удобное расположение, общественные сооружения... В-шестых, жители — храбрые люди, богатые, мудрые, много выдающихся художников. В-седьмых, способ управления, должностные лица, кто и какого характера, законы, награды, наказания. В-восьмых, множество образцов доблести, великая слава подвигов, победы, торжества и т.д. В-девятых, также печальные происшествия...»¹⁸. Как указывает Р. Николози, подобный набор локусов для похвалы городу был представлен и в других популярных в России поэтиках и риториках¹⁹, поэто-

18 Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг/отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 392-393.

19 Николози Р. Указ. соч. С. 137.

му частичное совпадение с отмеченными в нашем произведении топосами кажется вполне ожидаемым. Сравним с порядком изложения достоинств Осташкова в нашем произведении: Селигер; рыбное богатство; изобилие островов; святой Нил Сорский, его храм и слава целителя; основание им монастыря (оно переносится и на город); жители города; хор в храме; благословение горожан.

Однако автор этой песни не использует предложенные Прокоповичем качества горожан (храбрость, богатство, мудрость, а также наличие в городе «выдающихся художников»). Он декларирует благоразумие, учтивость, правоту, «разсудность» и затем желает им жить далее безмятежно и прилежно в делах и науках, и таким образом горожане смогут заслужить небесный город (вечную радость и бесконечную жизнь).

Отдельно отметим строчку «Качество их весьма обрядно»: согласно «Словарю русского языка XVIII века», обрядный может иметь значение «относящийся к обряду, соответствующий обряду», а также совпадать с обрядливый — «соблюдающий обряды, действующий в соответствии с традициями, обычаями»²⁰. В обоих случаях, как кажется, автор имеет в виду умение жителей города вести себя в соответствии с традициями, обрядами. Образ горожанина, изображенный в этой песне, полностью соответствует ожиданиям екатерининской эпохи от подданных: «...любовь к Отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких предрозостей», «склонность к опрятности и чистоте»²¹.

Сравним с картиной, которую рисует наш автор. Само слово «качество» в сравнительно небольшом тексте повторяется дважды: «Спасая тя, ограде качеств» и «Качество их весьма обрядно». Это слово выбивается из панегирического контекста своей отне-

20 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. Обломить — Онца. СПб.: Наука, 2006. С. 85.

21 Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 372.

сенностью к «ученому» (и даже уже — семинарскому) дискурсу: качество и количество — два важнейших понятия для риторического искусства и для схоластической философии и богословия. Например, в «Риторике» Феофана Прокоповича понятие качества используется в разных родах красноречия («стадия определения качества» в судебном красноречии²²; качества человека как причина преступления²³; полезные и вредные качества лиц и предметов²⁴; телесные и душевные качества как основа похвалы лицам²⁵; и даже качества Бога в разделе «О показательном виде [речей] и прежде всего о том, что следует говорить на праздниках Господних»²⁶). Обращение к Осташкову как к «ограде качеств» подразумевает, что качества здесь исключительно положительные; сам город как ограда сохраняет внутри именно их, отсекая «дурачества», бывшие прежде, то есть до получения Осташковым статуса города (ср. с отвращением от «предерзостей» выше). «Дурачество» здесь явно имеет то же значение, которое мы видим в почти современном песне «Словаре Академии Российской»: «1) Поступок безрассудный, глупость; 2) Сумасбродство, лишение ума»²⁷. И семантика безрассудства «дурачества», которого теперь нет, уже в следующем куплете противопоставляется «разсудности», то есть рассудительности новых горожан Осташкова.

Однако идея «города как ограды» может быть подкреплена исторически: уже в 1770 г. старые городские валы были срыты как ненужные, что стало началом и зримых, и символических преобразований Осташкова из слободы в «регулярный» город новой, екатерининской культуры. Такая системная реорганизация городского пространства была характерна не только для всей России в эпоху Екатерины II, но и для Европы: «...представление о закры-

22 Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 379.

23 Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 375.

24 Там же. С. 382.

25 Там же. С. 389.

26 Там же. С. 434–439 и далее.

27 Словарь Академии Российской. Часть 2. СПб., 1790. С. 800.

тости и статичности городского пространства стремительно уходило в прошлое. Города разрастались и перестали вмещаться в свои прежние границы. Изменились и функции городских стен и ворот: из оборонительных сооружений они превратились в таможенные барьеры»²⁸. Однако нетривиальной кажется реакция жителей Осташкова: горожане собрали средства и в память о валах поставили в 1789 г. 3 часовни-обелиска, из которых до наших дней сохранилась одна — Вальский столп²⁹. Возможно, текст песни как раз отражает эту ситуацию: замену старого пространства города, огражденного валами, новым, в котором сам статус города становится оградой, а другая физическая ограда оказывается ненужной.

Существенная часть песни посвящена «церковным» достопримечательностям города — храму и хору. Можем ли мы найти приметы конкретного храма в этом описании? В это время в Осташкове было уже несколько соборов и больших монастырских церквей. Смоленский собор был завершен в 1742 г.; внутри городской черты находился Вознесенский храм Знаменского женского монастыря (освящен в 1750 г. и украшен «новым резным вызолоченным иконостасом, с новыми искусного писания иконами»³⁰). Активное каменное церковное строительство в городе и монастырях, шедшее в это время, тоже может быть связано с получением Осташковым нового статуса: новый город украшался новыми каменными строениями. В 1777 г. была заложена каменная церковь Иоанна Предтечи (окончена в 1781 г.), Преображенский собор — в 1762 г., а в 1789 г. была пристроена колокольня. Однако наиболее важным — центральным — городским храмом оставался каменный Троицкий собор, построенный в 1697 г.

«Резьба», о которой сообщает нам автор, как кажется, была общей приметой осташковских церквей: в XVIII-XIX вв. Осташ-

28 Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 35.

29 Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. М.: Искусство, 1983. URL: <http://www.rusarch.ru/galashевич2.htm> (дата обращения: 07.03.2025).

30 Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 102.

ков был центром церковной «рези на дереве»³¹, в нем работали выдающиеся мастера. Визуальное отличие осташковских церквей — наличие резных деревянных киотов, иконостасов и деревянных скульптур — могло быть предметом гордости горожан. Золоченые резные иконостасы были в церкви Иоанна Предтечи (окончена в 1781 г., «внутри с хорами, отменным иконостасом и стенным росписанием»³²) и в Вознесенском соборе Знаменского монастыря (установлен в 1750 г.). В последней четверти XVIII в. Троицкий собор был отремонтирован и украшен резной лепниной: «В 1766 году обновлен новым строением олтарь храма Святыя Троицы, и близ онаго к северной стороне сделан придел Святыя Великомученицы Параскевы... Внутри храма Святый Олтарь украшен самую приличною лучшею живописью и штукатуром, в клеймах большею частию позлащенных, таковым же образом и вся церковь»³³. Участие в украшении принимал Кондратий Семенович Конягин (создатель известнейшей деревянной скульптуры Нила Столбенского). Поэтому «чудных фигур резьба» могла быть отнесена почти к каждому значимому храму Осташкова и окрестных мест.

Может ли дать нам какую-то информацию церковный хор, знающий и партесное, и нотное пение? Он тоже является важной достопримечательностью города: его существование подтверждается краеведческими материалами XIX в.: «Уже в конце прошлого столетия, в 1781 году, в Осташкове был стройный

31 Рудченко В. М. Иконостасы XVIII — первой половины XIX в. в храмах верхневолжских областей // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 199-211. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z00000012/st010.shtml> (дата обращения: 07.03.2025); Артюхова Н. Произведения церковных искусств в собрании Осташковского краеведческого музея. URL: <https://seliger-news.ru/kultura/произведения-церковных-искусств-в-со/> (дата обращения: 07.03.2025).

32 Прусавецкий Ф. Ф. Сборник описаний монастырей и церквей города Осташкова. Б/м., 1828 (РГБ, Ф. 310, Д. 1144, Л. 23).

33 Прусавецкий Ф. Ф. Указ. соч. Л. 51 об., 52.

хор певчих; впоследствии же хоры певчих организовывались при каждой из церквей г. Осташкова»³⁴. Судя по всему, на начальном этапе существования города хор не был привязан к конкретному храму и мог петь там, где была необходимость особенно торжественной церковной службы. Важно, что 1781 г. является в данном случае датой наиболее ранней фиксации, но сам хор мог существовать и ранее.

Важность пения и музыки для жителей города в материалах XIX в. становится одной из отличительных, определяющих черт культуры новых осташковских горожан, эта тема регулярно возникает в краеведческих описаниях XIX в. Так, после 1805 г. любители музыки в Осташкове «составляли небольшие оркестры и играли небольшие пьесы в антрактах театральных представлений»³⁵. Важность церковного пения для горожан краевед И. Ф. Токмаков отмечает даже в конце XIX в.: «Ни в одном из городов Тверской губернии не случилось нам видеть такой заботы граждан о внешнем благолепии храмов, о том, чтоб в каждой церкви был стройный хор певчих, чтобы церковная служба в праздничные и даже в непраздничные дни была величественна, а церковное пение стройное»³⁶. Иронично любовь к осташковцев к музыке описывает И. Кольшко³⁷: в конце XIX в. в городском саду возле собора жители города — любители-музыканты и хор певчих — исполняют песни, в том числе сочиненный в середине XIX в. И. И. Лажечниковым гимн пожарной команды Осташкова: «Славься, город наш Осташков». Интересно, что, несмотря на общее изменение культуры, его основная тема — прославление достоинств жителей города, организовавших образцовую пожарную охрану. Прочитируем интересующий нас начальный фрагмент этой песни:

34 [Покровский В. И.] Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. С. 120.

35 Там же. С. 120.

36 Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 124.

37 Кольшко И. Очерки современной России. СПб., 1887. С. 236-239.

Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной,
Славься не своим богатством,
Не торговлею своей,
А любовью, крепким братством
Ты своей семьи детей.
От конца в конец России
Ты отмечен уж молвой:
Из уездных городов России
Ты слывешь передовой.
Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной!
Лишь забьет тревогу
Колокола звон,
Помоляся Богу
Мы стремглав в огонь...³⁸

Сравнение с песней Лажечникова и записями краеведов показывает, что песня конца XVIII в. уже содержит те элементы эмоциональной культуры жителей Осташкова, которые будут сохраняться как ее отличительные признаки на протяжении XIX в.: гордость городом и своим статусом горожан, благочестие, любовь к церковному пению и музицированию (но в середине XIX в. добавляется осознание своего города как «передового», отличающегося от других уездных городов особым развитием гражданского общества).

В какой мере песня конца XVIII в. отразила уже существующие акценты в эмоциональной культуре горожан, а в какой степени направила их формирование? К сожалению, пока у нас нет данных, чтобы ответить, насколько это произведение было известно горожанам. Однако можно рассмотреть, каков был общий уровень образования горожан Осташкова, способны ли они были

38 Покровский В. И. Указ. соч. С. 103-104.

воспринимать содержание сборника, включавшего произведения Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского.

Единственная «именная» запись («Нил Красильников») не дает возможности соотнести сборник с какой-то конкретной группой горожан, однако фамилия Красильниковых регулярно упоминается в краеведческих сочинениях об Осташкове, например, в материалах краеведа И. Ф. Токмакова эта известная купеческая семья упомянута 13 раз.

Об общем уровне образования жителей Осташкова информации больше. Уже в 1751-1758 гг. существовала школа для детей духовенства, возрожденная в 1772 г. Ее программа соответствовала первым 4 классам семинарии, после чего ученики могли продолжить обучение в Твери³⁹. А. В. Матисон отмечает, что более 70% клириков Осташкова имели школьную подготовку⁴⁰, это выше, чем во многих других регионах. В 1775 г. в Осташкове была организована частная школа мещанина Сухорукова, имевшая около 100 учеников⁴¹; в 1777-1786 гг. существовало народное общественное училище, в 1787 г. преобразованное в малое народное училище.

Авторство

Из какой среды мог происходить автор этого произведения?

Как нам кажется, его стоит искать в среде духовенства. Общий пафос песни, как мы видим, подводит к идее посмертного вознаграждения жителей города в «граде небесном»; все содержание похвалы концентрируется на духовных богатствах; достоинства храма и церковного хора посвящена центральная часть произведения, тогда как о «земных богатствах» говорится совсем немного. Автор, как кажется, воспринимал обретение Осташко-

39 Матисон А. В. Уровень «школьного» образования духовенства уездных городов России в XVIII в. (Ржев и Осташков) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3(46). С. 9.

40 Там же. С. 14.

41 Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 138.

вом статуса города как крайне важное событие не только в юридическом, но и в «духовном» плане.

Такое «богословское» выстраивание композиции заставляет думать о том, что автор был тесно связан с церковной культурой — и должен был иметь семинарское образование. Он обладал навыками версификации, имел некоторое представление о современной ему литературной традиции. В пользу «семинарской» гипотезы говорит и специфическая лексика, которую мы видим в этой песне. Кроме рассмотренного ранее слова «качество» обратим внимание на строку «Искусна их трудов икона. О дети трона! О дети трона!⁴²» Слово «икона» в XVIII в. употребляется исключительно в прямом значении⁴³, поэтому «икона трудов», возможно, на самом деле является калькой с латинского *imago operum* («образ действия»⁴⁴) — этот оборот встречается, например, в латинских грамматиках при определении глаголов.

Как уже отмечалось, самым важным статусом в городе обладал Троицкий собор, соответственно, стоит рассмотреть клириков, связанных с ним.

Семейные связи клириков Троицкого собора — Суворовых — описаны в работе А. В. Матисона⁴⁵ и могут быть дополнены

42 Для выражения «дети трона» нам пока не удалось найти латинской формы; возможно, трон аналогичен здесь «Престолу [Божьему]», например, в «Вейсманновом лексиконе» для немецкого *thron*, латинского *thronus* и *solium* дан только эквивалент «престол» (Немецко-русский и латинский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731. С. 633). «Дети трона» могут в переносном смысле пониматься как праведники, стоящие вокруг Престола Божьего, что проецируется на церковный хор и подчеркивает его высочайший статус внутри храма.

43 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. С. 74; Словарь Академии Российской. Часть 3. СПб., 1792. С. 286.

44 Оборот «образ действия» отмечен в Национальном корпусе русского языка только в проповеди Платона Левшина 1757 г.; само слово «образ» регулярно употребляется в значении «способ осуществления, проявления чего-либо» (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. СПб.: Наука, 2006. С. 56-57).

45 См.: Матисон А. В. Городское духовенство России XVIII в. С. 169-171.

благодаря portalу «Священнослужители Тверской епархии»⁴⁶. Игнатий Петрович Суворов (1708-1762 гг.) с 1751 г. до 1762 г. был протоиереем Троицкого собора; до него протоиереем был его старший брат Петр Максимович Суворов (ум. в 1750 г.). Сын Игнатия Никита в 1762-1764 гг. был дьяконом Троицкого собора, однако его уровень образования, вероятно, не был достаточно высоким, чтобы занять место священника и протоиерея: он начинал свою духовную карьеру со статуса пономаря, что для человека, имевшего семинарское образование, было слишком низким. Второй сын Игнатия Петр умер в возрасте 16 лет; третий сын Прохор Игнатьевич (1750-1815 гг.) в это время учился в Тверской семинарии и затем в Англии⁴⁷. Племянники Игнатия, дети его младшего брата Андрея, умершего в 1755 г., также были связаны с Троицким собором: Иван — с 1755 г. дьякон Троицкого собора, Никифор сначала был дьячком, затем дьяконом Троицкого собора в 1762-1764 гг.; Никита в 1762 г. стал священником Воскресенской церкви и с 1772 г. — учителем Осташковского духовного училища; Вавила с 1758 г. был пономарем, а с 1773 г. — дьячком Троицкой церкви Осташкова.

Несмотря на такое количество детей и племянников, после смерти Игнатия Суворова в 1762 г. протоиереем Троицкого собора стал Семен (Симеон) Иванович Верещагин (1735-1788 гг.)⁴⁸, муж дочери Игнатия Пелагеи. Семен Верещагин происходил из той же

46 URL: <https://tvergedcom.ru/webtrees/index.php?ctype=gedcom&ged=tver> (дата обращения: 07.03.2025).

47 Именно он впоследствии сделает наиболее блистательную карьеру: в 1765 г. он был отправлен из Тверской семинарии как лучший ученик для обучения в Англию и после возвращения в 1775 г. стал учителем в Морском кадетском корпусе, автором учебников по геометрии и тригонометрии и затем — ординарным профессором математики в Московском университете. См.: Андреев А. Ю. Суворов Прохор Игнатьевич // А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 703.

48 Успенский В. П. Указ. соч. С. 64.

Тверской губернии, но из Калязина: он родился в семье дьячка Никольской слободы Троицкого Калязина монастыря. Вся его семья была связана с Калязином: старший брат Михаил был дьячком, младший Иван учился в Тверской семинарии и затем в 1777 г. стал настоятелем Николаевского собора в Калязине и протоиереем⁴⁹. Такие перемещения в рамках епархии не были редкостью, однако отметим, что причиной назначения Верещагина протоиереем в обход сыновей и племянников Игнатия Суворова могло быть лучшее образование, выход из более старших классов семинарии и учительский опыт: работы А. В. Матисона, посвященные духовенству Тверской епархии, показывают, что для второй половины века такое повышение уровня образования было характерным процессом⁵⁰.

Учеба и преподавание Верещагина в Тверской семинарии проходило в период руководства Митрофана Слотвинского (до 1752 г.), Вениамина Пуцек-Григоровича (1752-1758 гг.) и Афанасия Вольховского (1758-1763 гг.)⁵¹. В 1755 г. Верещагин был назначен учителем поэзии Тверской семинарии⁵² и оставался им до 1762 г.⁵³ Он мог быть не только наиболее богословски образованным священником в Осташкове, но и человеком, хорошо знакомым с поэ-

- 49 Семен Верещагин сыновей не имел, поэтому следующим протоиереем Троицкого собора Осташкова стал муж его дочери Анны Андрей Николаевич Колоколов; вторая дочь вышла замуж за Дмитрия Федоровича Верещагина, который стал протоиереем в Успенском соборе Кашина. См.: Матисон А. В. Городское духовенство. С. 170-171. Обратим внимание, что, как пишет А. В. Матисон, «его ближайшими родственниками оказались 6 соборных протоиереев Тверской епархии» (Там же. С. 171).
- 50 См.: Матисон А. В. Православное духовенство русского города XVIII века. Генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М.: Старая Басманная, 2009. С. 95-127.
- 51 Неизвестно, какие связи существовали между Семеном и Василием Ивановичем (в монашестве — Арсением) Верещагиным (1736–1799), который в 1761 г. был назначен учителем риторики в Тверской семинарии.
- 52 Успенский В. П. Указ. соч. С. 64.
- 53 В списке учителей Тверской семинарии В. Колосова его нет, но именно этот период в документах семинарии был уничтожен пожаром 1763 г. (Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 123).

тической семинарской традицией, в рамках которой создание стихотворных произведений на разные случаи уже стало частью учебного процесса⁵⁴.

Латинские семинарские учебники Тверской семинарии этого периода описаны В. И. Колосовым⁵⁵; риторики и поэтики строятся по традиционной латинской модели, их источником были как киево-могилянские сборники, привезенные киевскими учителями при Митрофане Слотвинском, так и трактаты, использовавшиеся в Троицкой семинарии, куда для обучения с 1747 г. отправлялись лучшие ученики. Если считать, что сборник песен связан с Семеном Верещагиным, то объяснимым оказывается и состав сборника, в котором отражен интерес к одической литературе (а именно к похвальным и духовным одам М. В. Ломоносова), и знакомство с кантовой традицией Москвы и Троицкой семинарии (кантом «Гряди, желаннейшая мати» в 1762 г. приветствовали Екатерину II ученики Троицкой семинарии). Как показывают наши исследования, с середины века чтение современной литературы на русском языке активно проникает в семинарское преподавание поэтики и риторики, поэтому неудивительно и появление в таком сборнике песен А. П. Сумарокова⁵⁶. Самостоятельная версификация также была обязательной практикой в семинарском преподавании: рукописные поэтики и риторики Тверской семинарии содержат целый ряд окказиональных стихотворений, связанных с внутрисеминарским миром (например, стихотворные приветствия Митрофану⁵⁷). Следовательно, для учителя семинарии, тем более для учителя курса поэтики, умение создать поэтический текст было вполне возможным навыком. Пока открыт вопрос о сочинении мелодии

54 См. Kislova E. What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia // Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Vol. 1. Milano: Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 179-218.

55 Колосов В. И. Указ. соч. С. 74-104.

56 См. Kislova E. What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia. P. 179-218.

57 Колосов В. И. Указ. соч. С. 86-87, 91-92.

к этой песне: была ли она сочинена автором слов, или текст был сочинен «на мелодию», то есть на известный набор музыкальных фраз? Пока мы не можем ответить на эти вопросы, хотя сами по себе они заставляют задуматься о том, что мы крайне мало знаем о музыкальной культуре этой среды.

Наиболее значимым аргументом в пользу авторства Верещагина оказывается сопоставление песни «Блажен ты, град Осташков славный» с двумя рукописными сборниками его проповедей⁵⁸. Это проповеди, которые читались в Осташкове (преимущественно в Троицком соборе) в течение 1762-1785 гг., почти до самой смерти Верещагина. Оба тома являются конволютами, объединяющими рукописные проповеди, переписанные в разное время разными почерками (в описании сборника указано на то, что почерки писцовые, но, строго говоря, мы не можем утверждать, что среди разных тетрадей достоверно нет руки автора). Понимая, что скорописные почерки допускают широкую вариативность начертаний букв, как кажется, мы все-таки можем увидеть сходство между почерком, которым записана песня «Блажен ты, град Осташков славный», и почерком, которым записаны проповедь на слова «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут», произнесенная 18 октября 1775 г.⁵⁹, копии речи к Екатерине II от генерал-прокурора 10 июля 1775 г.⁶⁰ и «В день чудотворца Николая» 6 декабря 1775 г.⁶¹

58 ОР РГБ. Ф. 194. № 38.1, 38.2. Некоторые тексты из II тома — копии печатных речей и проповедей других авторов, видимо, скопированных для Семена Верещагина или им самим: это, например, «Речь пресвященнейшему Платону... сказыванная иеромонахом Евгением, что ныне Архиепископ Славенский и Херсонский, по рукоположении его во священство 1775 года августа 30 дня» (Л. 75-79 об.), его же «Принесение благодарения Великой Государыне... Екатерине», написанное на греческом и переведенное Лукой Сичкаревым (Л. 80-82), речь Екатерине, «читана генерал-прокурором 1775 года июля 10 дня в Москве в Грановитой палате» (Л. 83-90) и т. д.

59 ОР РГБ. Ф. 194. № 38.2. Л. 29-35 об.

60 Там же. Л. 83-90.

61 Там же. Л. 225-232.

Но наиболее значимыми оказываются лексические и тематические пересечения. Например, в II томе находится проповедь «Слово в неделю шестую всех святых» на слова «Прииде в свой град» (Матф. гл. 9. стих 1), произнесенная 26 июня 1771 г.⁶², в которой основной темой становится объяснение достоинств, которые позволяют назвать город «градом Христовым». Рассуждая о том, что такое счастливый город, Семен Верещагин рассматривает в том числе качества его жителей (например, стыдливость, благоразумие, соблюдение правил и т. д.).

Жанр проповеди требовал рассуждения об абстрактном городе, поэтому в проповеди, в отличие от песни, нет никаких отсылок к реалиям Осташкова, однако очевидно, что само размышление о том, что такое счастливый город и каким должен быть настоящий город — образ Града Божия на земле, — в 1771 г. не могло не быть связано с размышлениями о том, каким городом должен стать Осташков. Отметим, что Верещагин упоминает церковное пение в ряду значимых признаков города: «Таким образом, скажите, прошу вас, что и нашему граду пользы будет, если он хвалится, что в нем расколников нет, что в нем живут все христиане, что в нем часто в церковь ходят, сладко и громко поют... а Христу делами не последуют...»⁶³.

Детальное сопоставление этих рукописей требует отдельного исследования; на данном этапе нельзя установить, что было написано раньше, песня или проповедь, однако тематические и текстологические пересечения между ними возникают на слишком узком временном отрезке, чтобы их можно было считать случайностью.

Еще одним аргументом в пользу авторства Верещагина может быть его в определенной степени чуждость Осташкову: будучи уроженцем Калязина, прожив довольно долго в Твери, он сразу получил высокий статус в местной церковной иерархии и должен был встраиваться в новый город и в новую среду, осмысляя

62 Там же. Л. 139-146.

63 ОР РГБ. Ф. 194. № 38.2. Л. 145 об. — 146.

ее как некое единство. Его «Речь приветственная, при вступлении моем в Осташковской собор 1762 году декабря дня» подчеркивает его собственную «новизну» для этого города: «Я хотя новой человек и мало прежде о состоянии сего града известен, однако зная, что вы православныя веры ревнители, и церкви восточныя истинные люди, а наипаче взирая на любовь к священному дому сему, могу ли усумнеться о вашем достоинстве даннаго мира ученикам от Христа»⁶⁴; «Почему я худший от братьи моеи устроенный божиим промыслом на служение в храме сем, пасти вас словесное стадо, кровию Христовою купленное, входяще в град ваш, и в сей божественный дом радостно целую любовь вашу христовыми словами: мир дому сему»⁶⁵.

Отметим, что уже в 1762 г. Верещагин называет Осташков городом, с одной стороны, следуя богословской традиции, с другой — в определенной степени лстя его жителям. Но возможно ли, что он также отражает в своих проповедях те интенции, которые уже существовали у жителей Осташковской слободы? Могла ли инициатива Сиверса на самом деле исходить от самих жителей? Конечно, ответов здесь нет, но, как кажется, проповеди Семена Верещагина и песня «Блажен ты, град Осташков славный» содержат важную информацию об осмыслении жителями российской провинции своего статуса и его изменения при получении населенным пунктом статуса города.

Литература

1. Андреев А. Ю. Суворов Прохор Игнатьевич // Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 703.
2. Артюхова Н. Произведения церковных искусств в собра-

64 Там же. Л. 71.

65 Там же. Л. 71 об. — 72.

нии Осташковского краеведческого музея. URL: <https://seligernews.ru/kultura/произведения-церковных-искусств-в-со/>.

3. Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. М.: Искусство, 1983. URL: <http://www.rusarch.ru/galashevich2.htm>.

4. Кислова Е. И. «Молчите, каменные звуки»: оды Ломоносова в рукописных копиях второй половины XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. Вып. 7. С. 114-136.

5. Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. 464 с.

6. Колосов В. И. Празднование 150-летнего юбилея Тверской духовной семинарии 16 февраля 1889 года. Тверь, 1889. 93 с.

7. Кольшко И. Очерки современной России. СПб., 1887. 530 с.

8. М. В. Ломоносов в книжной культуре России/сост. М. Е. Ермакова. М.: Пашков дом, 2010. 143 с.

9. Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 508 с.

10. Матисон А. В. Городское духовенство России XVIII в. (Историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии). Дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 385 с.

11. Матисон А. В. Православное духовенство русского города XVIII века. Генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М.: Старая Басманная, 2009. 266 с.

12. Матисон А. В. Уровень «школьного» образования духовенства уездных городов России в XVIII в. (Ржев и Осташков) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3(46). С. 7-15.

13. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века. Миф — идеология — риторика/пер. с нем. М. Н. Жаровой под ред. К. А. Богданова. М.: Языки славянской культуры, 2009. 215 с.

14. Покровский В. И. Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. 151 с.

15. Рудченко В. М. Иконостасы XVIII — первой половины XIX в. в храмах верхневолжских областей // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 199-211. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st010.shtml>.
16. Сельванюк Р. К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова // Ученые записки Костромского государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова. Вып. 7. Кострома, 1960. С. 316-347.
17. Словарь Академии Российской. Часть 2. СПб., 1790. Часть 3. СПб., 1792.
18. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. Вып. 16. СПб.: Наука, 2006.
19. Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. М.: Университетская типография, 1891. 107 с.
20. Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. С 161 рисунками. М., 1906. 422 с.
21. Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л.: Наука, 1983. Сб. VII. С. 49-75.
22. Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии, как результат посильной разработки накопившегося за долгое время запаса сведений, большею частью из письменных документов разных местных архивов и малой частью по предмету местной истории: О прошлом города Осташкова Тверской губернии: Чит. в заседании Твер. учен. арх. комис., 15 апр. 1893 г. Тверь, 1893. 81 с.
23. Kislava E. What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia // Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Vol. 1. Milano: Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 179-218.

References

1. Andreev, A. Ju. (2010) “Suvorov Prohor Ignat'evich”, in Andreev A. Ju., Tsygankov D. A. Imperatorskiy Moskovskiy universitet: 1755-1917: entsiklopedicheskiy slovar' [Imperial Moscow University: 1755-1917: the Encyclopedic Dictionary]. Moscow: ROСПEN, p. 703.
2. Artjuhova, N. Proizvedeniya tserkovnyh iskusstv v sobranii Ostashkovskogo kraevedcheskogo muzjeja [Works of Church Arts in the Collection of the Ostashkov Local History Museum]. URL: <https://seliger-news.ru/kultura/произведения-церковных-искусств-в-со/>.
3. Galashevich, A. A. (1983) Hudozhestvennye pamjatniki Seligerskogo kraja [Art Monuments of the Seliger Region]. Moscow: Iskusstvo. URL: <http://www.rusarch.ru/galashevich2.htm>.
4. Kislova, E. I. (2013) “‘Molchite, kamennye zvuki’: ody Lomonosova v rukopisnyh kopijah vtoroy poloviny XVIII veka” [“Be Silent, Stone Sounds’: Lomonosov's odes in handwritten copies of the second half of the 18th century”], Chteniya Otdela russkoy literatury XVIII veka [Proceedings of the 18th Century Russian Literature Department], 7, pp. 114-136.
5. Kolosov, V. I. (1889) Istorija Tverskoy duhovnoy seminarii [History of the Tver Ecclesiastical Seminary]. Tver'.
6. Kolosov, V. I. (1889) Prazdnovanie 150-letnego jubileja Tverskoy duhovnoy seminarii 16 fevralja 1889 goda [Celebration of the 150th Anniversary of the Tver Spiritual Seminary on February 16, 1889]. Tver'.
7. Kolyshko, I. Oчерki sovremennoy Rossii [Essays on Modern Russia]. Saint Petersburg, 1887.
8. M. V. Lomonosov v knizhnoy kul'ture Rossii/sost. M. E. Ermakova [M. V. Lomonosov in the Book Culture of Russia/comp. M. E. Ermakova] (2010) M.: Pashkov dom.
9. Marasinova, E. (2017) “Zakon” i “grazhdanin” v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: oчерki istorii obschestvennogo soznaniya [“Law” and “Citizen” in Russia in the Second Half of the Eighteenth Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Matison, A. V. (2015) *Gorodskoe duhovenstvo Rossii XVIII v.* [Istoriko-genealogicheskoe issledovanie po materialam Tverskoy eparhii]. Diss. ... dokt. ist. nauk. Ekaterinburg.

11. Matison, A. V. (2009) *Pravoslavnoe duhovenstvo russkogo goroda XVIII veka. Genealogija svjaschenno-tserkovnosluzhiteley Tveri* [Urban Clergy of Russia in the Eighteenth Century: Genealogy of the Holy Clergy of Tver]. Moscow: Staraya Basmannaya.

12. Matison, A. V. (2012) “Uroven' ‘shkol'nogo’ obrazovanija duhovenstva uezdnyh gorodov Rossii v XVIII v. (Rzhev i Ostashkov)” [“The Level of ‘School’ Education of the Clergy in District Towns of Russia in the Eighteenth Century”], *Vestnik PSTGU. II: Istorija. Istorija Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Bulletin of PSTGU. II: History. The History of the Russian Orthodox Church], 3 (46).

13. Nikolozii, R. (2009) *Peterburgskiy panegirik XVIII veka. Mif — ideologija — ritorika* [St. Petersburg Panegyric of the Eighteenth Century: Myth — Ideology Rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

14. Pokrovskij, V. I. (1880) *Istoriko-statisticheskoe opisanie goroda Ostashkova* [Historical and Statistical Description of the City of Ostashkov]. Tver'.

15. Rudchenko, V. M. (1983) “Ikonostasy XVIII — pervoy poloviny XIX v. v hramah verhnevolzhskih oblastey” [“Iconostases of the Eighteenth to Early Nineteenth Century in Churches of the Upper Volga Regions”], in *Pamyatniki russkoy arhitektury i monumental'nogo iskusstva. Stil', atribucii, datirovki* [Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. Photographs, Attribution, Dating]. Moscow: Nauka. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st010.shtml>.

16. Sel'vanjuk, R. (1960) “K voprosu o rukopisnyh istochnikah ‘Sobranija raznyh pesen’ M. D. Chulkova” [“On the Question of Manuscript Sources of ‘Collection of Various Songs’ by M. D. Chulkov”], *Uchenye zapiski Kostromskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. N. A. Nekrasova* [Scientific Notes of the N. A. Nekrasov Kostroma State Pedagogical Institute], 7, pp. 316-347.

17. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the Eighteenth Century]. Chast' 9 [Part 9] (1997) Saint Petersburg: Nauka. Chast' 16 [Part 16] (2006). Saint Petersburg: Nauka.

18. Speranskij, M. N. (1891) Opisanie rukopisey Tverskogo muzeja [Description of Manuscripts from the Tver Museum]. Moscow.

19. Tokmakov, I. F. (1906) Gorod Ostashkov Tverskoy gubernii i ego uezd. Sbornik istoriko-statisticheskikh i arheologicheskikh svedenij. S 161 risunkami [The Town of Ostashkov in Tver Province and Its District. Collection of historical, statistical and archaeological research. With 161 drawings]. Moscow.

20. Tjulichev, D. V. (1983) "Prizhiznennyye izdaniya literaturnykh proizvedeniy i nekotorykh nauchnykh trudov M.V. Lomonosova" ["Lifetime Editions of Literary Works and Some Scientific Works by M.V. Lomonosov"], in Lomonosov. Sb. statey i materialov [Lomonosov. Collection of Articles and Materials]. Leningrad: Nauka, VII, pp. 49-75.

21. Uspenskij, V. P. (1893) Zapiska o proshlom goroda Ostashkova Tverskoy gubernii, kak rezul'tat posil'noy razrabotki nakopivshegosya za dolgoe vremya zapasa svedeniy, bol'sheyu chast'yu iz pis'mennykh dokumentov raznykh mestnykh arhivov i maloy chast'yu po predmetu mestnoy istorii: O proshlom goroda Ostashkova Tverskoy gubernii: Chit. v zasedanii Tver. uchen. arh. komis., 15 apr. 1893 g. [A note on the past of the city of Ostashkov, Tver province, as a result of a feasible development of the accumulated stock of information for a long time, mostly from written documents from various local archives and a small part on the subject of local history: About the past of the city of Ostashkov, Tver province: Read in the Tver meeting scientific architecture. The Commission, April 15]. Tver'.

22. Kislova, E. (2020) "What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia", Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Vol. 1. Ledizioni Ledi Publishing, pp. 179-218.

Ольга Эдельман

О политическом лексиконе П. И. Пестеля

Эдельман Ольга Валериановна, кандидат исторических наук, главный специалист, Отдел изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации.

edelmanO@yandex.ru

Аннотация: В статье обсуждается основной понятийный политический лексикон Павла Пестеля и ставится вопрос, какой конкретный смысл для него означал выбор того или иного слова из политического словаря или варианта перевода иноязычного понятия. Работа базируется на тексте «Русской Правды» Пестеля с привлечением других его сочинений, показаний на следствии и конституционного проекта Никиты Муравьева. Декабристы принадлежали к слоям русского дворянства, в быту говорившего и писавшего на французском языке. По-французски они обсуждали и свои политические идеи, что должно было замедлять выработку соответствовавшего русского понятийного аппарата. Однако свои конституционные проекты они писали по-русски, что и позволяет поставить вопрос о выработке ими политического понятийного лексикона. Пестель под воздействием идей А. С. Шишкова составил словарики «чисто русских» терминов на замену иностранным заимствованиям, однако не воспользовался ими при составлении «Русской Правды». Избегая по возможности галлицизмов, он использовал преимущественно уже устоявшиеся, общепонятные русской публике слова. Прослеживаются особенности выбора терминов Пестелем, какие понятия для него важны (народ, государство, гражданин, свобода, выборы, представительное правление, благоденствие и др.), какие встречаются изредка (нация, подданство, демократия), какие, вопреки

ожиданиям, отсутствуют (монархия, республика, конституция). Сопоставляется употребление основных понятий у Павла Пестеля и Никиты Муравьева.

Ключевые слова: декабристы, конституционный проект, общественная мысль, политическая мысль, политический понятийный аппарат.

On P. I. Pestel's Political Vocabulary

Edelman Olga Valerianovna, PhD (History), Chief Specialist, Department for Documents' Study and Publication, State Archive of the Russian Federation.

edelmanO@yandex.ru

Abstract: The article discusses Pavel Pestel's basic conceptual political vocabulary and raises the question of what specific meaning the choice of a word from a political dictionary or a translation of a foreign concept meant to him. The work is based on the text of Pestel's «Russian Truth», with the involvement of his other writings, testimony at the investigation and Nikita Muravyov's constitutional draft. The Decembrists belonged to the strata of the Russian nobility, who spoke and wrote in French at home. They also discussed their political ideas in French, which was supposed to slow down the development of a corresponding Russian conceptual framework. However, they wrote their constitutional drafts in Russian, which allows us to raise the question of their developing a Russian political conceptual vocabulary. Pestel, influenced by the ideas of A.S. Shishkov, compiled dictionaries of "purely Russian" terms to replace foreign borrowings, but did not use them in the compilation of "Russian Truth". Avoiding gallicisms as much as possible, he used mostly well-established words that were generally understandable to the Russian public. The features of Pestel's choice of terms are traced, which concepts are important to him (people, state, citizen, freedom,

elections, representative government, prosperity, etc.), which are rare (nation, citizenship, democracy), which, contrary to expectations, are absent (monarchy, republic, constitution). The use of basic concepts by Pestel and Nikita Muravyov is compared.

Key words: Decembrists, constitutional draft, public thought, political thought, political conceptual apparatus.

Актуальные для современной науки штудии в области истории понятий до сих пор если и распространялись на наследие декабристов, то лишь изредка, в качестве отдельных примеров бытования тех или иных терминов. Надо отметить касавшихся этой проблемы в рамках исследования истории республиканской идеи в России А. И. Миллера и М. Б. Велижева, особенно соображения первого об использовании понятий *народ* и *нация* (здесь и далее курсив мой, если не отмечено иное. — *Прим. авт.*)¹; М. П. Одесского, рассмотревшего бытование русских переводов французского слова *révolution*²; Д. В. Тимофеева, который указал на наличие исследовательской перспективы, проиллюстрировав ее примером употребления в декабристских текстах концепта «Просвещение»³. В. С. Парсамов, анализируя различные аспекты рецепции декабристами французской мысли, остановился, в частности, на понимании феномена революционного террора (*terreur*) и перевода его как *ужасов революции*; для моей работы важны страницы его книги, посвященные языковым экспериментам П. И. Пестеля в духе идей А. С. Шишкова⁴. Автор настоящих строк обращалась к особенностям бытования

- 1 Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века/под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. М. Б. Велижевым написана глава VI «Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в.», А. И. Миллером — глава VII «Империя и нация».
- 2 Одесский М. П. Вольнодумный тезаурус декабристов. Révolution — революция — переворот — превращение // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы/сост. О. И. Киянская, М. П. Одесский, Д. М. Фельдман, отв. ред. О. И. Киянская. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 494-502.
- 3 Тимофеев Д. В. История декабризма в контексте методологии истории понятий: перспективы и принципы применения // Историческая память России и декабристы. 1825-2015. Сб. материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2015 г.)/сост., отв. ред. П. В. Ильин. СПб. — Иркутск: Иркутский обл. историко-мемориальный музей декабристов, 2019. С. 127-135.
- 4 Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М.: Издательство РГГУ, 2010. С. 154-161, 186-190.

у декабристов понятий *свободомыслие/свободный образ мысли, вольнодумство*⁵. Однако специальных работ именно о декабристской политической лексике во всем ее спектре все еще мало, а разговор о ней трудно отделить от более широкой проблемы изучения декабристской политической мысли. При обсуждении истории понятий внимание исследователей сосредоточено преимущественно на XVIII в.⁶, тогда как веку XIX внимания доставалось меньше, вероятно, из-за подспудного ощущения, что он уже вполне модерный и не нуждается в особой ревизии понятийного аппарата. Вместе с тем очевидно — именно время существования декабристских тайных обществ было переломным между двумя эпохами, что, собственно, и нашло выражение в факте возникновения тайных обществ. Это не могло не отразиться и на языке, которым пользовались декабристы при формулировании своей политической мысли и программы.

Достаточно много уже сказано о разнообразных влияниях на декабристскую мысль: о роли идей французских просветителей и актуальной для того времени французской политической мысли, английской политэкономии, античных классиков. Авторы, изучающие рецепцию русской публикой и соответственно русским языком тех или иных понятий, прослеживают их изменения во времени. Мне в данной работе хотелось бы оставить в стороне череду заимствований и трансформаций идей и их названий. На данном этапе, как кажется, нужно зафиксировать основной понятийный политический лексикон декабристов и, не вдаваясь пока в вопрос о том, откуда и каким путем (через какие книги, каких авторов) пришло то или иное понятие, задуматься, какой соб-

5 Эдельман О. В. 1812-й год и генезис декабризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 3-7; переиздание: Эдельман О. В. Опыт 1812 года, патриотизм и вольнодумство // Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П. И. Пестеля [1824]. М.: Модест Колеров, 2022. С. 80-94.

6 Работы Е. Н. Марасиновой, С. В. Польского, Д. А. Бадаляна, М. В. Калашникова, Д. А. Сдвижкова, М. А. Киселева и др.

ственно конкретный смысл вкладывали в него декабристы и почему было выбрано именно это слово или этот вариант перевода.

Декабристское наследие, которое можно было бы подвергнуть анализу, в значительном большинстве создано в сибирской ссылке и даже после нее, а значит, относится уже к более поздней эпохе. За 1830-1850-е гг. русское общество проделало огромный путь идейного, а вместе с ним и языкового развития. Ссылные декабристы, как известно, не были в культурной изоляции, следили за литературными новинками, выписывали журналы и газеты. Их произведения сибирского периода и воспоминания могут стать предметом изучения как своеобразные образцы рецепции идей и понятий в эпоху великих реформ. Декабристских текстов, созданных в середине 1810-х — первой половине 1820-х гг., то есть в период тайных обществ, не так уж много. Помимо литературных произведений и литературно-критических статей (которые нам не подходят, ибо в них просто нет репрезентативной лексики политического ряда), это главным образом комплекс показаний на следствии и конституционные проекты. Имеется еще устав Союза благоденствия, но он требует особого и внимательного подхода, так как тесно связан не просто с общественно-политической лексикой, но еще и с традицией масонства и иностранных тайных обществ (Тугендбунд, иллюминаты), имевших собственный характерный вокабуляр и послуживших образцами, а местами источниками заимствования при составлении «Зеленой книги», устава Союза благоденствия⁷.

Конкретизируя задачу данной статьи, я хочу обратиться к понятийному аппарату П. И. Пестеля, взяв за основу «Русскую Правду», сохранившиеся вместе с ней иные рукописи декабриста⁸

7 См. об истории создания этого памятника: Мироненко С. В., Эдельман О. В. Устав Союза благоденствия («Зеленая книга») // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии/ гл. ред. С. В. Мироненко. М.: б/и, 2024. С. 554-583.

8 Опубликовано в: Восстание декабристов. Т. VII. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.

и его показания, особенно те два известных ответа, где он изложил историю своих взглядов. Это пункт 7 ответов на «вопросы о воспитании» (он содержал вопрос «С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, то есть от внушений ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренились?»), на который Пестель дал обстоятельный ответ⁹; а также ответ на вопросные пункты от 13 января 1826 г., содержавшие сходный вопрос «Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренились в умах?», в ответе Пестель написал знаменитое «дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»¹⁰. Эти два показания имеют характер политического суждения, далеко не всегда появлявшийся на допросах, что ценно для задач настоящей работы.

Хотя меня будет преимущественно интересовать Пестель, полезны и сопоставления с текстом конституционного проекта Н. М. Муравьева. Он дошел до нас в трех редакциях: рукопись, изъятая при аресте у С. П. Трубецкого, считается самой ранней; вторая находилась с бумагами И. И. Пущина в портфеле, отданном им перед арестом и в итоге хранившемся у кн. П. А. Вяземского до возвращения Пущина из Сибири; третий вариант текста был написан Н. М. Муравьевым в крепости по требованию Следственного комитета¹¹. Я выбрала для анализа пушинскую рукопись просто потому, что она самая длинная из трех¹². Надо учитывать, что «Русская Правда» значительно объемнее муравьевского про-

9 Восстание декабристов. Т. IV. М. — Л.: Государственное издательство, 1927. С. 89-92.

10 Там же. С. 105.

11 Историю текста конституционного проекта Н. М. Муравьева см.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985 (переиздание работы, первое издание вышло в 1933 г.). См. также: Эдельман О. В. Конституционный проект Н. М. Муравьева // Восстание декабристов. Т. XXIV (в печати).

12 Опубликовано в: Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 268-295.

екта: в ней по современным меркам чуть более 7 авторских листов, тогда как в пушинском варианте конституции Муравьева всего полтора авторских листа. Муравьев свой конституционный проект написал и перерабатывал, Пестель же «Русскую Правду» не закончил, из запланированных десяти глав вчерне составил пять, причем ненаписанными остались как раз разделы об организации власти, форме правления. Это заведомо должно создать определенный тематический перекосяк: лексики, описывающей систему правления, у Пестеля меньше, чем было бы в завершенном тексте.

Образованные люди декабристского поколения жили в двуязычной среде. Французский язык был языком повседневного общения знатных семей, на нем вели переписку, дневники. Разговоры декабристов и, более широко, людей их круга о политике происходили преимущественно на французском. Труды французских политических мыслителей для русских читателей первых десятилетий XIX в. перевода не требовали, английских авторов читали во французских переводах (английский язык в то время учили весьма редко). По моим подсчетам на основании имеющихся в следственных делах формулярных (послужных) списков 193 декабристов, из них французским языком владели 130 человек, немецким — 113, английский же знали только 8 человек. Конечно, существовали не столь рафинированно образованные армейские офицеры из небогатого провинциального дворянства, у которых гувернеров-иностранцев не было и языки они знали слабо, даже если изучали их в кадетском корпусе. Но ведущие идеологи декабризма обсуждали свои идеи по-французски. Это придавало специфику процессу трансфера понятий, образования аналогов в русском языке. Очевидно, разговор шел по-французски еще и потому, что там имелся готовый инструментарий. А коль скоро разговоры происходили по-французски, то необходимость в соответствующих понятиях на русском слабела, выработка словаря замедлялась. Вместе с тем патриотические чувства заставляли обращаться к родному

языку, не говоря уже об очевидной необходимости составлять законы для России по-русски. Свои конституционные проекты и П. И. Пестель, и Н. М. Муравьев писали на русском языке, что делало необходимым выбор подходящих русских терминов, ведь нужно было ориентироваться не только на круг единомышленников, но и на всеобщее понимание.

Насколько хорошо эти два ведущих декабристских интеллектуала владели родным языком? Прежде всего, разумеется, их служебная деятельность, как и у всех вообще, осуществлялась на русском. И, как заметил относительно Пестеля выдающийся историк Б. Е. Сыроечковский, нет сведений, чтобы во время службы «он встречал какие-либо затруднения в своих занятиях из-за недостаточного знания русского языка», а дошедшая до нас его учебная тетрадь «свободна от грамматических и стилистических погрешностей»¹³.

Никита Муравьев был сыном образованнейшего дворянина конца XVIII столетия Михаила Никитича Муравьева, просветителя, литератора, товарища министра народного просвещения и попечителя Московского университета, учителя великих князей Александра и Константина Павловичей. В круг его друзей входили лучшие писатели и поэты — Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, а Н. М. Карамзин был близким домашним человеком. Михаил Никитич свои литературные произведения писал по-русски. Сын его получил отменное образование, слушал лекции профессоров Московского университета. Французским он, конечно, владел свободно, но письма к матери писал в основном по-русски¹⁴.

13 Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля) // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 30-31.

14 См.: Никита Муравьев. Письма декабриста. 1813-1826 гг. // подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. Э. А. Павлюченко. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Павел Пестель — из семьи служилых немцев, детство провел в Москве, вероятно, владел русским и французским как домашними разговорными, немецкий стал всерьез изучать, когда в десятилетнем возрасте был отправлен учиться в Германию. Переписывался с родителями на французском¹⁵. Отвечая на «вопросы о воспитании», он утверждал, что познакомился с политическими науками только по возвращении из Германии, когда готовился к поступлению в Пажеский корпус для завершения образования. Там требовалось знание политических наук, в корпусе их преподавал известный тогда профессор Карл Федорович Герман, немец, уроженец Данцига, выпускник Геттингенского университета. Позднее, в 1816 г., Пестель слушал лекции Германа дополнительно, частным образом; впрочем, Пестель заключил, что они мало отличались от лекций в Пажеском корпусе¹⁶. На каком языке читал Герман и, соответственно, Павел Пестель усваивал азы политических рассуждений? Б. Е. Сыроечковский указал, что среди его бумаг имелся конспект лекций введения в курс Германа «Introduction générale du cours de sciences politiques» («Общее введение в курс политических наук»), по-видимому, авторский текст самого профессора, переписанный рукой товарища Пестеля по корпусу Петра Козлянинова, выпустившегося за год до него¹⁷. Отсюда вытекает, что и преподавал Герман по-французски, да и вряд ли в ту эпоху от иностранца могли требовать вести лекции на русском языке.

В кругу товарищей по тайному обществу Пестель вел беседы по-французски. По показанию полковника П. В. Аврамова, в Тульчине «у полковника Бурцева и Пестеля были собрания книг о политических науках на французском языке, но я оными не пользовался по весьма малому знанию языка сего». Авра-

15 Письма родителей к П. И. Пестелю см.: Восстание декабристов. Документы. Т. XXII. Из бумаг П. И. Пестеля (семейная переписка)/под ред. С. В. Мироненко, сост. О. В. Эдельман. М.: РОССПЭН, 2012.

16 Восстание декабристов. Т. IV. С. 89.

17 Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман. С. 31.

мов утверждал, что, бывая у Пестеля, «заставая их (И. Г. Бурцева и П. И. Пестеля. — *Прим. авт.*) иногда и с другими членами в чтении и нередко о политических науках, слушивал, но, как французский язык, еще смею повторить, весьма мало понимаю, то и сие мало знакомило меня с предметами, коими они занимались»¹⁸. Денщик Пестеля Степан Савченко также ссылаясь на то, что не знает, о чем полковник вел разговоры с Н. И. Лорером и доктором Плесселем, потому что они говорили всегда по-французски¹⁹. То же утверждали на допросе в Тульчине слуги А. П. Барятинского и А. А. Крюкова: первый сообщил, что его господин с другими офицерами разговаривали «большею частию по-французски», второй — что «всегда по-французски»²⁰. Сохранившаяся среди бумаг Пестеля его французская рукопись (известна под публикаторским названием «Социально-политический трактат»²¹) написана хорошим стилем, автор свободно оперирует обычной для рассуждений о политике и общественном устройстве французской лексикой, ничем не выделяясь: такого рода трактат мог бы принадлежать любому усредненному французскому автору той эпохи.

Первые тетради «Русской Правды», по признанию А. П. Юшневского, Пестель дал ему «для поправления слога, полагая, что я правильнее его знаю по-русски»²². Б. Е. Сыроечковский, комментируя этот эпизод, возразил, что словарь русских произведений Пестеля «богат и своеобразен, язык его работ свободен и гибок, точно и ясно передает мысль в самых тонких

- 18 Восстание декабристов. Т. XII. М.: Наука, 1969. С. 204. П. В. Аврамов, конечно, перед следствием стремился преуменьшить свою причастность к делам тайного общества. Впрочем, и в его формулярном списке значится, что он знал «российскому, частью французского и немецкого» (Там же. С. 188-189). Аврамов учился в I Кадетском корпусе.
- 19 Восстание декабристов. Т. XIX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 430.
- 20 Восстание декабристов. Т. IV. С. 30-31.
- 21 Восстание декабристов. Т. VII. С. 289-295.
- 22 Восстание декабристов. Т. X. М.: Госполитиздат, 1953. С. 62, 75.

ее оттенках»²³. Можно согласиться с мнением ученого, что Павел Иванович не испытывал особых затруднений с выражением мысли по-русски. Однако русский язык у него тяжеловат, фразы громоздкие и рождают предположение, что его письменный стиль сложился под влиянием обучения на немецком языке. Писал он действительно грамотно, но не без некоторых отклонений. Одним из излюбленных слов Пестеля было «мероприятие», его личная причудливая вариация слова «мероприятие», совершенно в духе так называемой «народной этимологии» (что, кстати, свидетельствует об определенном чувстве языка)²⁴.

При этом П. И. Пестель был увлечен идеями А. С. Шишкова, ратовавшего за очищение «славянорусского языка» от иностранных заимствований. В списке (очевидно, далеко не полном) русских книг, принадлежавших Пестелю, оставшихся после его ареста и проданных с аукциона в Тульчине, насчитывающем всего 54 названия, имелось 4 книги Шишкова («Разговоры о словесности» (1812 г.); «Прибавление к разговорам о словесности, или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу» (1812 г.); «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.); «Прибавление к сочинению, называемому “О старом и новом слоге российского языка”» (1804 г.)²⁵). Увлечение идеями Шишкова, надо заметить, у Пестелей было семейным. Отец декабриста, И. Б. Пестель, в одном из писем с восторгом поделился с сыном сообщенным ему Шишковым «настоящим русским словом» — «истенник», услышанным от некоего крестьянина и означавшим «капитал»²⁶. Тема влияния Шишкова на Павла Пестеля

23 Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман. С. 30-31.

24 Пример из «Русской Правды», см.: Восстание декабристов. Т. IV. С. 118-119, 128, 137, 140, 143 и др.

25 Киянская О. И., Азиатцев Д. Б. Описание библиотеки П. И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография/сост. П. В. Ильин, М. В. Вершевская. Вып. V. СПб., Кишинев: Nestor-Historia, 2002. С. 17-26.

26 Восстание декабристов. Т. XXII. С. 167.

обстоятельно разобрана В. С. Парсамовым²⁷, однако, поскольку у настоящей работы несколько иные задачи, позволю себе отчасти повторить те же цитаты и примеры.

А. С. Шишков в упомянутых книгах много рассуждал не просто о засилье галлицизмов в русском языке, но как раз о неудачных примерах перевода: «...везде наткнусь я на иностранное слово: везде вместо явления нахожу *сцену*; вместо действия, *акт*; вместо уныния или задумчивости *меланхолию*; вместо баснословия, *мифологию*; вместо веры, *религию*; вместо стихотворческих описаний, *дескриптивную или описывательную поэзию*; вместо согласия частей, *гармоническое целое*; вместо предместия, *форштадт*; вместо разбойников, *бандиров*; ...вместо рассматривания книг, *рецензию*; вместо доблестия, *героизм* и проч.»²⁸. Подробнее, нежели на иных примерах, Шишков остановился на переводе французского *révolution* как «переворот»: «Никогда в российском языке доселе не означало оно сего понятия. Оно с подобными сему словами *изворотиться, перевернуться, вывернуться*, употреблялось в простом или низком слоге, как например в следующих речах: *я хочу изворотиться или сделать переворот в днягах; посмотрим, как он из этого вывернется...* Как странный состав речей происходит от сего глупопереверденного слова!» — и далее приводил в самом деле престранные образцы где-то вычитанного им перевода: «*ввесть моря в переворот*», «*переворотный факел*», «*пентархия обратилась в поворотный круг*», «*французские переворотные флоты*», «*переворотная война сделалась войною округления*». Своей рекомендации, как лучше переводить на русский слово *révolution*, Шишков, однако, не предложил²⁹.

- 27 Парсамов В. С. П. И. Пестель как «архаист» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. К 85-летию Г. А. Гуковского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 126-146; Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М.: Издательство РГГУ, 2010. С. 186-190.
- 28 Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1813. С. 343. Выделения сделаны в тексте книги.
- 29 Там же. С. 179-180.

П. И. Пестель действовал вполне в логике А. С. Шишкова, когда составлял два сохранившихся в его бумагах вместе с «Русской Правдой» словника с русскими эквивалентами заимствованных названий. В обоих словниках преобладает военная лексика, второй состоит из нее исключительно. Пестель полагал, что лучше говорить не «солдат», а *ратник*, кавалериста именовать *всадником*, кирасира — *латником*, жандарма — *рындой* и т. д. Один из словников³⁰, как считается (по атрибуции публикаторов бумаг Пестеля в VII томе «Восстания декабристов»), прилагался к незаконченной ранней рукописи «Записка о государственном правлении»³¹. Термины из этого словника действительно фигурируют в названной записке, однако можно заметить и различия. Так, в записке артиллерию предлагается называть «брономет», в словнике — «огнемет»; в записке фигурирует отсутствующее в словнике наименование для батальона — «сразин»³² и т. д. Второй словник³³ был отнесен публикаторами к «Записке о составе войска»³⁴, но в этом случае предложенная новая терминология в самой записке вовсе не употребляется, там Пестель использовал общепотребительную лексику и писал о дивизиях, корпусах, артиллерии, кавалерии, штабе, адъютанте, аудиторе, комиссариатской части, арсенале, казарме, а не соответственно *ополчении*, *рати*, *огнемете*, *коннице*, *управе*, *грудине*³⁵, *судебном блюстителе*, *бронной части*, *оружейне*, *военжилье*. Словник предлагал также именовать саблю — *рубня*, палаш — *меч*, пику — *дрот* или *тыкня* и т. д. Следуя за мыслью Шишкова, Пестель искал русские эквиваленты, иногда они находились легко (кавалерия — *конница*, каска — *шлем*),

30 Восстание декабристов. Т. VII. С. 264-267.

31 Там же. С. 219-263.

32 Там же. С. 241-243.

33 Там же. С. 407-409.

34 Там же. С. 385-406.

35 Применительно к *грудине* Пестель оставил следующий комментарий: «Древнее слово, которое почти в том же значении употреблялось и в старину», имея в виду, что это аналог слова «адъютант».

иногда приходилось приспособливать не очень точно подходящее слово (штаб — *управа*, батарея — *бойница*), прибегать к вышедшим из употребления архаизмам (генерал — *воевода*, военное министерство — *военный приказ*, курьер — *гонец*). При полном отсутствии русского аналога Пестель изобретал неологизмы в архаизирующем псевдорусском стиле: патруль — *извед*, фрунт (строй в линии) — *рядобронь*, колонна (построение) — *толпник*, каре (построение) — *всебронь*, казарма — *ратожилье* (по первому словнику), *военжилье* (во втором словнике), флот — *плавень*.

Придуманная Пестелем «русифицированная» военная терминология хорошо иллюстрирует специфику его языкового мышления. Приняв ее к сведению, посмотрим, как декабрист оперировал лексикой общественно-политической. В первом словнике она присутствует, хоть ее и меньше, чем военной. Форма словника хороша тем, что Пестель, предлагая свой термин, дает аналогичное общеупотребительное слово, таким образом подтверждая нам, что эти слова, во-первых, были на тот момент общепонятными на русском языке и, во-вторых, Пестель знал их по-русски. В словнике к «Записке о государственном правлении» декабрист поместил основные, базовые понятия: «Государственный Устав — Конституция», «Самодержавье — Монархия. Вельможедержавье — Аристокрация. Народодержавье — Демократия. Самовластье — Деспотизм. Вельможевластье — Олигархия. Народовластие — Охлокрация. Зловластие — Тирания... Общедержавие — Республика»³⁶. Отметим также «Округ — Губерния», «Земельное разделение — Географическое разделение. Государственный Приказ — Министерство. Правосудие — Юстиция. Благодичиние — Полиция. Государственный Скарб — Финансы»³⁷.

Пестель следовал своему времени, разделяя понятия *монархия/самодержавие* как нейтральные термины и наделенные негативным смыслом *деспотизм/самовластие*, *тирания/зловластие*.

36 Восстание декабристов. Т. VII. С. 264, 266.

37 Там же.

Пришедшие из Франции общественные теории исходили из того, что при правильном течении дел монарх, самодержавно (то есть суверенно) управляющий подданными, существует с ними в гармонии, правит справедливо и разумно; в противном случае монарх, не соблюдающий законов и разумного порядка, превращается в тирана и деспота. В XVIII в. для выражения этой идеи в русский язык вошло употребление противопоставления *самодержавия* и *самовластия*. Пестель, как мы видим, вводит еще одну градацию — *зловластие*/тирания.

В «Русской Правде» понятия этого ряда встречаются, но занимают весьма скромное место. *Самовластие* упомянуто трижды, слов *диктатура*, *диктатор* нет совсем, *тиран* присутствует один раз в виде исторической отсылки: «Воспоминания о древности Нижегородской дышут свободою и прямою Любовью к Отечеству, а не к тиранам его» (при обосновании переноса столицы государства в Нижний Новгород)³⁸.

Слово *деспот* отсутствует, *деспотизм* употреблен один раз во фразе «законное противуборство частному Деспотизму», здесь речь не о правителе государства, а о принципах организации Волостного правления³⁹, то есть о предотвращении самоуправства отдельных лиц. Слово *частный* Пестель употреблял исключительно в смысле «отдельный», «единичный», без оттенка «приватный, личный, не связанный со службой или публичностью». А вот понятие *зловластие* понадобилось ему 19 раз.

Отсутствуют в «Русской Правде» слова *анархия*, *безначалие*, нет также ни *монарха*, ни *монархии*, ни *республики*, ни *самодержавия*. Да и слова *конституция* тоже нет. При этом в показаниях на следствии Пестель свободно оперировал такого рода понятиями. В «Русской Правде» их нет прежде всего по причине характера этого текста, а также, очевидно, из-за того, что она не окончена. Ее принято именовать конституционным проектом, что по суще-

38 Там же. С. 129.

39 Там же. С. 188.

ству неточно — это скорее трактат об основах будущего государственного устройства России. Неслучайно старательно выписанное Пестелем на титульном листе полное ее название звучит как «Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа, так и для Временного Верховного Правления». Ни по форме, ни по содержанию «Русская Правда» на конституцию не похожа, однако и отвлеченным теоретическим сочинением она не является. Главы, в которых должно было быть описано устройство государственной власти и управления, как уже сказано выше, остались невоплощенными. Там Пестелю понадобились бы понятия общего порядка, определяющие форму правления. На следствии он сообщил, что «Глава шестая должна рассуждать о верховной власти и быть написана вдвойне: одна в монархическом, а другая в республиканском смысле. Любую можно было бы избрать и в общее сочинение включить»⁴⁰. То есть декабрист оставлял выбор формы правления будущему Временному правительству или же Учредительному собранию.

Возвращаясь к вопросу о Шишкове, критиковавшем перевод французского *révolution* как *переворот*, сошлюсь на наблюдение М. П. Одесского, что в показаниях П. И. Пестеля непринужденно чередуются на правах синонимов оба варианта: и калька *революция*, и *переворот*⁴¹. Неслучайно исследователь сослался именно на показания Пестеля, ведь в «Русской Правде» это понятие отсутствует.

Слово *демократия* употреблено в «Русской Правде» лишь дважды, в обоих случаях применительно к древней истории: «Когда Государства так еще были малы, что все Граждане на одном

40 Восстание декабристов. Т. IV. С. 114.

41 Одесский М. П. Вольнодумный тезаурус декабристов. *Révolution* — революция — переворот — превращение // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. С. 496-497.

месте или небольшом поле собираться могли... тогда Каждый Гражданин имел Голос на вече и участвовал во всех Совещаниях Народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением Государств, когда уже нельзя было всем Гражданам собираться на одном месте. Демократия тогда была уничтожена»⁴². Ей на смену пришла *феодальная система*, которую Пестель, вслед за антиклерикальной и антимонархической критической традицией Века Просвещения, оценивал сугубо негативно: «Одни только Богатые или Военные начали съезжаться для участия в Государственных Делах. Тогда возникла Аристократия, а потом и вся феодальная Система со всеми ее ужасами и злодеяниями... Таким образом Аристократия и вся вообще Феодальная Система много веков свирепствовали над несчастною Европою, заставляя Народы переходить все степени Злополучия и Угнетения»⁴³. По Пестелю, сохраняющаяся в крупных государствах невозможность «всем Гражданам собираться на одном месте» делает неосуществимой прежнюю прямую демократию, выходом должна стать система *представительного правления*, то есть не прямых, а многоступенчатых выборов, когда граждане выбирают своих представителей для участия в выборах следующего уровня, что «согласило Невозможность собираться всем Гражданам на одно место с неоспоримым правом Каждого участвовать в Государственных Делах»⁴⁴. Не вдаваясь в особенности представлений Павла Пестеля об избирательной системе, отметим, что он, вероятно, потому и применил понятие *демократия* только к древности, что трактовал ее исключительно в духе народного собрания античного полиса или новгородского вечевого строя. То есть, исходя из этого словоупотребления, для Пестеля *представительное правление* было

42 Восстание декабристов. Т. VII. С. 188.

43 Там же.

44 Там же. См. об этом также оценку М.Б. Велижева (*Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 444).

не разновидностью *демократии*, а появляющейся на ином историческом этапе другой формой правления.

Для жесткой критики *аристократии* (*аристократии*, *аристократов*, *аристократического порядка*) Пестелю в «Русской Правде» пришлось упомянуть их 15 раз. Причем он говорил о двух сменяющих друг друга явлениях: *аристократия феодализма* и *аристократия богатств*. Под вторым он имел в виду такое положение вещей, когда «предоставлено участие в избрании Представителей одним только Богатейшим Людям, за исключением большинства Граждан. Таким образом, заменяет в тех Государствах Аристократия Богатств Аристократию Феодализма, и Народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены Политическое Положение, ибо в насильственную поставлены Зависимость от Богатых»⁴⁵. Следовательно, здесь речь о том, что можно было бы именовать *олигархией*, однако Пестель этот термин не употреблял, а предпочел говорить об *аристократии богатств*.

В «Русской Правде» Пестель не воспользовался придуманными им прежде русифицированными терминами *народодержавие*, *народовластие*, *общедержавие*, как и *вельмождержавие*, остановившись на общепринятом *аристократия* (с вариантом *аристократия*). Вообще по приведенным примерам видно, что при составлении «Русской Правды» он отошел от увлечения приисканием русских аналогов более-менее устоявшимся уже заимствованным понятиям и употреблял те, что считал более ясными для всех. Но и калькирования, прямого транслирования иностранных терминов по возможности избегал. Он не употреблял слово *приказ* в смысле учреждения, пользуясь словом *министерство* (встречается в тексте дважды с отсылками к ненаписанным главам, где должна была быть описана система министерств). В тексте «Русской Правды» нет *юстиции*, есть *правосудие* (1 раз), нет *благочиния*, есть *полиция* (8 раз), *финансы* (3 раза, о них, со-

45 Восстание декабристов. Т. VII. С. 189.

гласно показанию Пестеля, подробнее должна была трактовать ненаписанная глава 9⁴⁶), а вовсе не предлагавшийся в словнике *государственный скарб*. Слово *скарб* присутствует, но только в названии «скарбовый список», куда должны были быть занесены граждане, обладающие собственностью в конкретной волости⁴⁷. Похоже, что ко времени создания «Русской Правды» П. И. Пестель остыл к сугубо языковым проблемам, теперь ему было важнее точно и ясно выразить свою мысль. В «Русской Правде» есть наименования, отсылающие к русской старине и традиции, но, в сущности, их немного, самые заметные — это название самого памятника и *вече*. Пестель писал об административном делении на *волости*, *уезды* и *округа*, но также и *губернии*, как единицу между уездом и округом. Размышления о политических реформах очевидно взяли верх над мечтами о реформировании и очищении языка.

Пестель говорил о *представительном* правлении/соборе/порядке (12 раз), выборных народных *представителях* (13 раз), но не *депутатах* или *делегатах*. Кстати, не употреблял он и слов *выборные*, *выборщики*, а вот *выборы*, *выбор* здесь есть (11 раз), наряду с *избранием* (10 раз). Не пользовался Пестель и словом *баллотировка*, которое тогда было вполне в ходу применительно к дворянским выборам, а также имелось в российском законодательстве XVIII в. относительно вводимшейся иногда процедуры назначения на должность путем избрания (баллотирования). Представляется, что отсутствие синонимического ряда при описании избирательного процесса свидетельствует о том, что сам этот процесс был для декабристов еще абстракцией, они его мыслили в самых общих чертах.

В числе употребительных в «Русской Правде» понятий значатся слова *общество*, *общественный* (суммарно они встречаются 149 раз); но слова *общественность* в тексте нет. Разумеется,

46 Восстание декабристов. Т. IV. С. 114-115.

47 Восстание декабристов. Т. VII. С. 180.

П. И. Пестель не пользовался несвойственным его времени калькированным термином *социальный*, как и вполне бытовавшим тогда *публика* (возможно, это слово имело для него отчетливые коннотации, связанные с театральной и читательской аудиторией). Однажды возникло слово *публичный*, и то в словосочетании *публичный торг*⁴⁸, что можно расценивать как устоявшееся название вида торговли. Как аналог *гласности* Пестель его не применял, само слово *гласность* он использовал лишь трижды в форме *гласный*, в том числе дважды подряд повторил формулу «за гласный и доказанный разврат»⁴⁹, в третий раз говорил о «предметах, которые не могут быть сделаны Гласными»⁵⁰. Если судить по этому контексту, для него *гласность* была синонимом *огласки*, но не характеристикой общества со свободой информации.

По-видимому, для Павла Пестеля практически синонимичными были понятия *налог* (встречается 6 раз), *повинность* (27 раз) и *подать* (22 раза). Он чередовал их как взаимозаменяемые в разделах, перечисляющих прямые и косвенные повинности, и конкретизировал как денежные повинности, личная повинность, повинность военной службы и др.⁵¹

Интересно сравнить позицию Пестеля с установками, которые мы обнаруживаем в конституции Никиты Муравьева. В последнем тексте употребление перечисленных понятий следующее. Не встречаются слова *монархия*, *республика*, *демократия*, *аристократия*, *самовластие*, *тиран*, *деспот*, *деспотизм*, *диктатура*, *диктатор*, *депутат*, нет и излюбленного Пестелем слова *зловластие*. Здесь также нет *анархии*, *олигархии*, *охлократии*, *безначалия*. Н. М. Муравьев не прибегал к термину *представительное правление*, притом что слово *представитель* употребил 36 раз, *выбор/выборы/выборные* — 48 раз, в том числе *выборные* — 24; *общество*,

48 Там же. С. 198.

49 Там же. С. 185.

50 Там же. С. 204.

51 Там же. С. 200-202.

общественный — 42 раза, *публичный* встречается единожды («Заседания обеих Палат *публичные*»⁵²), понятия *публика* нет, как и у Пестеля; однажды употреблено слово *гласный* («гласная расправа»⁵³). Как и Пестель, Муравьев использовал термины *налог*, *подать*, *повинность* на правах синонимов.

Обоим декабристам в их проектах не понадобилось определение *либерал*, *либеральный*. Оба предпочли слова *свобода* (у Пестеля — 45 раз, у Муравьева — 7), *вольность* (у Пестеля — 32 раза, у Муравьева — 2 раза, в обоих случаях он говорил о *вольных хлебопашцах* и *поселянах*, которые сделаются *вольными*). Примечательно, что ни тот, ни другой не сочли нужным подхватить выражение *законно-свободные учреждения*, которым, как известно, после тщательного отбора вариантов было переведено на русский слово *libéral* в речи Александра I на открытии Варшавского сейма в 1818 г.

Еще одно слово, отсутствующее в политическом тезаурусе декабристов, — это *партия* в смысле *политическая партия*. Ни в «Русской Правде», ни в конституции Н. М. Муравьева его нет. Однако Пестель использовал его в показаниях на следствии в контексте «партии и козни». Так, объясняя планы тайного общества, П. И. Пестель говорил, что считал нужным заранее решить, за какой образ правления выступает общество, ибо «ежели сие не будет твердым образом постановлено и соглашено, то легко родиться могут партии и разные Козни»⁵⁴. Сопоставив это словоупотребление с его же известным показанием о «партии в масках» под командой М. С. Лунина для покушения на Александра I и употреблением французских однокоренных *part* (часть, доля), *parti* (отдельная группа), *partisan* (приверженец, сторонник), породивших в 1812 г. русскую кальку *партизан*

52 Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 276.

53 Там же. С. 274.

54 Восстание декабристов. Т. IV. С. 87, 102. В двух разных показаниях Пестель дословно повторил эту фразу.

и термин *партизанский отряд*, можно заключить, что для Пестеля *партия* означала часть, фракцию, осколок целого. Он был весьма далек от понимания *партии* как политического объединения единомышленников, а напротив, ассоциировал *партию* с расколом, раздором, интригами.

В целом в том, что касается использования заимствованных галлицизмов или их русских эквивалентов, тексты Пестеля и Муравьева выглядят примерно одинаково. П. И. Пестель увлекался идеями А. С. Шишкова, Н. М. Муравьев был по-домашнему близок к Н. М. Карамзину (хоть и оставил темпераментные возражения на его «Историю»⁵⁵), то есть они примыкали к противоборствовавшим тогда литературным лагерям. Однако на языке их главных трудов это практически не отразилось.

У П. И. Пестеля слово *политический* (в разных падежных формах) фигурирует 73 раза, а *государство*, *государственный* — 353, отсюда сразу видно, что находилось в фокусе его интересов. У Н. М. Муравьева первого из упомянутых слов не отмечено, второе встречается 4 раза. Слово *закон* и однокоренные у Пестеля — 165 раз, *беззаконие* — 1 раз, *право* — 86, *права* (во множественном числе) — 88. У Н. М. Муравьева (в значительно более коротком тексте его конституции) слов с корнем *закон* — 62, *право* — 38, *права* — 23 раза, *беззаконие* — нет. При этом нигде у декабристов, не только в конституционных проектах, но ни в каких текстах вообще (даже сибирских), мне не удалось обнаружить словосочетания *права человека*. Декабристы, разумеется, предусматривали набор основных прав и свобод (свобода слова, которую они чаще называли *свободой книгопечатания*, свобода вероисповедания, никто не может быть арестован без суда и пр.), но расписывали их по отдельности. Рамочного же объединяющего понятия

55 Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М.: Мысль, 1975. С. 63-65; Парсамов В. С. Декабристы и Франция. С. 216-223.

права человека не применяли, хотя по идее оно восходит к «Декларации прав человека и гражданина» («Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen») 1789 г. Однако, повторяюсь, в такой форме декабристы его не использовали совсем. Для Пестеля парным к *праву* важным понятием была *обязанность* (77 упоминаний), он увязывал одно с другим и говорил о том, что права вытекают из обязанностей («Правительство имеет *обязанность* распорядиться общим действием и избирать лучшие средства для доставления в Государстве Благоденствия всем и каждому. А по сему имеет оно *Право* требовать от Народа, чтобы оный ему повиновался»⁵⁶ и т. п.). Взаимному соотношению прав и обязанностей посвящены первые параграфы «Русской Правды». В конституции Муравьева такого рода общих суждений нет, а слово *обязанность* встречается лишь 4 раза.

Слово *народ* с производными в «Русской Правде» повторено 315 раз, *гражданин, граждане, гражданство* — в общей сложности 229 раз, из них на *гражданство* приходится 20 упоминаний. *Подданные, подданство* встречаются 15 раз, из них 13 в одном и том же разделе «*Иностранцы Подданные и Неподданные*», где речь идет о праве на русское гражданство⁵⁷. Остальные два случая имеют тот же смысл обсуждения русского и иностранного гражданства/подданства. Таким образом, для Пестеля *подданство* означало принадлежность к тому или иному государству/стране, тогда как *гражданство* описывало отношение личности к своему государству/отечеству. Ну и, разумеется, в более общем смысле, согласно политической мысли той эпохи, *граждане* возможны лишь в республике, у монарха же бывают только *подданные*. Четыре раза Пестель использовал слово *чернь*, в одном и том же разделе и исключительно в контексте: «опасения, чтобы так называемая Чернь не волновала Государства»; «Волнения в Государ-

56 Восстание декабристов. Т. VII. С. 114. Курсив в цитате принадлежит П. И. Пестелю.

57 Там же. С. 148-149.

ствах никогда не были чернью производимы, но всегда богачами и Аристократами»⁵⁸. Как можно заметить, слово это, означающее у него бунташные социальные низы, Пестель использовал с оговоркой («так называемая») для ситуативного описания, причем в негативном ключе в том смысле, что *чернь*, по его мнению, вовсе не является причиной беспорядков. Частью базовой социальной, сословной иерархии *чернь* для декабриста не была.

Дважды в «Русской Правде» Пестель употребил понятие *нация*, в обоих случаях применительно к иностранцам: «Иностранцы, в России живущие, суть частные лица разных наций»; «Иностранцы, в России находящиеся и к разным другим нациям принадлежащие...»⁵⁹. По мнению А. И. Миллера, для Пестеля понятие *нация* было синонимично понятию *русский народ*, «сама оговорка о *других* нациях свидетельствует, что он имплицитно имеет в виду и *нацию* Российского государства». Формула *нация* применялась с XVIII в. «как инструмент внешнеполитической репрезентации» и в XIX в. часто имела именно значение сопоставления с другими народами, «если Россия среди других, то *нация*, а если речь идет только о России, вне сравнительного контекста, то естественнее употребить понятие *народ*»⁶⁰. К этому наблюдению можно добавить, что паре *народ/нация* составляет параллель пара *гражданство/подданство*, усиливая тезис, что в том и другом случае мы имеем дело с оппозицией внутреннего и внешнего по отношению к Российскому отечеству.

Шесть раз Павел Пестель прибегнул к слову *рабство*, всегда в однотипных словосочетаниях: «Рабство должно быть решительно уничтожено», «содействовать всеми силами к уничтожению рабства и Крепостного Состояния»⁶¹ — все эти места звучат у него публицистически остро. Очевидно, Пестель пре-

58 Там же. С. 192.

59 Там же. С. 137, 148. Курсив в цитате принадлежит П. И. Пестелю.

60 Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 520-521. См. также более развернуто: Там же. С. 517-524.

61 Там же. С. 156.

красно понимал формальную разницу между рабом и крепостным и слово *рабство* использовал как метафору, усиливающую и подчеркивающую его возмущение этим явлением. Форма *раб/рабы* у него отсутствует.

В конституционном проекте Никиты Муравьева наблюдается в целом сходное отношение к перечисленной группе понятий. Слово *народ* и производные встречаются 73 раза, *гражданин*, *гражданство* — 53, *подданство* — 1 раз, и так же, как у Пестеля, имеется в виду «подданство иностранного государства». Слова *чернь*, *нация* Муравьеву не понадобились, *рабство* он употребил 1 раз, в том же самом контексте отмены «крепостного состояния и рабства»⁶².

Для декабристов, организовавших Союз благоденствия, была бы естественной особая приверженность к этому понятию. В «Русской Правде» в самом деле слово *благоденствие* как образ желаемого будущего России употреблено 51 раз. Уточняя, Пестель пояснил, что «*Государственное Благоденствие* состоит из двух главных предметов: из *Безопасности* и *Благосостояния*. Отличительное и главное качество Безопасности есть *охранение*, а Благосостояния есть *приобретение*», достижение *благоденствия* должно быть главной целью правительства. Эти три понятия Пестель указал как основные и базовые, посвятив им параграф 9 «Введения» в свой труд⁶³. Слово *безопасность* насчитывает 18 упоминаний (в том числе 6 — в параграфе 9), *благосостояние* — 10 (из них также 6 — в параграфе 9). В конституции Н. М. Муравьева ни одно из этих слов не присутствует.

Существует целая историография, посвященная сравнению конституционных проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева. Как правило, в центре внимания их разногласия по вопросу унитарного или федеративного характера государства, наличия или отсутствия избирательного ценза, предпочтения республики

62 Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 269.

63 Восстание декабристов. Т. VII. С. 117.

или конституционной монархии и т. д. Существенно, помимо этого, что текст Пестеля имел выраженный морализаторский характер, значительно менее свойственный Муравьевскому проекту. Пестель в разных разделах «Русской Правды» возвращался к мысли, что в правильно устроенном государстве *права* и *свобода* ограничены *обязанностями* и *нравственностью* (это слово встречается 22 раза), заботился о поддержании *добродетели* (10 упоминаний). У Муравьева последнего слова вовсе нет, *нравственность* упомянута четырежды. Впрочем, можно предположить, что причина не в том, что Никита Михайлович был менее озабочен вопросами морального плана, а в ином характере, жанре текста: его проект написан как свод основных законов, тогда как, повторюсь, «Русская Правда» есть трактат о принципах устройства будущей России.

Павел Пестель и Никита Муравьев были двумя вершинами декабристской политической и общественной мысли. Между ними много сходства, но есть и напряжение серьезной дискуссии. В литературе в большей степени обсуждалось различие их позиций. На мой взгляд, объединяющего здесь было гораздо больше. Изучение лексикона, которым они пользовались, может дать интересные результаты не только в той области, которую затрагивает данная статья. Предметом дальнейшего анализа, например, могут стать термины, описывающие «*земельное пространство государства*» (в формулировке П. И. Пестеля), границы, территориальные единицы; социальные группы и народы; брак, семью, исчисление родства, наследование; виды деятельности, ремесла, земледелие, торговлю и т. д. Малоизученными остаются представления обоих декабристов о государственном хозяйстве и экономике (затрагивающие эту тематику работы написаны в 1950-х гг., период безраздельного господства советской экономической теории, относительно декабристов мало что проясняющей). Общность идей П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, декабристов вообще была, конечно, более широким явлением — общностью мнений их поколения, их времени.

Разговор же о различиях следует начинать с указания на бросающуюся в глаза несхожесть личностного становления обоих декабристов, простирающуюся гораздо дальше отмеченного выше спора о развитии русского языка между сторонниками А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина. Пестель, за плечами которого была учеба в Германии у частных профессоров — в действительности мы мало знаем, чему и как он учился⁶⁴, — служил в провинции (Митава, Тульчин), был занят повседневной штабной службой, затем командовал пехотным полком в глуши. Он не вращался в кругах столичных умников, а в Тульчине просто не существовало необходимой ему интеллектуальной среды. Как автор и мыслитель Пестель, в сущности, был самоучкой, его развитие проходило в интеллектуальной изоляции.

Жизнь Никиты Муравьева, напротив, протекала в столице, содержание его образования понятно (сохранились его учебные тетради, обширный комплекс писем, доступна для изучения муравьевская библиотека⁶⁵ с многочисленными маргиналиями); известен круг писателей и ученых из окружения его отца. Наконец, Муравьев служил в Гвардейском генеральном штабе, месте средоточия высокообразованных военных теоретиков. В отличие от Пестеля, Муравьев существовал в интеллектуальном мейнстриме и его идейный путь хорошо документирован.

Два идейных лидера декабризма при взгляде на них исследователя оказываются словно бы в неравном положении. Однако как раз обращение к политическому лексикону в известном смысле «уравнивает их права», возвращая историка к текстам как таковым и открывая перспективы иного, более глубокого понимания

64 От П.И. Пестеля сохранилось лишь некоторое количество рукописей и два списка книг его библиотеки (русских и иностранных), очевидно неполных (Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И. Пестеля // Историк-марксист. 1941. №4. С. 86-89). Любая реконструкция его идейного формирования будет неизбежно гипотетична: мы не знаем, чему именно он учился и какие книги были им действительно прочитаны.

65 Хранится в Отделе редких книг Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

интеллектуального вклада столь неординарных мыслителей, какими были Павел Пестель и Никита Муравьев.

Литература:

1. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5-304.
2. Киянская О. И., Азиатцев Д. Б. Описание библиотеки П. И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. V. СПб., Кишинев: Nestor-Historia, 2002. С. 17-26.
3. Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М.: Мысль, 1975. 153 с.
4. Мироненко С. В., Эдельман О. В. Устав Союза благоденствия («Зеленая книга») // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии/ гл. ред. С. В. Мироненко. М.: б/и, 2024. С. 554-583.
5. Одесский М. П. Вольнодумный тезаурус декабристов. Révolution — революция — переворот — превращение // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы/сост. О. И. Киянская, М. П. Одесский, Д. М. Фельдман, отв. ред. О. И. Киянская. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 494-502.
6. Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М.: Издательство РГГУ, 2010. 432 с.
7. Парсамов В. С. П. И. Пестель как «архаист» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. К 85-летию Г. А. Гуковского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 126-146.
8. Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века/под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

9. Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля) // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 14-57.

10. Тимофеев Д. В. История декабризма в контексте методологии истории понятий: перспективы и принципы применения // Историческая память России и декабристы. 1825-2015. Сб. материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2015 г.)/сост., отв. ред. П. В. Ильин. СПб. — Иркутск: Иркутский обл. историко-мемориальный музей декабристов, 2019. С. 127-135.

11. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1813. 436 с.

12. Эдельман О. В. 1812-й год и генезис декабризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 3-7.

13. Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П. И. Пестеля [1824]. М.: Модест Колеров, 2022. 472 с.

References

1. Druzhinin, N. M. (1985) “Dekabrist Nikita Murav’ev” [“Decembrist Nikita Murav’ev”], in Druzhinin N. M. *Izbrannye trudy. Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* [Selected Works. Revolutionary Movement in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka, pp. 5-304.

2. Edel'man, O. V. (2012) “1812 god i genезis dekabrizma” [“1812 and the Genesis of Decembrism”], *Gumanitarny'e nauki v Sibiri*, 3, pp. 3-7.

3. Edel'man, O. V. (2022) *Pavel Pestel': Oчерki. S prilozheniem “Russkoy Pravdy” P. I. Pestelya [1824]* [Pavel Pestel: Essays. With an Appendix of “Russian Pravda” by P. I. Pestel [1824]]. Moscow: Modest Kolerov.

4. Kiyanskaya, O. I., Aziatcev, D. B. (2002) “Opis' biblioteki P. I. Pestelya na russkom yazyke” [“Pavel Pestel's Library Inventory (Books on Russian)”], in *14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledo-*

vaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. V [December 14, 1825: Sources, Research, Historiography, Bibliography. Vol. V]. St. Petersburg, Kishinev: Nestor-Historia, pp. 17-26.

5. Landa, S. S. (1975) *Duh revolyutsionnih preobrazovaniy... Iz istorii formirovaniya ideologii i politicheskoy organizatsii dekabristov. 1816-1825* [The Spirit of Revolutionary Transformations... From the History of the Decembrists' Ideology Formation and Political Organization. 1816-1825]. Moscow: Mysl'.

6. Mironenko, S. V., Edel'man, O. V. (2024) "Ustav Soyuzha blagodenstviya ("Zelenaya kniga")" ["Union of Prosperity Charter ("Green Book")"], in *Ezhegodnik Gosudarstvennogo arhiva RF: publikatsii, issledovaniya, retsenzii*/ed. by S. V. Mironenko [Annual Collection of the State Archives of the Russian Federation: Publications, Research, Reviews/ed. by S. V. Mironenko]. Moscow, pp. 554-583.

7. Odesskij, M. P. (2008) "Vol'nodumnyy tezaurus dekabristov. Révolution — revolyutsiya — perevorot — prevrashhenie" ["Free-thinking Thesaurus of the Decembrists. Révolution — Revolution — Upheaval — Transformation"], in *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody*/ed. by O. I. Kiyanskaya [The Decembrists. Current Agenda and New Approaches/ed. by O. I. Kiyanskaya]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, pp. 494-502.

8. Parsamov, V. S. (2010) *Dekabristy` i Frantsiya [Decembrists and France]*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU.

9. Parsamov, V. S. (1984) P. I. "Pestel' kak 'arhaist'" ["Pestel as an 'Archaist'"], in *Problemy istorii kul'tury, literatury, sotsial'no-ekonomicheskoy mysli. K 85-letiyu G. A. Gukovskogo* [Problems on the History of Culture, Literature, Socio-Economic Thought. On G. A. Gukovsky's 85th Anniversary]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 126-146.

10. *Res Publica: Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka*/ed. by K. A. Solov'ev (2021) [Res Publica: Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20th Century/ed. by K. A. Solov'ev]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

11. Shishkov, A. S. (1813) *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossi-*

yskogo yazyka [A Discussion on the Old and New Syllables of the Russian Language]. St. Petersburg.

12. Syroechkovskiy, B. E. (1969) P. I. “Pestel’ i K. F. German (K voprosu o rannih politicheskikh vozzreniyah Pestelya)” [“P. I. Pestel and K. F. German (On the Issue of Pestel's Early Political Views)”], in Syroechkovskiy, B. E. *Iz istorii dvizheniya dekabristov* [From the History of the Decembrist Movement]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 14-57.

13. Timofeev, D. V. (2019) “Istoriya dekabrizma v kontekste metodologii istorii ponyatiy: perspektivy i printsipy primeneniya” [“The History of Decembrism in the Optics of the History of Concepts Methodology: Prospects and Principles of Use”], in *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristi. 1825-2015. Sb. materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 14-16 dekabrya 2015 g.)*/ed. by P. V. Il'in [Historical Memory of Russia and the Decembrists. 1825-2015. Collection of Materials on the International Research Conference (St. Petersburg, December 14-16, 2015)/ed. by P. V. Il'in]. St. Petersburg — Irkutsk: Irkutskiy obl. istoriko-memorial'nyy muzey dekabristov, pp. 127-135.

Игорь Орлов

Досуг в советской повседневности: форматы и практики

Орлов Игорь Борисович, доктор исторических наук, профессор, Департамент политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

iOrlov@hse.ru

Аннотация: В статье, имеющей характер аналитического обзора, предпринята попытка определения предметного поля формирующегося исследовательского направления, сфокусированного на изучении такого аспекта советской повседневности, как досуг. Новый подход к рассмотрению досуговых практик, помимо территориального деления (по месту жительства, в местах удаленного отдыха, по месту работы и учебы), предусматривает выделение трех форматов досуга — организованный, неорганизованный и полуорганизованный, сочетающий два первых формата. При этом определена очевидная зависимость этих форматов от досуговой «географии». В свою очередь, специфика досуговых практик исследуется путем анализа факторов, определивших складывание досугового пространства в СССР.

Ключевые слова: досуг, рекреация, двор, кружок, баня, туризм, дача, массовые гуляния.

Leisure in Soviet Everyday Life: Formats and Practices

Orlov Igor Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor Department

of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

iOrlov@hse.ru

Abstract: The article that has the character of an analytical review attempts to define the subject field of an emerging research area focused on the study of such an aspect of Soviet everyday life as leisure. A new approach to the study of leisure practices, in addition to territorial division (by place of residence, remote recreation, workplace and study), provides three leisure formats for the allocation — organized, unorganized and semi-organized, combining the first two formats. At the same time the obvious dependence of these formats on leisure "geography" is highlighted. In its turn the specifics of leisure practices are researched by analyzing the factors of the formation of leisure space in the USSR.

Key words: leisure, recreation, courtyard, club, bathhouse, tourism, dacha, mass celebrations.

В XX столетии установка, что жизнь «должна приносить удовольствие» (своеобразная «досуговая революция»), способствовала вытеснению труда «из центра современной социальной конструкции»¹ и формированию «общества досуга». Культивирование навыков отдыха стало неизбежной частью социализации человека, источником «интеллектуального и эмоционального удовлетворения в жизни»² и, как следствие, актуальной исследовательской программой.

Вопросы свободного времени в той или иной степени рассматривались в трудах представителей французской школы «Анналов», немецкой истории повседневности, итальянской микроистории и др. Однако оформление истории досуга как полноценного научного направления связано с британскими исследованиями рубежа 1970-1980-х гг.³ Хотя в литературе сложились различные интерпретации понятия «досуг», в западной историографии последний предполагает *индивидуальный выбор* (здесь и далее курсив мой. — *Прим. авт.*) способа проведения нерабочего времени, «свободу от обязанностей, связанных с зарабатыванием на жизнь, и психофизиологических императивов, таких как еда, сон, покой..., обременительных и практически неизбежных нетрудовых обязательств (домашние дела, забота о детях, участие в работе местной власти..., посещение зубного врача и т. д.)»⁴. Из сферы досуга также традиционно исключаются публичные, ритуализированные и принудительные формы культуры развле-

1 MacCannell D. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1999. P. 5.

2 Meller H.E. Leisure and the Changing City, 1870-1914. London: Routledge & Paul, 1976. P. 252.

3 См., например: Walvin J. Leisure and Society 1830-1950. New York: Longman, 1978; Leisure in Britain, 1780-1939: A collection of essays/ed. by Walton J.K., Walvin J. Manchester: Manchester University Press, 1983; Sport in Britain: A Social History/ed. by T. Mason. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. и др.

4 Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 141.

чений. Но при этом признается, что в Советском Союзе различие между трудом и досугом было более размытым, нежели на Западе⁵. Наглядный пример — работа на садовом участке как форма «активного отдыха». При этом в литературе отмечаются три фактора возникновения досуга в его современном понимании: 1) новые структуры занятости, проводящие более отчетливую границу между работой и развлечениями и предоставляющие больше нерабочего времени; 2) урбанизация, расширяющая число типов занятости для свободного времени и дающая возможность контролировать это время; 3) коммерциализация, усиливающая ощущение собственной инициативы (возможность выбирать, как потратить деньги)⁶.

В советской историографии тема досуга разных групп населения также долгое время не составляла отдельного исследовательского направления. Так, в 1975 г. в литературе констатировалось, что условия быта рабочих относились на тот момент к числу почти совершенно обойденных в исторической литературе сюжетов⁷. Что уж говорить о других группах советского социума. Только с конца 1970-х гг. в стране стали периодически проводится социологические исследования, позволяющие историкам делать замеры происходящих в сфере досуга перемен⁸. Ситуация начала меняться с конца 1980-х гг. на фоне запроса

5 Moskoff W. *Labour and Leisure in the Soviet Union: The Conflict between Public and Private Decision-Making in a Planned Economy*. London: Macmillan, 1984. P. 109; Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // *Антропологический форум*. 2005. № 2. С. 141.

6 Ловелл С. Указ соч. С. 141-142. Отметим, что автор понимает современность не как настоящее, а как модернность, которая, помимо темпоральности (Новое время), означает «некое особое состояние общества, прошедшего процесс модернизации» (Там же. С. 136).

7 Ворожейкин И. Е. *Очерк историографии рабочего класса СССР*. М.: Политиздат, 1975. С. 126.

8 Ключко Е. М. Досуг в контексте современных взглядов на историографию // *Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования: сб. ст./науч. ред. Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко*. М.: МГУКИ, 2007. С. 22-23, 38.

на оригинальные интерпретации советского прошлого. В поле зрения исследователей попадает досуг жителей различных регионов страны, вопросы его институционализации и политизации, развития досуговых форматов и пространств, экономики досуга и т. п. Например, Н. Б. Лебина продемонстрировала перспективность реконструкции советской повседневности, включая досуг, через дихотомию «норма — аномалия»⁹. С. Ю. Малышева, характеризуя временные, пространственные и ментальные сферы отдыха, раскрыла особенности формирования культуры досуга, проследила эволюцию досуговых практик, норм и структуры досуга¹⁰.

Хотя еще в 2010 г. утверждение, что в современной России история досуга «априори записывается в категорию “мелкотемья”»¹¹, звучало вполне актуально, к настоящему моменту история досуга стала важной частью истории повседневности. Сегодня она является одним из набирающих популярность направлений в отечественной исторической науке. Перед современным исследователем досуга советского периода открыты несколько проблемных полей: исследование форм досуговых занятий людей и их содержания, коммуникации, возникающей в процессе досуговой деятельности, и типов досуговых общностей; изучение объема времени, которым располагали различные группы населения для досуговых практик в различные периоды; анализ представлений людей о досуге и места, отводимого досугу в конкретный период времени¹².

9 См.: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»; Летний Сад, 1999. 316 с.

10 См.: Малышева С. Ю. Праздный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX — начала XX века. М.: Academia, 2011. 191 с.

11 Тарасенко В. Н. Досуг периода НЭПа в постсоветской историографии (предварительные итоги исследования) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4. С. 20.

12 Ключко Е. М. Указ. соч. С. 35-36, 38.

Досуг в советской повседневности: новые подходы

Отметим прежде всего, что в современной отечественной литературе, посвященной изучению досуга, сложился ряд «констант». Во-первых, досуговые практики рассматриваются в первую очередь через призму городской культуры, как канал распространения определенных ценностей и норм. Утверждается, что именно в столичных городах досуговая культура имела давние и прочные традиции, а число досуговых практик было наибольшим. Различные формы и методы конструирования досуговой политики апробировались главным образом в столичных городах, а затем тиражировались в остальные регионы. В первую очередь — в крупные региональные центры, где с началом ускоренной индустриализации, связанной с резким ростом численности населения, в повестку дня вошли задачи выстраивания эффективной досуговой политики, включая оперативное формирование досуговых пространств.

Во-вторых, в раннесоветской истории, связанной с интенсивной трансформацией и формализацией таких практик, досуг стал важнейшей составляющей культурной революции и в дальнейшем сохранял значительную культурную составляющую.

В-третьих, досуг выступал формой социализации советских людей. Для «властей предрежущих» свободное от работы или учебы время было важным с точки зрения контроля процесса формирования «нового человека»¹³. Дело в том, что в СССР эффективное и рациональное использование свободного времени считалось показателем успеха советской социальной политики и особым качеством советского человека. Это объясняет установку на со-

13 Ярмолич Ф. К. Социализация горожан во время досуга (на материалах Ленинграда 1950-1960-х гг.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов международной науч. конф./под общ. ред. В. А. Веремченко. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 329-331.

здание собственных массовых развлечений и деление досуговых практик с точки зрения власти на желательные (активный и рациональный досуг), критикуемые (ничего неделание) и запрещаемые (девиантные). Впрочем, существовали форматы неорганизованного отдыха, которые находились на стыке критики и прямого запрета. Это относится, например, помимо «дикарей»¹⁴, к так называемым «народным курортам». Из документов Центрального совета Общества пролетарского туризма и экскурсий, датированных маем 1936 г., мы узнаем о подобном курорте в долине рядом с перевалом Кизгыш в Абхазии. В живописной долине на краю леса, вокруг «богатого водой “нарзана” (углекисло-серая холодная вода)» разместилась группа деревянных барачков и шалашей, где летом со всех долин собирались местные жители на «лечение». Во время «сезона» здесь открывался небольшой базар¹⁵. Власти не приветствовали такие формы курортной самодеятельности, периодически поднимая вопрос о закрытии самовольного курорта, но воспрепятствовать местной инициативе не смогли¹⁶.

Не имея возможности использовать скромные денежные накопления на развитие бизнеса, покупку недвижимости, приобретение дефицитных товаров или поездку за границу, советские граждане либо откладывали деньги на сберкнижку, либо тратили на отдых и путешествия по стране. А в условиях дефицита путевок на популярные курорты и в санатории право на отдых реализовывалось преимущественно в неорганизованной форме. Люди снимали жилье у местных жителей или располагались с палатками на побережье. «Дикий» отдых давал возможность не только выбирать время, направление и продолжительность путешествия, но и компанию — семью или друзей. Походы в лес и горы были

14 На рубеже 1950-1960-х гг. это понятие широко использовалось по отношению к тем, кто путешествовал или отдыхал без путевок.

15 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-13.

16 Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И. Б. Советский курорт 1930-х годов: на «экспорт» и для внутреннего пользования // Современные проблемы туризма и сервиса. Научно-практический журнал. 2009. № 3. С. 25-30.

любимым развлечением молодежи, а без гитары не обходился ни один вечер у костра. То есть «дикарями» советские люди становились как «по принуждению» (невозможность получить путевку), так и «по выбору»¹⁷.

В конце 1940-х гг. в крупных городах стали появляться представители молодежной субкультуры, для которых эталоном была жизнь американцев. Поэтому сами себя они называли «штатниками», а несколько позднее их прозвали стилиягами. Выделявшиеся одеждой ярких тонов и непривычного вида (брюки-дудочки, пиджаки с широкими плечами, узкий галстук («селечочка»); платье с облегающими лифами и широкими, пышными юбками, длинные перчатки, туфли на высоких каблуках) юноши и девушки увлекались фокстротом, а позже танцем буги-вуги. Их облик и поведение демонстрировали стихийный протест против принятых в советском обществе правил проведения досуга. Раздражение властей также вызывало стремление молодежи приобщиться к джазу. Ее кумирами были Гленн Миллер и Элла Фицджеральд. По воспоминаниям современников, «золотая молодежь» собиралась на квартирах, чтобы посмотреть «джазовые» кинофильмы (например, «Серенада солнечной долины»)¹⁸.

Понятно, что власть осуществляла финансовую и информационную поддержку только одобряемых ею форм досуга, одновременно борясь с практиками, которые признавались нежелательными. Впрочем, вопреки планам загнать досуг «в жестко регламентируемое среднее пространство», даже в позднесоветское время традиционные формы проведения свободного времени (выпивка и приватное общение) нередко преобладали над современными¹⁹. С одной стороны, это было результатом политики советизации дореволюционных досуговых институтов и практик. С дру-

17 Попов А. «Мы ищем то, чего не теряли»: советские «дикари» в поисках места под солнцем // *Ab Imperio*. 2012. № 2. С. 262.

18 Там же. С. 263-264.

19 Ловелл С. Указ. соч. С. 146, 148-149, 160.

гой стороны, нежелательные формы досуга оставались частью общественной жизни, особенно городской, в силу столкновения разных социальных и культурных практик. Наконец, в зависимости от колебаний линии партии одобряемые и неодобряемые формы досуга могли меняться местами. Наглядный пример тому — изменение отношения к рок-музыке на рубеже 1950-1960-х гг. Более того, располагая фиксированным количеством свободных дней и определенными средствами, человек получал реальную возможность выбора — навестить родственников в деревне, повидать друга детства или поехать по путевке в тур по ленинским местам²⁰. То есть можно констатировать вариативность досуговых практик даже в самые авторитарные периоды советской истории.

Отметим и еще одно важное обстоятельство, существенное для перспективных исследований досуга в СССР. Нам представляется более корректным говорить не о советском досуге, а о *досуге советского населения*. Сложно выделить, даже из официальных документов, те формы досуга, которые власти считали собственно советскими. Тем более что этот перечень постоянно менялся. Наглядный пример тому — клубы самодеятельной песни, киноклубы и рок-клубы, которые росли как грибы после дождя под влиянием оттепели.

Кроме того, как уже отмечалось, в советскую повседневность были инкорпорированы различные досуговые практики, которые с трудом вписывались в рамки «Морального кодекса строителя коммунизма». Наконец, для советского периода характерно сосуществование многообразных досуговых норм и практик, имеющих различную социальную (например, в городе и деревне) или этническую природу.

Основные формы досуга советских людей условно можно свести к трем форматам — организованному, неорганизованному и полуорганизованному (сочетавшему два первых формата) отдыху. Очевидна зависимость этих форматов от досуговой

20 Попов А. Указ. соч. С. 262.

«географии». Например, квартира, двор, баня и дача в большей степени связаны с неорганизованными видами досуга, производственные и учебные заведения — с организованными, санатории, дома отдыха и турбазы, кинотеатры, театры и парки отдыха — с полуорганизованными. Даже в заорганизованной программе пребывания в официальных рекреационных и туристских заведениях оставалось свободное время, которое отдыхающие могли проводить по собственному усмотрению. Походы в театр и кино могли быть как организованными, так и личными, семейными или в дружеской компании. В парках отдыха у советских граждан также был выбор — участвовать в организованных мероприятиях или ограничиться прогулкой по парку. При этом досуговые форматы были тесно переплетены в любительском движении, особенно периода оттепели. При различных учреждениях культуры стали возникать объединения «по интересам», своеобразные «клубы в клубах» — любителей поэзии и музыки, театра и кино, туризма и фотографии, любителей-садоводов, рыболовов и охотников, коллекционеров разного профиля и т. п.²¹ В 1959 г. студентами Московского энергетического института (МЭИ) был проведен первый фестиваль самодеятельной песни, который тут же вышел за вузовские пределы. В конце 1950-х гг. возникли первые коммунарские объединения, а в начале 1960-х гг. — клубы любителей фантастики²². Еще в 1947 г. в Московском планетарии прошла лекция-диспут на тему «Загадки Тунгусского метеорита», организованная писателем-фантастом Александром Казанцевым и астрономом Феликсом Зигелем, благодаря которым к середине 1950-х гг. тысячи советских людей стали уфологами.

21 Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 277.

22 Ивашников К.В. Неформальные самодеятельные объединения в СССР: историко-культурный аспект. 1985-1991 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 14, 18, 22.

Мы можем также проследить связь между неорганизованными (отчасти и полуорганизованными) досуговыми практиками и теневыми формами досуга, что вполне объяснимо более слабым контролем со стороны государства и общества за индивидуальным, семейным и самодеятельным групповым отдыхом. В этой статье мы ограничимся простым перечислением основных теневых (девиантных) форм досуга в силу трудности отделения их от социальных болезней (пьянство, наркомания, хулиганство), немногочисленности потребителей услуг (проституция), частичной профессионализации досуга (азартные игры) и временной ограниченности признания девиантными определенных видов моды и танцев. Впрочем, в ряде случаев даже чрезмерное увлечение обычными танцами в ущерб трудовой или учебной деятельности осуждалось. Это хорошо показано в фильме «Большая перемена» (1973 г.), где один из учеников вечерней школы Геннадий Ляпишев пытается добиться возможности работать в одну смену якобы для занятий в школе («Ходишь, ходишь в школу, а потом — бац — вторая смена! И прощай, родные учителя»), а на самом деле — для времяпровождения на танцплощадке.

Не менее значимо в этом отношении понимание того, что в СССР «традиционные» развлечения вчерашних сельских жителей (кулачные бои, ритуальная выпивка, рассказывание историй) органично вписывались в современную индустрию досуга. Последнее очень важно для понимания досуга советских людей, где удельный вес домодерновых досуговых практик был довольно высок.

Факторы формирования досугового пространства в СССР

Говоря об особенностях и форматах досуга советских людей, следует выделить *основные факторы*, оказывающие влияние

на досуговые практики на протяжении значительных периодов советской истории.

Первое. Законодательное оформление права на отдых. Среди декларируемых и конституционно закрепленных²³ советских ценностей праву на отдых отводилось хотя и меньшее, чем праву на труд, но довольно значимое место. В Конституции «победившего социализма» (1936 г.) право на отдых регламентировалось отдельной статьей 119 и обеспечивалось не только введенным в 1929 г. 7-часовым рабочим днем²⁴ и ежегодным оплачиваемым отпуском, но и «предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов»²⁵.

После Великой Отечественной войны наблюдается постоянное увеличение свободного времени. Так, с 1 июля 1945 г. восстанавливались отмененные на период военного времени очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, вводилась 6-дневная рабочая неделя вместо 7-дневной. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1956 г. сокращал продолжительность рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни. Растянувшийся на период 1956-1960 гг. перевод рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день также увеличил время отдыха, а ежегодный отпуск, продолжительность которого не могла быть меньше 14 дней, предоставил возможность отправиться в санаторий или здравницу²⁶.

23 До принятия Конституции 1936 г. большинство социально-экономических прав регулировалось отраслевым законодательством. Например, Кодексом законов о труде 1918 г. вводился 8-часовой рабочий день и устанавливались ежегодные оплачиваемые отпуска (Права личности в социалистическом обществе/отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. М.: Наука, 1981. С. 56).

24 Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936): сборник документов/под ред. И. П. Трайнина. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 100.

25 Там же. С. 188.

26 Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 275; Лысикова О. «Каждый трудящийся имеет право на отдых». Услуги советских курортов послевоен-

Статья 41 Конституции 1977 г. устанавливала 41-часовую рабочую неделю и предусматривала «расширение сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, развитие массового спорта, физической культуры и туризма...»²⁷. Упоминание в Конституции «развитого социализма» регулирования условий труда и отдыха колхозников отражало сложившуюся на рубеже 1960-1970-х гг. ситуацию, когда на колхозы была распространена система реализации права на отдых. Но для жителей села, несмотря на формально равные возможности с горожанами, возможность «профсоюзного» отдыха в течение долгого времени была скорее теоретической, в том числе в силу сезонности сельского труда и дорожных проблем для многих сельских поселений²⁸.

Второе. Экономика дефицита, которая, с одной стороны, подталкивала к официально поощряемым формам досуга, а с другой, заставляла искать замену дефицитным путевкам и билетам на престижные премьеры и выставки. Конечно, финансовые возможности для отдыха расширились с отменой с середины 1950-х гг. платы за обучение в старших классах средней школы, в средних специальных и высших учебных заведениях, которая тяжелым бременем ложилась на семейный бюджет. «Досуговый поворот» также поддерживался политикой низких цен на книги, билеты в кино и музеи: «Пусть экономически нелепо — но книги продавались за гроши, дешевле табака и хлеба»²⁹. Одним из немногих доступных развлечений послевоенной эпохи в силу невысоких цен на билеты было кино. Но на периферии, и прежде

ного периода // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985/под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. С. 199.

- 27 Социальное обеспечение в СССР: сборник нормативных актов/сост. М.Л. Захаров, В.М. Писков. М.: Юридическая литература, 1986. С. 8.
- 28 Горбачев О.В. Право на отдых в СССР // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 187-188, 191.
- 29 Слуцкий Б. Современные истории. Новая книга стихов. М.: Молодая гвардия, 1969. С. 126.

всего в сельской местности, кинопоказы проводились от случая к случаю или вообще не проводились на протяжении длительного времени, маршруты и твердые графики демонстрации кинофильмов не составлялись, а утвержденные не доводились до сельсоветов или нарушались киномеханиками. Снижало посещаемость киносеансов и то, что население своевременно не оповещалось о предстоящем показе фильмов³⁰. Впрочем, по абсолютным показателям уровень жизни основной массы населения СССР до середины 1960-х гг. был приближенным к потребительскому минимуму³¹, что было сдерживающим фактором развития сферы досуга.

Третье. Активная роль правящей партии и советского государства в формировании идеологии и практики досуга советских людей. В СССР развитие сети рекреационных учреждений воспринималось как идеологический аргумент в соревновании двух систем с точки зрения создания наилучших условий для человека труда. Уже к середине 1930-х гг. в СССР резко сменились культурные императивы. Вместо антибуржуазных идеалов периода НЭПа и начального периода индустриализации власть словами И. В. Сталина на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев 17 ноября 1935 г. («Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее»)³² предложила образ жизни, полной изобилия. С новым курсом был связан и лозунг «Трудиться производительно, отдыхать культурно», приписываемый Первому секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву³³. На практике это привело

30 Фомин В. И. Советское послевоенное кино: испытание «малюкартиньем». 1946-1953 гг. // Отчет о научно-исследовательской работе «История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат (Заключительный. Основная книга)». М.: б/и, 2012. С. 924-925, 930.

31 Зубкова Е. Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940-1960-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 104.

32 Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев, 14-17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. Свердловск: Уральский рабочий, 1935. С. 368-369.

33 Gronow J. Caviar with champagne. Common luxury and the ideals of the good life in Stalin's Russia. Oxford; New York: Berg, 2003; Трентманн Ф. Эволю-

к изменениям в досуговой культуре в пользу развлечений и возвращению к дореволюционным традициям.

Монопольным каналом распределения средств на развитие досуговой системы стали «приводные ремни» партии — профессиональные союзы. С передачей к 1960 г. в систему ВЦСПС хозрасчетных санаториев профсоюзы сосредоточили в своих руках распределение бесплатных и льготных путевок. Основы законодательства СССР и союзных республик о труде (в редакции 1971 г.) закрепляли за профсоюзами управление «находящимися в их ведении санаториями, профилакториями и домами отдыха, культурно-просветительными, туристскими и спортивными учреждениями»³⁴. В структуре ВЦСПС сформировался хотя и подконтрольный государству, но реально работающий механизм, обеспечивавший в целом эффективную работу досуговой системы. Однако здесь были свои нюансы. Формулировка «отдых трудящихся и членов их семей» встречалась в официальных документах и прессе довольно часто, но семейный отдых в санатории или доме отдыха был большой редкостью. Как правило, путевка выдавалась на одного человека по месту работы одного из супругов соответствующим месткомом. Хотя подразумевалось, что путевка предоставляется по результатам труда, в действительности это зависело от статуса работника и отношения к нему администрации предприятия³⁵.

Четвертое. Развитие «инфраструктуры досуга», которая включает материальные объекты и виды деятельности, создающие общие условия для реализации потребностей людей в сфере досуга. Так, исследование возможностей учреждений культуры Ленинграда 1950-х — начала 1960-х гг. выявило явно устаревшую инфраструктуру во втором по значению городе страны.

ция потребления. Как спрос формирует предложение с XV века до наших дней. М.: Бомбора, 2019. С. 209-210.

34 Социальное обеспечение в СССР: сборник нормативных актов. С. 96.

35 Горбачев О. В. Указ. соч. С. 189-190.

В частности, на партийном собрании ЦПКиО им. С. М. Кирова отмечалось, что «уровень всего комплекса массово-политической и культурно-просветительной работы в парке... не вполне соответствует» правительственным решениям по улучшению организации массового отдыха и культурного обслуживания трудящихся. В парке не было кинотеатра, кинолектория, современных выставочных павильонов, танцевально-концертного зала, а выстроенная в 1930-х гг. материальная база парка пришла «в ветхое состояние»³⁶.

В ходе послевоенных восстановительных работ по всей стране ремонтировались разрушенные здания и приводились в порядок пустующие помещения, в которых открывались клубы, читальни и красные уголки. К началу 1950-х гг. восстановительные работы в основном были завершены, хотя массовый характер строительство учреждений культуры приобрело только с середины десятилетия. В городах и крупных сельских поселениях создавались парки культуры и отдыха, оборудовались танцевальные и спортивные площадки. В сельской местности этот процесс стимулировался развернувшимся с 1956 г. движением по благоустройству сел. В послевоенные годы происходило не только восстановление и расширение сети досуговых учреждений, но и их дифференциация. Например, из клубной сети выделились кинотеатры, библиотеки, народные музеи и детские внешкольные учреждения. Однако сеть культурного обслуживания с театрами, кинотеатрами, концертными залами, музеями и клубами действовала прежде всего в городах. С культурным обслуживанием жителей села дело обстояло значительно хуже. Так, профессиональные или самодеятельные творческие коллективы выезжали лишь в крупные села.

Важное влияние на инфраструктуру сферы досуга оказывали научно-технический прогресс и развитие средств массовой

36 Ярмолич Ф. К. Ленинградец в политическом пространстве 1950-х — начале 1960-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 22. Вып. 4 (168). С. 141.

информации: практически полная радиофикация страны, увеличение выпуска печатной продукции, рост числа публичных библиотек, массовое распространение телевидения, развитие звукозаписывающей и звуковоспроизводящей техники (радиол и магнитофонов). С 1 октября 1960 г. Всесоюзное радио стало круглосуточным, а лучшие передачи, фрагменты из радиоспектаклей, песни-репортажи Юрия Визбора были записаны на гибких пластинках звукового журнала «Кругозор», который Радиокomiteeт выпускал в 1964-1970 гг. 22 марта 1951 г. Совмин СССР принял постановление «Об организации регулярных телевизионных передач в Москве» 6 раз в неделю (с 15 апреля 1951 г.). В этом же году была выпущена первая модель телевизора «КВН» с большой толстой линзой перед маленьким экраном. На 1 мая 1951 г. в Москве насчитывалось уже свыше 22,5 тыс. телевизоров. Так как их значительная часть использовалась в клубах, красных уголках и государственных учреждениях, это существенно увеличило число телезрителей. А поскольку телевизоры у индивидуальных потребителей были редкостью, для просмотра телепрограмм у счастливых обладателей «телеящика» собирались шумные компании из родственников, друзей и соседей³⁷. В 1967 г. в Советском Союзе была создана приемная сеть из 20 станций «Орбита», в 1976 г. введен в эксплуатацию спутник «Экран», а в 1980 г. запущен «Горизонт», имевший специальный мощный передатчик для передачи телевизионных сигналов на земные приемные станции системы «Москва»³⁸. К началу 1982 г. число станций достигло примерно 100, что позволило организовать распределение двух формируемых в Москве телепрограмм по всей территории СССР

- 37 Короткова М. Повседневная жизнь победителей: Быт советских людей в послевоенное время (1945–1955) // История и обществознание для школьников. 2015. №2. С. 32-44. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1244> (дата обращения: 01.03.2025); Фомин В. И. Советское послевоенное кино. С. 942.
- 38 Новая распределительная спутниковая система «Москва» была введена в эксплуатацию в 1979 г.

в удобное для зрителей время. В октябре 1967 г. с конвейера завода имени Н. Г. Козицкого сошли первые отечественные цветные телевизоры «Радуга-4» и «Радуга-5». Годовой выпуск телевизоров во второй половине 1970-х гг. достиг 7 млн штук, 600 тыс. из которых были цветными. А в олимпийском году было продано 7,5 млн телевизоров, из них — 2,3 млн цветных.

В ряде городов СССР до конца 1950-х гг. наблюдался острый голод на кинозрелища. Бригады Союза работников кинематографии, выезжавшие в Сталинскую, Ворошиловградскую, Свердловскую, Новосибирскую области и на Северный Кавказ, установили, что охват потенциального зрителя составлял около 20% от возможного, а в сельской местности — и того меньше. Но к середине 1960-х гг. кинопосещаемость существенно возросла, особенно в сельской местности. В 1953-1968 гг. число кинопосещений в год достигало 4 млрд.³⁹ Этот бум был прежде всего связан с подъемом советской кинематографии, которая в 1953 г. произвела 20 художественных фильмов, то есть в 2 раза больше, чем год назад, а в следующем году последовало очередное удвоение объемов кинопроизводства. К 1960 г. советское кино преодолело рубеж в 100 картин и продолжало наращивать производство.

Пятое. Уровень культурности и образованности населения, стимулирующий смену досуговых приоритетов. Немаловажную роль в развитии досуговой деятельности сыграли процессы урбанизации, и прежде всего усиленная с середины 1950-х гг. миграция получивших паспорта крестьян в города. К 1950 г. в городах жило 39% населения⁴⁰, что стимулировало распространение городских видов досуга. Внутренняя миграция, связанная с раз-

39 Фомин В.И. Кинематограф оттепели. «Серебряный век советского кино» 1953-1968 гг. // Отчет о научно-исследовательской работе «История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат (Заключительный. Основная книга)». М.: б/и, 2012. С. 1124, 1128, 1059.

40 Территория и население СССР URL: https://istmat.org/files/uploads/26740/narhoz_ussr_1964_naselenie.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

вернувшейся с 1954 г. кампанией по освоению целинных и залежных земель и начавшимся в 1959 г. крупным промышленным строительством в районах Сибири и Дальнего Востока, также способствовала складыванию форм досуга, в которых смешивались различные культурные образцы, принесенные людьми с прежних мест пребывания⁴¹.

Важным фактором, повлиявшим на сферу досуга, стало повышение образовательного уровня населения. В течение 1959-1965 гг. завершился переход к обязательному 8-летнему обучению детей и начался переход к всеобщему обязательному среднему политехническому образованию в городе и деревне. В 1963 г. была расширена сеть заочного и вечернего высшего и среднего специального образования за счет создания новых филиалов, отделений и учебно-консультационных пунктов высших и средних специальных учебных заведений при промышленных предприятиях. В результате в структуре послевоенного досуга постепенно повышалась доля интеллектуальных занятий: больше времени стало уделяться чтению газет, журналов и художественной литературы, прослушиванию радио, посещению кино, театров, концертных и выставочных залов.

Шестое. Заимствование зарубежных сервисных стандартов. На городской быт столиц и ряда областных центров начала 1960-х гг. оказали влияние американские и западноевропейские стандарты. В частности, в 1960-е гг. новым элементом городской повседневности стали появившиеся в большинстве ресторанов бары. Традиционные пивные также постепенно вытеснялись пивными барами и пивными автоматами. Одновременно в крупных городах появились молодежные кафе, призванные помочь организации культурного досуга молодых людей. В таких кафе можно было встретиться с известными

41 Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М.: Политиздат, 1989. С. 94.

деятелями культуры и принять участие в конкурсах. Меню также было специфическим, подчиненным идее «окультуривания» досуга: кофе и пирожные, легкие закуски и сухое вино, шампанское и коктейли.

Организованная неорганизованность vs неорганизованная организованность

Сфера досуга стала объектом государственного регулирования, социальной и культурной политики сразу с приходом к власти большевиков. Причем регулировались не только финансирование и организация деятельности учреждений, но и сами досуговые практики. Последние в территориальном отношении можно разделить на несколько форматов: по месту жительства (квартира, двор, бытовые (баня) и культурно-просветительские учреждения — музеи, библиотеки, кинотеатры, клубы, парки, дворцы и дома культуры), в местах удаленного отдыха (курорты, санатории, пансионаты, дома отдыха, туристские и спортивные базы), по месту работы и учебы.

На сегодняшний день в меньшей степени (по причине их слабого отражения в открытых источниках) изучены именно досуговые практики по месту жительства, где переплетались форматы организованного, неорганизованного и полуорганизованного досуга. Поэтому в этой работе мы обратимся именно к ним. Особую актуальность проведение досуга по месту жительства приобрело в связи с развитием с середины 1950-х гг. массового жилищного строительства. В новых условиях домоуправления выделяли помещения под различные культурные мероприятия, занятия спортом, общественные библиотеки и т.п. С конца 1950-х гг. заметную роль в *организованном* досуге стали играть праздники улиц, в проведении которых участвовали не только клубы, библиотеки и музеи, но уличные и домовые комитеты, домоуправления и женсоветы. На этих праздниках рассказывалось об истории улицы, памятном событии или биографии человека, давших улице наименование. Широкое

распространение по месту жительства получила организация культурно-досуговой деятельности детей и подростков. Так, наряду с дворцами и домами пионеров и молодежи появились детско-подростковые клубы, детские спортивные и игровые площадки во дворах микрорайонов. При домоуправлениях действовали красные уголки, в которых можно было послушать лекцию или посмотреть концерт художественной самодеятельности. Пришедшийся на первую половину 1960-х гг. новый этап проектирования в сфере досуга был связан с возникновением в системе ЖКХ института социальных педагогов, ориентированных на организацию досуга по месту жительства: педагогов-организаторов и аниматоров, ответственных за внеклассную и внешкольную работу, тренеров и т. п.⁴²

Неорганизованный досуг по месту жительства был связан прежде всего с феноменом советского двора, где времяпрепровождение строилось скорее по поколенческому, нежели социальному принципу. Символом двора стали голубятни, бабушки на лавочке, дети в песочнице и столы с любителями домино, карт, шашек и шахмат. Домино считалось игрой пенсионеров и рабочих, молодежь и мужчины среднего возраста предпочитали карты, а интеллигенты любили собираться за игрой в шахматы и шашки. Если позволяли размеры двора, зимой заливали хоккейные площадки. Но особенно был популярен дворовый футбол. Москвичка И. М. Зеленова вспоминала: «Двор был неотъемлемой частью дома. На скамейку у подъезда собирались женщины, мужчины сидели за столиками возле сараев. А дети летом играли в салки, прятки, “штандер”, “казаки-разбойники”, прыгали через веревочку, зимой катались с сугробов на санках»⁴³.

Еще одной приметой послевоенного времени стало бурное развитие на рубеже 1950-1960-х гг. телевидения. Телевизор

42 Красильников Ю.Д. Историко-педагогические корни проектирования // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования: сборник статей/науч. ред. Е.М. Ключко, Н.Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2007. С. 77.

43 Цит. по: Короткова М. Указ. соч.

(«домашний кинотеатр») постепенно завоевывает статус основного организатора семейного досуга⁴⁴. Анкетирование рабочих и служащих одного из цехов Кировского завода в Ленинграде в 1961 г. показало, что просмотр телепередач занимал 4-е место, чуть уступая чтению, но заметно опережая походы в кино⁴⁵.

Сложилась своеобразная культура книжного чтения, на которую оказал влияние небывалый интерес к периодической печати. У многих на устах были новые имена (Ф. А. Абрамов, В. П. Аксенов, В. Н. Войнович, А. И. Солженицын и др.). Хотя, судя по опросам 1963-1965 гг., первую строчку в списке любимых писателей у ленинградцев занимали советские (М. А. Шолохов, М. Горький, А. А. Фадеев, В. В. Маяковский и др.) и зарубежные (Т. Драйзер, Дж. Лондон, Э. М. Ремарк и Э. Хемингуэй) классики⁴⁶.

Однако неорганизованный досуг не ограничивался территорией квартиры и двора. Сокращение рабочего дня стимулировало развитие традиционных форм внесемейного общения, принимавшего формы «гостевания», различных компаний, собиравшихся на дому, в парках, садах и скверах. Среди городских жителей приобретали популярность прогулки и разнообразные виды семейного отдыха⁴⁷. «Кухни» и «хаты», клубные кафе и «компании» 1950-1960-х гг. стали специфическим выражением неформальной публичности, оппонирующей публичности официальной⁴⁸. Если всплеск гостевого общения был в какой-то мере возвратом к вре-

44 Сергеева О. Как мы стали телезрителями: реконструкция повседневности по фотографиям 50-70-х годов // Визуальная антропология: настройка оптики/под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 175, 181, 183.

45 Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 299.

46 Там же. С. 293, 296-297.

47 Bushnell J. Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem? // Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham. Boulder, Colo: Westview Press, 1988. P. 60-61.

48 Зубкова Е. Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 160-161.

менам НЭПа, то неформальные споры о политике, искусстве и спорте после окончания трудового дня стали новым явлением. Подобные посиделки были характерны и для небольших кафе, количество которых заметно выросло. Например, преподаватели Московского технологического института с завидной частотой посещали находящийся вблизи железнодорожной платформы ресторан «Кооператор», который открылся в июне 1966 г. и имел тогда большую известность среди богемных кругов Москвы, покоряя посетителей отменной грузинской кухней. Старожилы вспоминали о нескольких визитах в ресторан Аллы Пугачевой. В нем же отмечали свои победы футболисты московского «Спартака»⁴⁹. Но посещение ресторанов и кафе не стало повседневной практикой советских людей. Еще одним излюбленным способом времяпрепровождения в столицах и крупных городах был театр. Но на пользовавшиеся особым успехом спектакли невозможно было попасть, люди записывались в очередь и часами стояли за билетами.

Кинематограф постепенно стал одним из распространенных досуговых пространств, даже несмотря на постоянные колебания репертуарной политики. С весны 1946 г. эталоном «большого» стиля стали монументальные «кинофрески» типа «Клятвы» и «Падения Берлина» Михаила Чиаурели. С экрана почти полностью исчезает простой человек, а центральное место в жанре художественно-документальной эпопеи (или «опупеи», как ее прозвали в народе) занимает историко-биографический фильм. Но для миллионов советских людей основным развлечением были незатейливые фильмы вроде «Беспокойного хозяйства» и «Первой перчатки», «Золушки», «Каменного цветка» или «Кубанских казаков». Среди картин о войне самыми популярными были «Подвиг разведчика», «Повесть о настоящем человеке» и «Молодая гвардия». После войны был также расширен кинопоказ старых советских фильмов («Чапаев», «Выборгская сторона», «Человек

49 История вуза — история страны. К пятидесятилетию ректора РГУТиС А. А. Федулина. М.: б/и, 2009. С. 230-231.

с ружьем»), а в 1952 г. Министерство кинематографии осуществило съемки на пленку около десятка лучших спектаклей ведущих московских театров⁵⁰. Но доходы кинопроката росли во многом за счет «трофейных» фильмов. В силу отсутствия валюты на официальную закупку зарубежных фильмов в 1947 г. было принято решение о выпуске на советские экраны большой партии зарубежных фильмов, объявленных «трофейными»⁵¹. В эту категорию в основном попали фильмы немецкого производства («Девушка моей мечты», «Не забывай меня», «Ты мое счастье» и «Где моя дочь?»), а также несколько американских фильмов, купленных еще в годы войны. Кроме того, в числе заграничных картин были итальянская «Рим — открытый город», чехословацкая «Люди без крыльев», французская «Битва на рельсах», рассказывающие о борьбе патриотов с немецкими оккупантами в своих странах. Хотя среди отобранных в прокат фильмов американского производства приоритет отдавался картинам, подходящим по критериям антибуржуазной пропаганды («Сенатор», «Вива, Вилья», «Мистер Дидс переезжает в город» и др.), даже такие фильмы открывали для советских зрителей окно в другой мир⁵².

Еще в большей мере способствовал усилению роли кино в досуге советских людей поворот оттепельного кино с его высоким градусом лиризма в сторону простых людей, повседневности и прозаического быта. Для миллионов кинозрителей открытием стали «Судьба человека» Сергея Бондарчука, «Дом, в котором я живу» Якова Сегеля и Льва Кулиджанова, «Весна на Заречной улице» и «Застава Ильича» Марлена Хуциева, «Баллада о солдате»

50 Фомин В. И. Советское послевоенное кино. С. 871, 873-874, 876-877, 889, 918, 925-926.

51 В силу ограниченности запаса немецких фильмов под категорию «трофейных» подвели и американские фильмы, ставшие «трофеями» немецкой армии. Эти фильмы демонстрировали на советских экранах до 1956 г.

52 Фомин В. И. Советское послевоенное кино. С. 932, 934, 936, 938, 942, 984, 986, 988.

и «Чистое небо» Григория Чухрая, «Живет такой парень» Василия Шукшина, «Иваново детство» и «Андрей Рублев» Андрея Тарковского, «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» Элема Климова. Огромную популярность приобретают фильмы Эльдара Рязанова, Леонида Гайдая и Георгия Данелии⁵³. Но кино привлекало не только тех, кто не имел телевизора. С первой в СССР Недели зарубежного кино в Ленинграде (октябрь 1955 г.) недели французского, итальянского, египетского, индийского, польского и немецкого кино дополнили досуговое пространство городского (прежде всего столичного) населения⁵⁴.

Русская баня традиционно была частью общей культуры народа и формой досуга. Но большевистское правительство взяло курс на постепенное превращение ее в «банно-помывочный комплекс». В немалой степени этому способствовала Гражданская война, в период которой бани сосредоточились на первоочередном обслуживании красноармейцев⁵⁵. Хотя принятый в сентябре 1920 г. правительственный декрет «Об обеспечении населения республики банями» обязывал местные власти предоставлять горожанам «банную помощь», развал городского хозяйства не позволял организовать работу бань на должном уровне. Ситуация несколько изменилась в лучшую сторону с переходом к НЭПу, когда в сервисное обслуживание населения активно включился частник. Но одновременно исчезали прежние банные традиции. Столичных и провинциальных пролетариев заставляли «коллективно» мыться под лозунгом борьбы на «новую культуру». Советские «здания для мытья» были рассчитаны не на комфорт, а на максимально большую «пропускную способность» для трудящихся масс. На смену отдельным номерам пришли казенные залы с постоянной нехваткой шаек⁵⁶.

53 Фомин В. И. Кинематограф оттепели. С. 1087-1089, 1105.

54 Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 301-302.

55 Тюшев В. А. Развитие бытового обслуживания населения в СССР. М.: Высшая школа, 1982. С. 26-27.

56 Сценки из «банной жизни» 1920-х годов хорошо описаны Михаилом Зошенко.

Символику очищающего значения банной процедуры в сознании советских людей закрепила пьеса Владимира Маяковского «Баня». Во второй половине 1930-х гг. в рамках кампании «борьбы за культурность», составной частью которой стал контроль за «личной гигиеной» советских граждан, был намечен постепенный переход от традиционной коллективной бани к «ванно-душевому индивидуальному мытью»⁵⁷. Война нанесла существенный урон городской инфраструктуре, включая бани. Однако уже к 1949 г. в целом (по крайней мере, в Европейской части СССР) банно-прачечное хозяйство было восстановлено⁵⁸. В свою очередь, расширение с конца 1950-х гг. нового жилищного строительства (квартиры с ванными и душами) заметно уменьшило посещение бань. Но, несмотря на все попытки властей превратить бани в «помывочные пункты», банная культура сохранялась как форма досуга. Баня постепенно возвращала себе функции «народного клуба» (вспомним хотя бы рязановскую «Иронию судьбы»), превратившись в место экзотического досуга знатоков, потеряв свою массовую, социокультурную составляющую⁵⁹. В 1970-1980-е гг. возродились многие дореволюционные банные услуги, включая услуги банщика.

Но имелась и возможность использовать публичное пространство, самостоятельно организовывая свой досуг (т.н. *полуорганизованный*). Советские люди могли принять участие в массовых гуляниях или в спортивных соревнованиях, послушать концерт симфонического оркестра или покататься на лодке. В садах и парках работали платные танцплощадки, в зимнее время организовывался прокат коньков и лыж, а в летнее — шезлонгов и лодок. Помимо дворов, люди нередко играли в шахматы или домино в скверах и парках.

57 Сметнев Н.И. Пути развития советской бани// Социалистический город. 1936. № 1. С. 36.

58 Тюшев В. А. Указ. соч. С. 48-49; Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 93. Л. 201-200.

59 См.: Орлов И.Б. Эволюция русской бани: от образа жизни к помывочному пункту // Туризм и сервис в панораме тысячелетий. Альманах. Вып. 2. М.: МПГУ; ФГОУ ВПО «РГУТиС», 2010. С. 73-80.

К концу 1950-х — началу 1960-х гг. относится возникновение первых *общественных учреждений культуры* — клубов, библиотек, читален, народных музеев, руководство и организация деятельности которых осуществлялись силами активистов. Одной из самых востребованных форм досуга стала художественная самодеятельность. Если в первой половине 1950-х гг. она была не слишком популярна, то со второй половины десятилетия самодеятельность становится наиболее массовым видом отдыха⁶⁰.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 г. дал толчок открытию молодежных клубов «любопытных», «интересных встреч» и клубов с широкой познавательной программой («Глобус» и «Кругозор»). Под влиянием программ Клуба веселых и находчивых (одним из первых руководителей КВН в химкинском ДК «Родина» был А. Сухорадо) появилась одноименная передача на телевидении, а сама игра приняла характер снежного кома⁶¹. Так, студенческий клуб Саратовского государственного университета в начале 1960-х гг. не только объединил факультетские коллективы художественной самодеятельности, но и создал университетскую команду веселых и находчивых⁶².

Оттепель породила первые студенческие театры с оригинальными режиссерскими решениями, стимулировала распространение первых эстрадных коллективов, оркестров народных инструментов, клубов самодеятельной песни, спортивных кружков, ансамблей бального танца и т. п. Повышение исполнительского мастерства вело к появлению при клубных учреждениях самодеятельных художественных коллективов, которым стали присваивать звание народных⁶³.

60 Ярмолич Ф. К. Социализация горожан во время досуга. С. 332.

61 Вайль П. Л., Генис А. А. (лицо, признанное иностранным агентом). 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 149.

62 Клуб вечной молодости/под ред. А. И. Авруса, М. А. Пинхасика. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. С. 39.

63 Стрельцова Е. Ю. Российский советский самодеятельный театр в поисках путей продуктивного развития // Социально-культурная деятель-

1960-е гг. стали временем «поэтического бума», когда залы на вечерах поэзии были переполнены. Выступления Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского собирали целые стадионы. Поэты часто выступали со своими произведениями у памятников, где слушать их собиралось множество людей⁶⁴. Конечно, только условно можно говорить о «неформальности» этих коллективов в стенах или под контролем организаций, занимающихся свободным временем⁶⁵. Но, оставаясь формальными, они приобретали черты индивидуальности и самобытности.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно раскрыть все досуговые форматы и пространства, даже по месту жительства. Надо учитывать и то обстоятельство, что по мере пототтепельного «подмораживания» быстрыми темпами шло наступление на «серые» пространства досуга, в ходе которого одни формы полуорганизованного времяпрепровождения уходили на периферию досугового пространства, а другие цементировались в каркас организованного отдыха. Для решения вышеперечисленных и других исследовательских вопросов необходимо привлечение широкого круга источников, и прежде всего архивных.

Литература

1. Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.
2. Ворожейкин И.Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М.: Политиздат, 1975. 288 с.
3. Горбачев О.В. Право на отдых в СССР // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 187-192.

ность: опыт исторического исследования: сборник статей./науч. ред. Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2007. С. 127-128.

64 Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 297.

65 Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. С. 33.

4. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 318 с.

5. Зубкова Е. Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940-1960-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 92-104.

6. Зубкова Е. Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 157-167.

7. Ивашников К. В. Неформальные самодеятельные объединения в СССР: историко-культурный аспект. 1985-1991 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.

8. История вуза — история страны. К пятидесятилетию ректора РГУТиС А. А. Федулина. М.: б/и, 2009. 416 с.

9. Клуб вечной молодости/ред. и сост.: М. А. Пинхасик, А. И. Аврус. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. 387 с.

10. Ключко Е. М. Досуг в контексте современных взглядов на историографию // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования: сборник статей/науч. ред. Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2007. С. 22-40.

11. Короткова М. Повседневная жизнь победителей: Быт советских людей в послевоенное время (1945–1955) // История и обществознание для школьников. 2015. № 2. С. 32-44. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1244> (дата обращения: 01.03.2025).

12. Красильников Ю. Д. Историко-педагогические корни проектирования // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования: сб. ст./науч. ред. Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2007. С. 69-80.

13. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»; Летний Сад, 1999. 316 с.

14. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Кар-

тины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.

15. Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136-173.

16. Лысыкова О. «Каждый трудящийся имеет право на отдых». Услуги советских курортов послевоенного периода // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985/под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. С. 194-216.

17. Малышева С. Ю. Праздный день, досужий вечер: Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX — начала XX века. М.: Academia, 2011. 191 с.

18. Орлов И. Б. Советский курорт 1930-х годов: на «экспорт» и для внутреннего пользования // Современные проблемы сервиса и туризма. Научно-практический журнал. 2009. № 3. С. 25-30.

19. Орлов И. Б. Эволюция русской бани: от образа жизни к помывочному пункту // Туризм и сервис в панораме тысячелетий. Альманах. Вып. 2. М.: МПГУ; ФГОУ ВПО «РГУТиС», 2010. С. 73-80.

20. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.

21. Попов А. «Мы ищем то, чего не теряли»: советские «дикари» в поисках места под солнцем // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 261-298.

22. Права личности в социалистическом обществе/отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. М.: Наука, 1981. 272 с.

23. Сергеева О. Как мы стали телезрителями: реконструкция повседневности по фотографиям 50-70-х годов // Визуальная антропология: настройка оптики/под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 175-188.

24. Сметнев Н. И. Пути развития советской бани // Социалистический город. 1936. № 1. С. 30-38.

25. Стрельцова Е. Ю. Российский советский самодеятельный театр в поисках путей продуктивного развития // Социально-куль-

турная деятельность: опыт исторического исследования: сборник статей./науч. ред. Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко. М.: МГУ-КИ, 2007. С. 116-129.

26. Тарасенко В. Н. Досуг периода НЭПа в постсоветской историографии (предварительные итоги исследования) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. №4. С. 20-27.

27. Трентманн Ф. Эволюция потребления. Как спрос формирует предложение с XV века до наших дней. М.: Бомбора, 2019. 560 с.

28. Тюшев В. А. Развитие бытового обслуживания населения в СССР. М.: Высш. школа, 1982. 103 с.

29. Фомин В. И. Кинематограф оттепели. «Серебряный век советского кино» 1953-1968 гг. // Отчет о научно-исследовательской работе «История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат (Заключительный. Основная книга)». М.: б/и, 2012. С. 1046-1190.

30. Фомин В. И. Советское послевоенное кино: испытание «малюкартиньем». 1946-1953 гг. // Отчет о научно-исследовательской работе «История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат (Заключительный. Основная книга)». М.: б/и, 2012. С. 842-1046.

31. Ярмолич Ф. К. Ленинградец в политическом пространстве 1950-х — начале 1960-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 22. Вып. 4 (168). С. 137-144.

32. Ярмолич Ф. К. Социализация горожан во время досуга (на материалах Ленинграда 1950-1960-х гг.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов международной научной конференции/под общ. ред. В. А. Веремченко. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 328-333.

33. Bushnell J. Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem? // Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham. Boulder, Colo: Westview Press, 1988. P. 58-86.

34. Gronow J. Caviar with champagne: Common luxury and the ideals of the good life in Stalin's Russia. Oxford; New York: Berg, 2003. 196 p.

35. Leisure in Britain, 1780-1939: A coll. of essays/ed. by Walton J. K., Walvin J. Manchester: Manchester University Press, 1983. 241 p.

36. MacCannell D. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1999. 277 p.

37. Meller H. E. Leisure and the Changing City, 1870-1914. London: Routledge & Paul, 1976. 308 p.

38. Moskoff W. Labour and Leisure in the Soviet Union: The Conflict between Public and Private Decision-Making in a Planned Economy. London: Macmillan, 1984. 225 p.

39. Sport in Britain: A Social History/ed. by T. Mason. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

40. Walvin J. Leisure and Society 1830-1950. London; New York: Longman, 1978. 181 p.

References

1. Vajl', P. L., Genis, A. A. (1996) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [*The 60s. The World of the Soviet Man*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Vorozhejkin, I. E. (1975) *Ocherk istoriografii rabochego klassa SSSR* [*An Essay on the Historiography of the Working Class of the USSR*]. Moscow: Politizdat.

3. Gorbachev, O. V. (2010) "Pravo na otдых v SSSR" ["The Right to Rest in the USSR"], in *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'. Tom 11* [*Document. Archive. History. Modernity. Vol. 11*], Ekaterinburg: Izdvo Ural. un-ta, pp. 187-192.

4. Gordon, L. A, Klopov E. V. (1989) *Chto eto bylo? Razmyshleniya o predposylkah i itogah togo, chto sluchilos' s nami v 30-40-e gody* [*What*

was that? Reflections on the Background and Outcome of What Happened to us in the 30s and 40s]. Moscow: Politizdat.

5. Zubkova, E. Yu. (2013) “‘Privychka k bednosti’. Problemy izmereniya urovnya zhizni v SSSR v 1940-1960-e gody” [“‘The Habit to Poverty’. Problems of Measuring the Standard of Living in the USSR in the 1940s and 1960s”], *Rossiyskaya istoriya*, 5, pp. 92-104.

6. Zubkova, E. Yu. (2011) “Chastnaya zhizn' v sovetskuyu epohu: istoriograficheskaya reabilitaciya i perspektivy izucheniya” [“Private Life in the Soviet Era: Historiographical Rehabilitation and Prospects for Study”], *Rossiyskaya istoriya*, 3, pp. 157-167.

7. Ivashnikov, K. V. (2008) *Neformal'nye samodeyatel'nye ob'edineniya v SSSR: istoriko-kul'turnyy aspekt. 1985-1991 gg.* [*Informal Amateur Associations in the USSR: Historical and Cultural Aspect. 1985-1991*]. Avtoref. diss. ... kand. ist. Nauk [*PhD Thesis*]. Moscow.

8. *Istoriya vuza — istoriya strany. K pyatidesyatiletiju rektora RGU-TiS A. A. Fedulina* (2009) [*The History of the University is the History of the Country. Dedicated to the 50th Anniversary of the Rector of the RGUTiS A. A. Fedulin*]. Moscow.

9. *Klub vechnoy molodosti*/ed. by M. A. Pinhasik, A. I. Avrus [*The Eternal Youth Club*/ed. by M. A. Pinhasik, A. I. Avrus] (2012) Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta.

10. Klyusko, E. M. (2007) Dosug v kontekste sovremennykh vzglyadov na istoriografiyu [Leisure in the Context of Modern Views on Historiography], in *Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': opyt istoricheskogo issledovaniya: Sb. st.*/ed. by E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko [*Social and Cultural Activities: Experience of Historical Research: Collection of Articles*/ed. by E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko]. Moscow: MGUKI, pp. 22-40.

11. Korotkova, M. (2015) “Povsednevnyaya zhizn' pobediteley: Byt sovetskikh lyudey v poslevoennoe vremya (1945–1955)” [“The Daily Life of the Winners: The life of the Soviet People in the Post-War Period (1945–1955)”], *Istoriya i obshchestvoznaniye dlya shkol'nikov*, 2, pp. 32-44. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1244>

12. Krasil'nikov, Yu. D. (2007) Istoriko-pedagogicheskie kor-

ni proektirovaniya [Historical and Pedagogical Roots of Design], in *Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': opyt istoricheskogo issledovaniya: Sbornik statey*/ed. by E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko [*Socio-cultural activity: the experience of historical research: Collection of Articels*]/ed. by E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko]. Moscow: MGUKI, pp. 69-80.

13. Lebina, N. B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920s — 1930s* [Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies. 1920s — 1930s]. St. Petersburg: Zhurn. “Neva”; Letniy Sad.

14. Lebina, N. B, Chistikov, A. N. (2003) *Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i hrushchevskogo desyatiletiya* [The Average Man and the Reforms. Everyday Life of Citizens During the NEP and Khrushchev Decades]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

15. Lovell, S. (2005) “Dosug v Rossii: ‘svobodnoe’ vremya i ego ispol'zovanie” [“Leisure in Russia: ‘Free’ Time and its Use”], *Antropologichesky forum*, 2, pp. 136-173.

16. Lysikova, O. (2008) “‘Kazhdy trudyashchiysya imeet pravo na otdyh’. Usługi sovetskih kurortov poslevoennogo perioda” [“Every Worker has the Right to Rest’. Services of the Soviet Resorts of the Post-War Period”], in *Sovetskaya social'naya politika: sceny i dejstvuyushchie lica, 1940-1985*/ed. by E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov [*Soviet Social Policy: Scenes and Actors, 1940-1985*]/ed. by E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov]. Moscow: OOO “Variant”; CSPGI, pp. 194-216.

17. Malysheva, S. Yu. (2011) *Prazdnyy den', dosuzhiy vecher: Kul'tura dosuga rossiyskogo provincial'nogo goroda vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [A Lazy Day, a Leisurely Evening: Russian Provincial Town Leisure Culture in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Moscow: Academia.

18. Orlov, I. B. (2009) “Sovetskiy kurort 1930-h godov: na ‘eksport’ i dlya vnutrennego pol'zovaniya” [“The Soviet Resort of the 1930s: for ‘Export’ and for Internal Use”], *Sovremennye problemy servisa i turizma. Nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 3, pp. 25-30.

19. Orlov, I. B. (2010) “Evolyuciya russkoy bani: ot obraza zhizni k pomyvochnomu punktu” [“The Evolution of the Russian Bathhouse:

from Way of Life to Washing Station”], in *Turizm i servis v panorame tysyacheletij. Al'manah. Vyp. 2* [Tourism and service in the panorama of millennia. Almanac. Part 2]. Moscow, pp. 73-80.

20. Popov, A. (2012) “*My ishchem to, chego ne teryali': sovetskie 'dikari' v poiskah mesta pod solncem*” [“We are looking for something that we have not lost': Soviet 'savages' in search of a place under the sun”], *Ab Imperio*, 2, pp. 261-298.

21. *Prava lichnosti v socialisticheskom obshchestve*/ed. by V. N. Kudryavcev, M. S. Strogovich (1981) [Individual rights in a socialist society/ed. by V. N. Kudryavcev, M. S. Strogovich]. Moscow: Nauka.

22. Sergeeva, O. (2009) “Kak my stali telezritelyami: rekonstrukciya povsednevnosti po fotografiyam 50-70-h godov” [“How we became TV Viewers: Reconstruction of Everyday Life based on Photographs from the 50s and 70s”], in *Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki*/ed. by E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov [Visual Anthropology: Adjusting the Optics/ed. by E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov]. Moscow: OOO “Variant”; CSPGI, pp. 175-188.

23. Sluckiy, B. (1969) *Sovremennye istorii. Novaya kniga stihov* [Modern Stories. A new Book of Poetry]. Moscow: Molodaya gvardiya.

24. Smetnev, N. I. (1936) “Puti razvitiya sovetskoy bani” [“Ways of Development of the Soviet Bathhouse”], *Socialisticheskiy gorod*, 1, pp. 30-38.

25. Strel'tsova, E. Yu. (2007) “Rossiyskiy sovetskiy samodeyatel'nyy teatr v poiskah putey produktivnogo razvitiya” [“The Russian Soviet Amateur Theater in Search of Ways of Productive Development”] in *Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': opyt istoricheskogo issledovaniya: Sbornik statey*/ed. by E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko [Social and cultural activities: an experience of historical research: Collection of articles/ed. by E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko]. Moscow, pp. 116-129.

26. Tarasenko, V. N. (2010) “Dosug perioda NEPa v postsovetskoy istoriografii (predvaritel'nye itogi issledovaniya)” [“Leisure Time of the NEP Period in Post-Soviet Historiography (Preliminary Results of the Study)”], *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 4, pp. 20-27.

27. Trentmann, F. (2019) *Evolyutsiya potrebleniya. Kak spros formiruet predlozhenie s XV veka do nashih dney* [The Evolution of Consumption. How Demand Shapes Supply from the 15th Century to Present Day]. Moscow: Bombora.

28. Tyushev, V. A. (1982) *Razvitie bytovogo obsluzhivaniya naseleniya v SSSR* [The Development of Consumer Services in the USSR]. Moscow: Vyssh. shkola.

29. Fomin, V. I. (2012) “Kinematograf ottepeli. ‘Serebryanny vek sovetskogo kino’ 1953-1968 gg.” [“The Cinema of the Thaw. ‘The Silver Age of Soviet Cinema’ 1953-1968”], in *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote “Istoriya kinootrasli v Rossii: upravlenie, kinoproizvodstvo, prokat (Zaklyuchitel'nyy. Osnovnaya kniga)”* [Research Work Report “History of Russia’s Film Industry: Management, Film Production, Distribution (Final. Main Book)”]. Moscow, pp. 1046-1190.

30. Fomin, V. I. (2012) “Sovetskoe poslevoennoe kino: ispytanie ‘malokartin'em’. 1946-1953 gg.” [“Soviet Post-War Cinema: ‘Little Film’ Test. 1946-1953], in *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote “Istoriya kinootrasli v Rossii: upravlenie, kinoproizvodstvo, prokat (Zaklyuchitel'nyy. Osnovnaya kniga)”* [Research Work Report “History of Russia’s Film Industry: Management, Film Production, Distribution (Final. Main Book)”]. Moscow, pp. 842-1046.

31. Yarmolich, F. K. (2017) Leningradets v politicheskom prostranstve 1950-h — nachale 1960-h gg. [A Leningrader in the Political Space of the 1950s and early 1960s], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, 22, 4 (168), pp. 137-144.

32. Yarmolich, F. K. (2018) “Socializaciya gorozhan vo vremya dosuga (na materialah Leningrada 1950-1960-h gg.)” [“Socialization of Citizens During Leisure Time (Based on the Materials of Leningrad in the 1950s and 1960s)”], in *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt). Sb. mater. mezhdunar. nauch. konf./ed. by V. A. Veremenko* [Private and Public in Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity (Regional Aspect). International Research Conference Collection of

Materials/ed. by V. A. Veremenko]. St. Petersburg: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, pp. 328-333.

33. Bushnell, J. (1988) "Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem?" in *Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham*. Boulder, Colo: Westview Press, pp. 58-86.

34. Gronow, J. (2003) *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia*. Oxford; New York: Berg.

35. *Leisure in Britain, 1780-1939: A coll. of essays*/ed. by J. K. Walton, J. Walvin. (1983) Manchester: Manchester University Press.

36. MacCannell, D. (1999) *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. New York; University of California Press.

37. Meller, H. E. (1976) *Leisure and the Changing City, 1870-1914*. London: Routledge & Paul.

38. Moskoff, W. (1984) *Labour and Leisure in the Soviet Union: The Conflict between Public and Private Decision-Making in a Planned Economy*. London: Macmillan.

39. *Sport in Britain: A Social History*/ed. by T. Mason (1989). Cambridge: Cambridge University Press.

40. Walvin, J. (1978) *Leisure and Society 1830-1950*. London; New York: Longman.

Игорь Нарский Наталья Нарская

**«Любить Родину — это не березки целовать!»
За что Сергей Довлатов и Александр Гельман
не любили славословий в адрес «русского дерева»
в позднем СССР¹**

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

inarsky@mail.ru

Нарская Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске.

bredihina_natalya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена противоречивому отношению части российских граждан к воспеванию «русской березки» в массовой культуре последних десятилетий существования советского государства. Авторы задаются следующими вопросами: чем питалось критическое отношение таких писателей, как Сергей Довлатов и Александр Гельман, к умилению сограждан при виде белоствольного дерева? Насколько широко были распространены оба феномена — любовь к березкам среди населения РСФСР и критическое восприятие этой любви отдельными современниками? Чем можно их объяснить и как описать? Анализируя преимуще-

1 Статья представляет собой переработанный очерк из рукописи книги, которая предположительно увидит свет в издательстве НЛО в 2025 году: Нарский И. В., Нарская Н. В. «Без березы не мыслю России». Очерки культурной истории одного национального символа (в печати).

ственно советские художественные тексты и эго-документы, авторы стремятся очертить масштабы и интенсивность, с которыми в позднесоветской российской массовой культуре демонстрировалось преклонение перед «русским деревом». В статье предлагается теоретический инструментарий, который предоставляет адекватный язык для описания любви к «русской березке» и тревоги по поводу ее популярности; сформулирована общая гипотеза о времени и мотивах окончательного превращения березы в «русское дерево». Авторы приходят к выводу, что тенденция к переносу перспективы в сознании советских граждан с будущего на прошлое, с революции на традицию, с интернационализма на национализм, с личности на природу образует контекстуальную содержательную рамку, позволяющую понять природу триумфа березы в качестве «русского дерева» и символа Родины в 1960-1980-е гг. Победа в Великой Отечественной войне, усталость населения от тяжелых испытаний первой половины XX в., консервативный поворот в государственной политике, массовый рост национализма в политической и культурной элите и широких слоях населения обеспечили березе прочную русскую «прописку» и обусловили, с другой стороны, формирование критически-ироничного дискурса вокруг этого процесса.

Ключевые слова: береза, миф, массовая культура, патриотизм, Родина, критический дискурс.

**“Loving Fatherland does not mean kissing Birches”:
Why Sergei Dovlatov and Alexander Gelman
rejected the Glorification of the “Russian Tree”
in the late USSR**

Narskii Igor Vladimirovich, PhD (History), Professor, Perm State University.

inarsky@mail.ru

Narskaya Natalya Vasilyevna, PhD (Sociology), Lecturer, Department of the Air Force Military Training and Research Centre, “Air Force Academy” in Chelyabinsk.

bredihina_natalya@mail.ru

Abstract: The article is deals with the contradictory attitude of some Russian citizens towards the demonstration of love for the “Russian birch” in the mass culture of the last decades of the Soviet state. It raises the following questions. Where does the critical attitude of writers such as Sergei Dovlatov and Alexander Gelman towards the appeasement of fellow citizens at the sight of a white-trunked tree come from? How widespread were both phenomena — the love of the birch among the population of the RSFSR and the critical perception of this love by individual contemporaries? How can they be explained and described? Using mainly Soviet poetry and ego-documents, the authors outline the extent and intensity with which the veneration of the “Russian tree” was expressed in late Soviet Russian mass culture. The article proposes a theoretical toolkit that provides an adequate language to describe the love for the “Russian birch” and the concern for its popularity, and formulates a general hypothesis about the timing and motives for the final transformation of the birch into a “Russian tree”. The authors argue that the victory in the Great Patriotic War, the population's fatigue from hardships of the first half of the 20th century, the conservative turn in state policy and the massive growth of nationalism among the political and cultural elite and the general public in the 1960s to 1980s provided the birch with a solid “Russian home” and conditioned, on the other hand, the emergence of a critical and ironic discourse concerning the process.

Key words: birch, myth, mass culture, patriotism, Motherland, critical discourse.

Я думаю, любовь к березам торжествует за счет любви к человеку.
*С. Довлатов (1977-1978 гг.)*²

У нас в каждой песне — береза.
*М. Агашина (1965-1969 гг.)*³

«**В** шесть мы подъехали к зданию туристской базы. До этого были холмы, река, просторный горизонт с неровной кромкой леса. В общем, русский пейзаж без излишеств. Те обыденные его приметы, которые вызывают необъяснимо горькое чувство.

Это чувство всегда казалось мне подозрительным. Вообще страсть к неодушевленным предметам раздражает меня... (Я мысленно раскрыл записную книжку). Есть что-то ущербное в нумизматах, филателистах, заядлых путешественниках, любителях кактусов и аквариумных рыб. Мне чуждо сонное долготерпение рыбака, безрезультатная немотивированная храбрость альпиниста, горделивая уверенность владельца королевского пуделя...

Говорят, евреи равнодушны к природе. Так звучит один из упреков в адрес еврейской нации. Своей, мол, природы у евреев нет, а к чужой они равнодушны. Что ж, может быть, и так. Очевидно, во мне сказывается примесь еврейской крови...

Короче, не люблю я восторженных созерцателей. И не очень доверяю их восторгам. Я думаю, любовь к березам торжествует за счет любви к человеку. И развивается как суррогат патриотизма...

Я согласен, большую, парализованную мать острее жалеешь и любишь. Однако любоваться ее страданиями, выражать их эстетически — низость»⁴.

2 Довлатов С. Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 180.

3 Агашина М. Растет в Волгограде березка // Антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было...»: сборник. М.: Вече, 2014. С. 329.

4 Довлатов С. Заповедник. С. 180.

Автобиографический герой повести «Заповедник» Сергея Довлатова, ленинградский журналист и литератор Борис (Боб) Алиханов, подъезжая к музею-заповеднику А. С. Пушкина «Михайловское», в котором он собирается поработать в летние месяцы экскурсоводом, прислушивается к чувствам, которые испытывает при виде унылого псковского пейзажа. Довлатов в 1976-1977 гг. сам работал экскурсоводом в этом заповеднике и в 1977-1978 гг. написал повесть, впервые изданную в США в 1983 г. Почему Боб Алиханов испытывал беспокойство от горького чувства при виде «русского пейзажа без излишеств»? Что раздражало его в «восторженных созерцателях»? Случайна ли ассоциация любви к березкам с претензиями к еврейскому якобы равнодушию к природе, с бесплодностью собирательства и прочих форм приватной самодеятельности, с лжепатриотизмом и с эстетизацией страданий прикованной к постели матери?

Высказывание Довлатова о природе любви к березке среди позднесоветских россиян — одно из наиболее известных проявлений противоречивого отношения граждан к воспеванию «русской березы» в последние десятилетия существования советского государства. Чем питалось критическое отношение писателя к умилению его сограждан при виде белоствольного дерева? Насколько широко были распространены оба феномена — любовь к березкам среди населения РСФСР и критическое восприятие этой любви современниками? Как их можно описать и объяснить?

Чтобы ответить на эти вопросы, в статье будут предприняты следующие шаги. Мы обратимся к еще одному разоблачительному высказыванию о несводимости патриотизма к почитанию березы — гораздо более резонансному в силу обстоятельств его обнаружения. Затем будет описан теоретический инструментарий, который, на наш взгляд, предоставляет адекватный язык для описания преклонения перед «русской березой» и тревоги по поводу ее популярности. Далее речь пойдет о масштабах и интенсивности, с которыми в позднесоветской российской массовой культуре

демонстрировалось преклонение перед «русским деревом». Этот сюжет будет освещен очень кратко — в силу необъятности материала, его репрезентирующего, преимущественно на примере советских песен 1960–1970-х гг. Наконец, будут приведены примеры многоликости иронично-критического дискурса о любви к березкам и сформулирована гипотеза о времени и мотивах его формирования.

«У меня был преподаватель в техникуме, старый человек, с очень сложной судьбой... он говорил: любить Родину — это не березки целовать! А помогать, поддерживать самых честных, самых преданных людей, когда им бывает трудно! Они — Родина!..»⁵ Эти фразы, созвучные размышлениям Сергея Довлатова о бесплодной любви к березам, родились одновременно с рукописью «Заповедника», в конце 1970-х гг. Но, в отличие от раздумий новоиспеченного михайловского экскурсовода, впервые опубликованных в начале 1980-х гг. за океаном, эту жесткую сентенцию в 1979 г. во всеуслышание произносили с театральных подмостков советские звезды театра и кино первой величины — Андрей Миронов в Театре сатиры, Александр Калягин в МХАТе, а также другие актеры в провинциальных театрах⁶. А годом позже о лож-

5 Гельман А. И. Мы, нижеподписавшиеся. Пьеса в двух действиях. М.: Искусство, 1980. С. 54.

6 См.: Кеслер Е. Всего четыре часа... // Социалистическая индустрия, 27.03.1979. URL: http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/983/; Вишневецкая И. Две премьеры // Вечерняя Москва, 23.04.1979. URL: http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/981/; Дубков В. Удовольствие для души? МХАТ в Хабаровске // Молодой дальневосточник (Хабаровск), 23.06.1981. URL: https://web.archive.org/web/20131023112020/http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/982/; Островская Г. Страстное слово театра // Красное знамя (Владивосток), 8.07.1981 URL: https://web.archive.org/web/20131023100208/http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/977/(дата обращения — 11.03.2025).

ной и настоящей любви к Родине для многомиллионной аудитории с телеэкрана говорил любимец публики Леонид Куравлев⁷.

Слова о том, что березки и Родина — это не одно и то же, прозвучали в пьесе Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся». Пьеса была написана в 1978 г. и вскоре уже шла в театрах по всей стране. В 1980 г. ее экранизировала в двухсерийном телевизионном фильме Татьяна Лиознова. Театральные постановки и одноименная экранизация стали резонансными событиями в предперестроечные годы, зафиксировав критические настроения в интеллигентской среде, затронувшие и один из неофициальных символов русскости — березу.

Слова о неуместности целования деревьев в качестве проявления любви к своей стране звучат в один из критических моментов пьесы. Главный диспетчер строительно-монтажного управления «Сельхозстрой» Леонид Шиндин в течение четырех часов поездки в поезде всеми способами пытается убедить членов приемной комиссии изменить свое решение и подписать акт приемки хлебозавода, который строило его СМУ. За отказом от подписания акта скрывается бюрократическая интрига с целью выжить начальника СМУ Егорова, честного человека и талантливого инженера. Пытаясь рассказать правду о кознях против Егорова председателю комиссии Юрию Девятову, честному аппаратчику из отставных военных⁸, Шиндин и приводит в качестве последнего аргумента процитированные выше слова своего учителя из московского техникума.

Интересно, что в конце первой серии телефильма «Мы, нижеподписавшиеся» более трех минут звучит песня «Шум берез» Константина Орбеляна на стихи Владимира Лазарева в исполнении Галины Ненашевой. Пассажирка поезда, молодая женщина

7 Х/ф «Мы, нижеподписавшиеся» (1981 г.). URL: <https://yandex.ru/video/preview/16556359099414153680>. 1:28:36-1:28:55 (дата обращения — 11.03.2025).

8 В постановке Театра сатиры Девятова играл Георгий Менглет, МХАТа — Евгений Евстигнеев, в телевизионном фильме — Юрий Яковлев.

с маленьким ребенком на руках, прибавляет звук радио в коридоре купейного вагона, в котором стоит Леонид Шиндин:

Свет берез...
В моем сердце всегда
Этот свет берез.
Свет берез
По дорогам земным,
Как любовь, пронес,
Как любовь
К нашей доброй земле,
Сквозь порывы гроз...
На ветру
Шум берез слышу.
Шум берез⁹.

В своих купе внимательно и задумчиво, отложив дела, слушают песню и другие герои пьесы — жена Шиндина Алла (Ирина Муравьева), председатель комиссии Девятов (Юрий Яковлев), член комиссии Виолетта Нуйкина (Клара Лучко). Только морально нечистоплотного члена комиссии Геннадия Семенова (Олег Янковский) песня не трогает. Охмелевший от изрядной доли коньяка, он продолжает непослушными руками резать лимон¹⁰.

К моменту выхода фильма песня «Шум берез» была хорошо известна советским любителям отечественной эстрады. Она была написана в 1974 г. и исполнена в финале «Песни-74» Виктором

9 Лазарев В. Шум берез слышу.../муз. К. Орбеляна // К. Орбелян. Сто часов счастья: песни для голоса в сопровождении фортепиано (гитары). М.: Советский композитор, 1990. С. 45. В литературе можно встретить указание, что в этом тексте «для лирического героя шум берез — песня, постоянно сопровождающая его по жизни. Где бы он ни был, эта песня всегда с ним» (Лелеко В. В. Образ березы в советской массовой песне 1960-1980-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 337).

10 X/ф «Мы, нижеподписавшиеся», 1:02:26-1:05:45.

Вуячичем в сопровождении Эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением дирижера Юрия Силантьева. Отметим: по словам автора музыки Константина Орбеляна, «за то, чтобы эта композиция прозвучала в финале “Песни года”, проголосовала вся Советская Армия и Министерство Обороны СССР»¹¹.

Если бы песня «Шум берез» взяла за живое всех положительных героев фильма после слов Шиндина о фальши любви к березкам, это бы сгладило остроту высказывания, но она предшествует этой сильной сентенции и тем самым еще более усиливает ее. Связь песни о березах и мнения старого преподавателя представляется не случайной. Чтобы понять ее, нам предстоит на время оставить поздний СССР и направиться во Францию середины 1950-х гг.

«Если миф представляет собой деполитизированное слово, то существует по крайней мере один вид слова, который ему противится, — а именно слово, *остающееся* (здесь и далее курсив оригинала. — *Прим. авт.*) политическим. Здесь вновь следует вернуться к различению языка-объекта и метаязыка. Если я — дровосек и мне нужно как-то назвать дерево, которое я рублю, то, независимо от формы моей фразы, я высказываю в ней само дерево, а не высказываюсь *по поводу* него. Стало быть, мой язык — операторный, транзитивно связанный со своим объектом: между деревом и мною нет ничего, кроме моего труда, то есть поступка. Это род политического языка: в нем природа представлена лишь постольку, поскольку я собираюсь ее преобразовать, посредством этого языка *я делаю* предмет; дерево для меня — не образ, а просто смысл моего поступка. Если же я не дровосек, то уже не могу высказывать само дерево, а могу лишь высказываться *о нем*,

11 Лазарев В. Шум берез слышу. С. 45.

по поводу него; уже не язык мой служит орудием для моего дела-дерева, но само дерево, воспеваемое в моем языке, оказывается его орудием. Между мною и деревом остается лишь не прямое, нетранзитивное отношение; дерево более не составляет для меня смысл реальности как человеческого поступка, теперь это *образ-в-моем-распоряжении*; по отношению к реальному языку дровосека я создаю вторичный язык, метаязык, где я буду создавать уже не вещи, а только их имена и который так же относится к языку первичному, как жест к поступку. Этот вторичный язык не всецело мифичен, но это то место, где располагается миф, ибо миф может работать лишь с теми объектами, что уже опосредованы некоторым первичным языком»¹².

Предпринятое в 1954-1956 гг. французским философом и семиотиком Роланом Бартом разоблачение мифа покоится на семиотическом убеждении о двойственности (и вторичности) всех культурных феноменов, основанной на дуализме языка и речи. Культурное явление есть высказывание (речь, или текст), основанное на системе правил (языке, или коде). Каждый артефакт — будь то произведение искусства или научный текст, дорожные знаки или гадание на картах, литературное произведение или мировоззрение — является высказыванием на определенном культурном языке. По такому же принципу, по Барту, строится и миф: он выхолащивает реальность, замещает действительность образом, историю — идеологией, операторный язык — метаязыком. В сборнике статей «Мифологии», из которого взята эта пространная цитата, Барт неоднократно обращается к дереву как наглядному примеру того, каким образом незатейливые культурные манипуляции превращают реальный язык поступка («дело-дерево» дровосека) в метаязык жеста («образ-в-моем-распоряжении»).

12 Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 308-309. Мы признательны Паулю Примпсу, который своим исследовательским проектом о мифологизации «бандитских 90-х» в постсоветской России обратил наше внимание на возможность использования концепции «буржуазного мифа» применительно к позднесоветской истории.

Бартова концепция мифа зиждется не только на точке зрения семиотика, но и на симпатиях к марксизму. Левые политические взгляды Барта проявились, помимо прочего, в критике буржуазной природы мифологического языка и противопоставлении ему языка революционного: «Всюду, где человек говорит с целью преобразовать реальность, а не зафиксировать ее в виде образа, всюду, где он связывает язык с изготовлением вещей, — там метаязык вновь становится языком-объектом и миф оказывается невозможен. Вот почему настоящий революционный язык не может быть мифичен»¹³. Чуть позже философ найдет чеканную форму для противопоставления мифа и революции: «Буржуазия маскирует свою буржуазность и тем самым создает миф; революция заявляет о своей революционности и тем самым отменяет миф»¹⁴. По мнению философа, «статистически миф явно на стороне правых»¹⁵. Левые мифы возможны, но они ситуативны, создаются из тактических соображений и не отличаются изобретательностью. Они также могут отражать отход от революционного габитуса: «“Левизна” — не то же самое, что революция. “Левый” миф как раз тогда и возникает, когда революция превращается в “левизну”, начинает маскироваться, скрывать свое имя, создавать себе невинный метаязык и деформироваться в “Природу”»¹⁶.

Миф использует различные техники, в том числе изъятие из истории, тавтологию и констатацию. Лишение предмета, о котором вещает миф, истории приводит к тому, что «в мифе история улетучивается: она, словно идеальный слуга, все приготавливает, приносит, расставляет по местам, а с появлением хозяина бесшумно исчезает; остается лишь пользоваться той или иной красивой вещью, не задумываясь о том, откуда она взялась»¹⁷. Определению предмета из него же самого в тавтологии, как в любом магическом действии,

13 Барт Р. Мифологии. С. 309.

14 Там же.

15 Там же. С. 312.

16 Там же. С. 309-310.

17 Там же. С. 314-315.

по мнению Барта, благоволит авторитарный политический порядок: «подобным образом родители, которых ребенок замучил вопросами “почему”, отвечают “потому что это так” или, еще лучше, “потому что потому”»¹⁸. Наконец, констатация обеспечивает «универсализм, отказ от объяснения, незыблемость мировой иерархии»¹⁹.

В 1970-е гг. песня «Шум берез» была не единственной, посвященной этому дереву²⁰. Всего в те годы в СССР было написано и вышло в эфир около 20 песен о березах. В 1971 г. в художественном фильме «Мировой парень» в исполнении ансамбля «Песняры» прозвучала песня Вениамина Баснера на слова Михаила Матусовского «Березовый сок», сразу же ставшая хитом. Одновременно любители советских шлягеров познакомились с песней «Край березовый», написанной композитором Александром Броневицким и поэтом Ильей Резником для Эдиты Пьехи. В 1976 г. появилось сразу три песни о березах: «Береза белая» (слова Людмилы Овсянниковой, музыка Владимира Шаинского), «Березовые сны» (слова Георгия Фере, музыка Виталия Гевиксмана) и «Уголок России» (слова Екатерины Шевелевой, музыка Владимира Шаинского). Двумя годами позже появился еще один хорошо узнаваемый шлягер «Малиновка», созданный композитором Эдуардом Ханком в соавторстве с поэтом-песенником Анатолием Поперечным. Вот ее припев:

Прошу тебя, в час розовый
Напой тихонько мне,
Как дорог край березовый
В малиновой заре²¹.

18 Там же. С. 316-317.

19 Там же. С. 318.

20 Подробнее см.: Лелеко В.В. Образ березы в советской массовой песне.

21 ВИА «Верасы» — «Малиновка» // Гуру песен. URL: <https://pesni.guru/text/виа-верасы-малиновка> (дата обращения — 11.03.2025).

Эта песня в исполнении белорусского ансамбля «Верасы» в 1980 г. попала в финал конкурса «Песня года».

Кроме того, по радио и телевидению, в пионерских лагерях и домах отдыха, на праздничных концертах и конкурсах самодеятельности, в ресторанах и на танцплощадках звучали и советские песни более давнего происхождения, в которых березы тоже так или иначе фигурировали. Среди них, например, знаменитая детская песня «Наш край» Дмитрия Кабалевского на стихи Антона Пришелеца (1952 г.), начинающаяся словами:

То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?!²²

Популярны были также написанная в 1958 г. песня «Березы» (слова Владимира Лазарева, музыка Марка Фрадкина), прозвучавшая в конце фильма Якова Сегеля «Первый день мира» (1959); «Над Канадой» Александра Городницкого (1963 г.), «Растет в Волгограде березка» (между 1965 и 1969 гг.; авторы — поэтесса Маргарита Агашина и композитор Григорий Пономаренко). В 1968 г. на советские телеэкраны вышло два сериала о советских разведчиках, в которых прозвучали песни с березовыми мотивами — «С чего начинается Родина?» Вениамина Баснера на слова Михаила Матусовского и «Я в весеннем лесу...», написанная в 1954 г. Евгением Аграновичем. Хорошо сделанные песни в качестве музыкальных лейтмотивов приключенческих фильмов моментально уходили «в народ», включая подростковый дворовый репертуар. Впрочем, и другие перечисленные песни были хорошо известны. Не в последнюю очередь они запомнились публике благодаря любимым исполнителям, среди которых были Людмила Зыкина и Галина Ненашева, Марк Бернес и Владимир Тро-

22 Пришелец А. Наш край!.. // Долматовский Е. А. Рассказы о твоих песнях. М.: Детская литература, 1973. С. 244.

шин, Муслим Магомаев и Лев Лещенко, Александр Городницкий и Михаил Ножкин. Если к тому же учесть, что квартирные радиоточки, как правило, работали с раннего утра до позднего вечера, песни о березах в 1970-е гг. были, что называется, на слуху.

Система образов в этих песнях повторялась и образовывала довольно устойчивый канон. В них береза часто ассоциировалась с женским началом, с невестой, подругой или матерью, нуждающейся в заботе и защите. В песне «Березовые сны», написанной для киноэпопеи «Великая Отечественная», но не вошедшей в фильм, лирический герой восклицает:

Земля моя, я сын твоих берез.
Я землю русскую от недруга сберег,
Я отдал все, чтоб в рощах золотых
Вовек не замолкали соловьи.
Земля моя, я сын твоих берез.
Березки белые от бурь я уберег,
Чтоб вечно снились Родине моей
Березовые сны²³.

В песнях березам приписывались действия, которые оживляли их. Березы, например, шумят. Помимо песни «Шум берез» этот образ встречается в песне 1958 г. «Березы»:

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.
Березы, березы,
Родные березы не спят²⁴.

23 Фере Г. Березовые сны/муз. В. Гевиксмана // Белая береза: Песенник. М.: Сов. композитор, 1982. С. 10-11.

24 Лазарев В. Березы/муз. М. Фрадкина // Спойте, друзья! Вып. 5. М.: Музыка, 1984. С. 30-31.

Кроме того, березы, как и пристало женщинам, плачут. Обилие сока, который береза вырабатывает весной и который издавна собирался и даже заготавливался крестьянами, сформировало образ плачущей березы. Этот образ поддерживается также опущенными ветками березы повислой и соблазнительной рифмой «березы — слезы». В песне «Березовый сок» этот образ рисуется наиболее последовательно:

Лишь только подснежник распустится в срок,
Лишь только приблизятся первые грозы, —
На белых стволах появляется сок,
То плачут березы, то плачут березы.
Как часто, пьянея от светлого дня,
Я брел наугад по весенним протокам,
И родина щедро поила меня
Березовым соком, березовым соком²⁵.

Березы в советских песнях являются объектом ностальгии. О них вспоминают, тоскуя по родине, разведчики и военные, мореплаватели и автогонщики. При этом русские березы, оказывается, принципиально отличаются от своих родственниц на чужбине. Александр Городницкий утверждает:

Над Канадой небо сине,
Меж берез дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только все же — не Россия²⁶.

Ему вторит поэтесса и журналистка Екатерина Шевелева, автор слов к песне Владимира Шаинского:

25 20 строк. Березовый сок. Матусовский Михаил // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/08/10/6204> (дата обращения — 11.03.2025).

26 Городницкий А. Над Канадой // Официальный сайт Александра Городницкого. URL: <https://gorodnitsky.com/songs/над-канадой/> (дата обращения — 11.03.2025).

Простор небесный сизокрыл, и тишина кругом,
Мне уголок России мил — мой добрый отчий дом.
Стою, не глядя на часы, березкам шлю привет.
Такой задумчивой красы другой на свете нет!²⁷

Береза прочно «приросла» к образу Родины, которая в советских песнях именуется «край березовый», «березовый, милый край», «край березовый, край Есенина», «край березовый, бесконечный край», «земля березовых закатов». Символом России иногда становится не дендрологический объект, а место памяти, «песенное дерево», героиня песни «Во поле березонька стояла»:

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой березки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растет²⁸.

Если качество стихотворного и музыкального материала в этих песнях порой вызывает сомнения, с количественной характеристикой, предложенной исследовательницей советских шлягеров Верой Лелеко, можно согласиться: «хотя в советской песне, особенно в 1970-е — 1980-е гг., встречаются образы разных деревьев: дуба, клена, ели, сосны, ивы, березы, рябины, тополя, — бесспорным фаворитом по количеству обращений, глубине поэтической и музыкальной разработки образа является береза»²⁹.

Не только песни, но и стихи о березах стали неотъемлемой принадлежностью позднесоветской русскоязычной массовой культуры. Так, челябинские библиографы И. В. и О. В. Беляе-

27 Уголок России (В. Шаинский — Е. Шевелева). URL: https://webkind.ru/text/0174251_7777465p88009364_text_pesni_ugolok-rossii-v-shainskij-e-sheveleva.html (дата обращения — 11.03.2025).

28 Матусовский М. С чего начинается Родина // Марк Бернес в воспоминаниях современников. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 246.

29 Лелеко В. В. Образ березы в советской массовой песне. С. 336.

вы собрали ко Дню России в 2021 г. и существенно дополнили в 2024 г., видимо, самую полную на сегодня антологию стихов о березе. В нее входят более 600 стихотворений и песен о березе для взрослых и детей советских и современных авторов³⁰. Их количество (наверняка неполное, учитывая необозримый поток поэтической продукции о березе 1960-1980-х гг. и первой четверти XXI в.) контрастирует с числом стихотворений о березе русских классиков конца XVIII — начала XX в., которых набралось всего 20 (включая написанные в эмиграции). Преобладающая часть стихов о березе в блоге Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина и библиотек Челябинска была написана и опубликована между серединой 1950-х и 1980-х гг.³¹

Вероятно, «березовая тема» действительно волновала представителей советской культуры в 1950-1980-е гг. Стихи березе в те годы посвятили известные поэты — Самуил Маршак, Александр Твардовский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и многие другие. Среди авторов были «западники» и почвенники-«деревенщики», комсомольские функционеры и потенциальные диссиденты, работники карательных органов и жертвы репрессий, антисемиты и евреи, публичные персоны и вынужденные затворники.

Среди тем и образов, которые в позднесоветской массовой культуре ассоциировались с березой, помимо уже отмеченного женского начала (березка как олицетворение солдатки, невесты,

30 См.: ВО!круг книг: Блог Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина и библиотек Челябинска. URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/110.html>; <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/55.html>; <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html> (дата обращения — 11.03.2025).

31 К сожалению, авторы подборки стихов о березе не отметили на сайте время их написания/издания, но впоследствии помогли нам найти выходные данные большей части публикаций. Среди советских стихов более или менее точно удалось датировать более 300 стихотворений, из которых около трех четвертей было создано (или опубликовано) в годы оттепели и «долгих 1970-х гг.».

матери, жены, медсестры) — «фронтальная березка» как символ стойкости, победы и место памяти о войне, образ малой или большой Родины, ностальгия по ней. Для русскоязычной массовой культуры в позднем СССР характерно усиление ассоциации березы с (древне)русским народом, «национальным характером», «душой». В наиболее радикальных олицетворениях березы и Родины белоствольное дерево могло превратиться в контрольную инстанцию по проверке на преданность:

Испытывает: крепко ли
Я на земле стою
И свой ли я по-прежнему
в березовом краю³².

Между любовью к березам и любовью к Родине мог стоять знак равенства:

И нет на свете ничего красивей!
Мои березы, по приязни к вам
Определяю я любовь к России
И цену самым преданным словам³³.

Интересно, что сами советские поэты — певцы берез явно ощущали, что поток стихов о «русском дереве» достиг в 1950-1980-е гг. беспрецедентных размеров. Иначе невозможно адекватно истолковать появление стихов, в которых их авторы объясняли, почему они (вновь) обращаются к обильно представленной в поэзии березовой теме³⁴. Спектр аргументов здесь ко-

32 Викулов С. Веселая рука... (1957 г.) // URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html> (дата обращения — 11.03.2025).

33 Ковалев Д. Мои березы... (1963 г.). Там же.

34 Прокофьев А. Упрекают критики всерьез... (1959 г.) // Там же; Малышев Н. Почему опять о березах... (1964) // Там же; Зайцев М. Баллада о березе... (1970 г.) // Там же; Малышев Н. Опять о березах... (1980 г.) // Там же; Светличный И. Ты ее увидишь — и забьется сердце... (1981 г.) // Там же.

лебался от эмоциональной привязанности к березе и любви к ее красоте до святого долга перед Родиной. Вот как аргументировал, например, возвращение к теме березы ленинградский поэт-любитель Николай Малышев: «Почему опять о березах? Потому, что это — Россия!»³⁵

Итак, березы в 1950-1980-е гг. были везде. Из радиоточек звучали задушевные песни о березах, по телевизору транслировали выступления знаменитого женского ансамбля «Березка», в заводских, сельских и даже тюремных клубах березки стали частым элементом украшения фойе и любительских сцен. Самодеятельные танцовщицы и певицы в 1960-е гг. часто щеголяли в белых с черными пятнами платьях, имитирующих бересту. Березка прописалась в кино на задниках взрослых и детских самодеятельных концертов, начиная домом культуры в «Кубанских казаках» (1949 г.) и (не) заканчивая столичным детским садиком в кинофильме — лидере советского проката 1972 г. «Джентльмены удачи». Березовые мотивы использовались в украшении тканей для платьев и штор, в настенных гравюрах по металлу и дереву, в деколи на посуде и на интерьерных картинах, в ювелирных изделиях и пейзажах из крошки полудрагоценных камней. Поэтические сборники для взрослых и детей украшались иллюстрациями с изображением берез, фотоальбомы о русских композиторах — снимками березовых рощ, исследования творчества Сергея Есенина — обложкой под бересту. В крупных городах позднего СССР прохожие по декору фасада с имитацией бересты узнавали магазины «Березка», а туристов в пешеходных зонах российских городов в последние годы существования СССР осаждали художники, предлагая бесконечные пейзажи с березками. В общем, как без малейшего намека на иронию было сказано в одной из песен о березе, «у нас в каждой песне — береза,/береза — под каждым окном...»³⁶

35 Малышев Н. Почему опять о березах... (1964 г.). Там же; Малышев Н. Опять о березах... (1980 г.) // Там же.

36 Агашина М. Растет в Волгограде березка... URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html> (дата обращения — 11.03.2025).

Можем ли мы сказать в этой связи, что критические замечания Сергея Довлатова и Александра Гельмана, приведенные в начале статьи, вызваны тем, что песни о березах звучали из «каждого утюга», обесценивая заверения в любви к родным уголкам и делая эти высказывания приторными? У нас есть основания предполагать, что инфляцией патриотических заявлений мотивы иронических высказываний о любви к березкам не ограничивались. Однако, чтобы выявить их, следует обратиться к общему историческому контексту распространения почитания «русской березки» в позднем СССР.

Каковы мотивы беспрецедентного распространения в советской массовой культуре репрезентаций любви к березке как национальному символу России? Кто инициировал превращение березы в «русское дерево»? Можем ли мы обнаружить здесь конкретных акторов и лоббистов?

Притом что в 1950-1980-е гг., как уже отмечалось, в советском публичном пространстве обращений к образу березы было множество, переломным, как нам представляется, можно считать 1965 г. Он был отмечен тремя принципиальными событиями: празднованием 20-летия победы в Великой Отечественной войне, созданием Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и грандиозным празднованием 70-летия Сергея Есенина. «Именно тогда на обложках популярных журналов появились монастыри; в газетах — статьи о пряниках и прялках, истории о том, как Ротшильда потряс Суздаль; в стихах замелькали находки из словаря Даля: бочаги, криницы, мокреть; вошли в моду Глебы, Кириллы, Иваны; кружным путем через парижский Дом Диора возвратились женские сапоги и шубы; в ресторанах вместо профитролей подавали расстегаи; в центральной печати появились очерки будущего крупнейшего деревенщика Валентина Распутина. В обще-

стве постепенно сменялся культурный код. Если с оттепелью вошли ключевые слова “искренность”, “личность”, “правда”, то теперь опорными стали другие — “родина”, “природа”, “народ”³⁷.

В книге о советских 1960-х, впервые увидевшей свет в годы перестройки в СССР, талантливые публицисты-эмигранты и современники — тонкие наблюдатели Петр Вайль и Александр Генис³⁸ посвятили повороту этносов советского общества к заботе о национальных идентичностях эссе «Крона и корни. Народ». Основные причины этого явления авторы увидели в разочаровании в цели, которая должна была обеспечивать единство «советского народа», — в построении коммунизма — и в проникновении в оттепельный Советский Союз непривычных артефактов западной культуры³⁹.

Очевидно, в основе механизма, запустившего децентрализованные процессы конструирования образа «русского дерева», был общий поворот к русскости. Советское общество устало от потрясений первой половины XX в. и было воодушевлено победой в Великой Отечественной войне. При этом горечь невосполнимых утрат замещалась изобретенным пространством памятных мест. Масштабными проектами 1960-1970-х гг. стали музеи деревянного зодчества под открытым небом, туристический проект «Золотое кольцо древнерусских городов в Центральной России», звериный стиль Пермской области и другие переоткрытия древней национальной родословной⁴⁰.

- 37 Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 237. О сложных перипетиях реабилитации творчества С. Есенина в 1950-е гг. см.: Кэмрад С. Из крайности в крайность // Рязанский комсомолец. 1956. № 20 (22 июля); Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Исследования, мемуары, выступления. М.: Просвещение, 1967; Блудов Ю. Личность и творчество С. А. Есенина в решениях Рязанского обкома КПСС. URL: esenin.ru, 10.08.2017 (дата обращения — 11.03.2025).
- 38 Лицо, признанное иностранным агентом.
- 39 Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 232-237.
- 40 См.: Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988; Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое

Выборочное изучение артефактов массовой культуры позволяет предположить, что наряду с фронтовиками в распространении и закреплении образа березы как русского национального символа участвовали женщины (самый яркий тому пример — ансамбль «Березка») и национальные меньшинства. Женский и нерусский дискурсы о березе, возможно, были своеобразным орудием слабых, то есть способом подать голос и заявить о лояльности в рамках политического порядка с сильными маскулинными и руссоцентристскими установками. Эта гипотеза, однако, нуждается в дальнейшей проверке.

Найти руководящие и направляющие, программные документы «партии и правительства» о березе как национальном символе России нам не удалось и, видимо, не удастся, потому что «программа» в том и заключалась, чтобы показать — береза была русской всегда⁴¹. По всей видимости, в производстве образа «русской березки» участвовало множество игроков, из которых самыми заметными были деятели культуры и потребители их про-

литературное обозрение, 2022. С. 120-167; Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. Мы признательны Е.М. Болтуновой, Г.С. Егоровой, М.В. Ромашовой за информацию об изобретении прошлого и мест памяти в СССР 1960-х гг.

- 41 Характерно, что советская цензура могла критиковать поэтическую моду на березовую тему за аполитичность и безыдейность. Так, при проверке ленинградского альманаха «День поэзии» за 1962 г. ежегоднику была предъявлена следующая претензия: «Серьезным недостатком произведений сегодняшних поэтов, издаваемых “Советским писателем”... является чисто описательный характер, зарисовки с натуры, камерность тем. Сюжетных произведений выходит очень мало. В основном поэты пишут о весне, о ручейках, о березках, о распустившихся цветочках, о первой травке, о дожде, тумане, журавлях и т.д.». Показательно, что березка в цензурной критике камерности поэтических произведений не выделена из общего ряда природных объектов поэтизации вроде ручейков, первой травки и цветочков. Цит. по: Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. СПб.: Академический проект, 2005. С. 141.

дукции. Государство этой игре не препятствовало и даже не выступало арбитром, поддерживая мягкими способами, прежде всего культурной политикой — финансированием «очагов» культуры и образования, организаций литераторов и художников, издательской деятельностью, заказом кинопродукции и т. д.⁴² Любовь к березке была для политического режима полезной, поскольку создавала видимость естественного характера существующего порядка и тем самым легитимировала его. Возможно, и сами российские чиновники со временем начинали проявлять трепетное отношение к родному пейзажу, не задумываясь о природе этого трепета.

Если в отношении демонстрации любви к «русской березе» в позднесоветской русскоязычной культуре можно говорить о массовом явлении, то о популярности критики этого феномена говорить сложно. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что критический дискурс в отношении «русского дерева» имел скорее пунктирный характер, нестабильные каналы и немногочисленных носителей.

Приведенные выше размышления Ролана Барта о природе буржуазного мифа предоставляют — пусть на уровне гипотезы — язык для объяснения того, что могло принципиально раздражать часть российской интеллигенции в потоке признаний в любви к бе-

42 Подробнее о позднесоветской культурной политике и дипломатии см.: Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 гг. М.: АИРО-XX, 1997; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999; Белошапка Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2012; Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны: 1945-1989: Коллективная монография/научн. ред. О. С. Нагорная. М.: РОСС-ПЭН, 2018; Гершзон М. Оттепель. Министерство культуры СССР в 1953-1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024.

резкам в позднем СССР. Возможно, дети войны Александр Гельман и Сергей Довлатов (1933 и 1941 гг. рождения) интуитивно разделяли опасение левого интеллектуала Барта, что «в каждом мифе может содержаться своя история и география, причем одна из них является знаком другой — миф тем больше созревает, чем шире распространяется»⁴³. Быть может, бывшие шестидесятники, они испытывали беспокойство по поводу интенсивности обращения к березе в качестве образа России. Замену деятельной ответственности за судьбы страны умильным жестом и ритуалом можно было, подобно Барту, описать и в более ясных левых политических категориях и интерпретировать как буржуазное перерождение: «Угнетенный *делает* мир, и у него есть лишь активно-транзитивный, политический язык; угнетатель же охраняет устои, и его слово всеобъемлюще, нетранзитивно, носит характер театрального жеста — это и есть Миф; у одного язык нацелен на преобразование, у другого на увековечение»⁴⁴.

В российско-советском литературном дискурсе 1950-1970-х гг. можно обнаружить пунктирно выраженную тенденцию некоторого недоверия к славословиям в адрес березы. Так, Михаил Исаковский в 1959 г. подверг критике стихи Алексея Маркова за неубедительность образов и слабое владение языком. Помимо прочего, досталось поэту и за абсурдную, по мнению Исаковского, эксплуатацию «русскости» березы: «Разумеется, береза весьма характерна для русского пейзажа. Но она широко распространена и во многих других странах мира. Поэтому, опять-таки, утверждать, что “родиной берез” является Россия, значит говорить неправду... На самом деле, если бы он вместо слова “родина” поставил слово “страна”, то было бы уже гораздо лучше, точнее. Россию вполне можно назвать “страной (а не родиной) берез”, ибо березы у нас много и это характерно для России»⁴⁵.

43 Барт Р. Мифологии. С. 312.

44 Там же.

45 Исаковский М. Об этом надо сказать решительно и прямо. Заметки о некоторых стихах Алексея Маркова // Литературная газета. 1959. 4 июля. С. 2.

Сам Алексей Марков — ветеран Великой Отечественной войны и противник ввода советских войск в Чехословакию — почти через четверть века после прозвучавшей в его адрес критики со стороны старшего коллеги по цеху писал:

Нет проку, милый, от того,
Что льешь в восторге бурном слезы:
“Не знаю краше ничего,
Чем наши русские березы!”⁴⁶

Марков призывал заменить слова природоохранными делами. В 1969 г. башкирский и татарский поэт, участник войны, в недавнем прошлом глава Башкирской организации Союза писателей СССР (1962–1968) Назар Наджми (Хабибназар Назмутдинов) опубликовал (в переводе Якова Козловского) написанное в 1965 г., в самый разгар славословий в адрес «русской березки» в связи с 70-летием Сергея Есенина, большое программное стихотворение «Березы» с критикой попыток «национализировать» это дерево. В нем есть и такие строки:

Вы трепетны и белокожи
И так пленительно стройны,
Что вправду на невест похожи
Башкирской нашей стороны.

Сравнил бы с ними вас, но это
Не вправе сделать я, коль вы
В сквозных платках того же цвета
Стоите около Москвы.

На польских шепчетесь просторах,
Лесам и рошицам верны.

46 Марков А. Я. Нет, проку, милый от того (1982 г.) // Марков А. Я. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1984. С. 545.

И в Кольских голубых озерах,
Как в зеркалах, отражены.

Порой белы, порой белесы,
Над полем, шляхом иль рекой,
Великодушные березы,
Какой вы нации? Какой?

Да никакой.
Ведь вы — деревья
И радовать должны сердца
Тем, что чужды высокомерья
И не меняете лица⁴⁷.

Самый, насколько нам известно, радикальный программный поэтический протест против чрезмерной эксплуатации образа березы в советско-российской лирике сформулировал в конце 1970-х г. самодеятельный поэт Владимир Павлинов:

Береза, ты молчишь, скорбя.
Качаешь головой зеленой.
Ну и заездили тебя
есенинские эпигоны!

Неужто в наши дни, скажи нам,
Свет на тебе сошелся клином?
За наши сборники берусь:
«Береза — Русь», «береза — Русь»!

В березе ли вся мира боль?
И есть ли смысл в неглавной боли?
Не слышим радио мы, что ли?
Газет не покупаем, что ль?

47 Наджми Н. Березы... (пер. Я. Козловского, 1965 г.) // Поэты Урала. Антология: в 2 т. Т. 2. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1976. С. 42.

Мы — благодушны и тверезы.
А век-то физика творит!
Какие, к черту, тут березы?
Земля и рвется, и горит!

Напалм. Землетрясенье. Сель.
Нужда ли — жизнь клевать по крохе?
Осмыслить душу, суть эпохи —
не наша ли, поэты, цель?⁴⁸

Интонации Павлинова созвучны высказанной в те же годы Александром Гельманом и Сергеем Довлатовым критике замещения в позднесоветской России любви к людям любовью к березке.

Еще злее были высказывания, ходившие среди жителей СССР в 1980-е гг. Тогда в ряде провинциальных регионов РСФСР были введены талоны на важнейшие продукты питания — мясо, масло, колбасные изделия, сахар. Полки продуктовых магазинов стали пустеть, и в какой-то момент на них остались только трехлитровые банки с березовым соком. Слова популярной песни в исполнении «Песняров» вдруг зазвучали совсем иначе, вызывая недобрый смех: «И родина щедро поила меня/Березовым соком, березовым соком»⁴⁹. Активизация в тот период черного рынка дефицитных товаров из сети магазинов «Березка» незамедлительно сказалась на городском фольклоре. «Березками» жители столиц окрестили валютных проституток, которые валюту, полученную от клиентов, реализовывали в магазинах, недоступных рядовым советским гражданам⁵⁰.

В целом с конца 1970-х гг. неуважительные высказывания о березах оказались вполне возможными. В экранизации пьесы

48 Павлинов В. Лирики (1980 г.) // День поэзии. 1980. М.: Советский писатель, 1980. С. 49.

49 20 строк. Березовый сок. Матусовский Михаил.

50 См.: Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С 175-176.

Е. Шварца «Обыкновенное чудо» (режиссер Марк Захаров, 1978 г.) всеобщий любимец Андрей Миронов на многомиллионную советскую аудиторию объявлял березу «тупицей», а не менее популярный Евгений Леонов в фильме Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово» (сценарий Георгия Горина и Эльдара Рязанова, 1980 г.) характеризовал березу как «дерево легкомысленное»⁵¹.

Итак, Гельман в пьесе «Мы, нижеподписавшиеся...» противопоставил восторженному почитанию природного явления как иносказательному символу пустоты и прекраснотушняя активную помощь честным, преданным своему делу людям в трудную для них минуту. Довлатов поступил так же, настаивая на деятельной любви и сострадании к Родине, оказавшейся в положении увечной матери, вместо поэтизации ее страданий из перспективы «восторженных созерцателей». Его нелюбовь к нумизматам и прочим собирателям и любителям различных непродуктивных хобби типологически близка к критике буржуазного общества потребления в диссертации Ж. Бодрийяра⁵², защищенной в Париже в 1967 г. в диссертационном комитете, в состав которого, кстати, входил и Ролан Барт. Кроме того, любовь к березкам, пышным цветом расцветшую в позднем СССР, Довлатов ассоциировал с антисемитизмом — оборотной стороной и неотъемлемой составляющей официального позднесоветского патриотизма⁵³.

51 X/ф «Обыкновенное чудо» (1978 г.), URL: <https://www.mosfilm.ru/cinema/films/obyknovennoe-chudo/>, 37:23 (дата обращения — 11.03.2025); х/ф «О бедном гусаре замолвите слово» (1980 г.), URL: <https://www.mosfilm.ru/cinema/films/o-bednom-gusare-zamolvite-slovo/>, 44:50 (дата обращения — 11.03.2025).

52 Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.

53 Подробнее об этом см.: Митрохин Н. (лицо, признанное иностранным агентом). Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М: Новое литературное обозрение 2003; Соловей Т., Соловей В. (лицо, признанное иностранным агентом). Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009; Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

Как мы видим, Сергея Довлатова и Александра Гельмана беспокоили не природные объекты и связанные с ними ассоциации — женское начало или память о войне, — а использование образов для оправдания безответственности и равнодушия, для идеологических манипуляций и сохранения неизменного порядка вещей с помощью придания ему черт естественности и вечности.

Тенденция к переносу перспективы в сознании советских граждан с будущего на прошлое, с революции на традицию, с интернационализма на национализм, с личности на природу образует контекстуальную содержательную рамку, позволяющую понять природу триумфа березы в качестве «русского дерева» и символа Родины в 1960-1980-е гг. Победа в Великой Отечественной войне, усталость населения от тяжелых испытаний первой половины XX в., консервативный поворот в государственной политике, массовый рост национализма в политической и культурной элите и широких слоях населения обеспечили березе прочную «русскую прописку» и обусловили формирование критически-ироничного дискурса вокруг этого процесса.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
2. Белошарпа Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2012. 320 с.
3. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. СПб.: Академический проект, 2005. 296 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 168 с.
5. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.

6. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
7. Гершзон М. Оттепель. Министерство культуры СССР в 1953-1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024. 224 с.
8. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.
9. Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
10. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 гг. М.: АИРО-XX, 1997. 316 с.
11. Лелеко В.В. Образ березы в советской массовой песне 1960-1980-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №. 101. С. 335-339.
12. Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М: Новое литературное обозрение 2003. 624 с.
13. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. 187 с.
14. Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны: 1945-1989: Коллективная монография/научн. ред. О.С. Нагорная. М.: РОССПЭН, 2018. 446 с.
15. Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 434 с.
16. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 311 с.
17. Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. 364 p.

References

1. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey [The System of Objects]*. Moscow: Rudomino.

2. Barthes, R. (2008) *Mifologii [Mythologies]*. Moscow: Akademicheskii proyekt.
3. Beloshapka, N. V. (2012) *Gosudarstvo i kul'tura v SSSR ot Khrushcheva do Gorbacheva [State and Culture in the USSR: from Khrushchev to Gorbachev]*. Izhevsk, Publishing House "Udmurtskiy universitet".
4. Blyum, A. V. (2005) *Kak eto delalos' v Leningrade. Tsenzura v gody ottepli, zastoya i perestroyki. 1953-1991 [How it was done in Leningrad. Censorship in the years of Thaw, Stagnation and Perestroika. 1953-1991]*. St. Petersburg: Akademicheskii proyekt.
5. Boltunova, Ye. M., Yegorova, G. S. (2022) *Territoriya i istoriya: pozdnesovetskiye prouekty "Goroda-geroi" i "Zolotoye kol'tso" [Territory and History: Late Soviet Hero-Cities and Golden Ring Projects]*. Moscow: Kuchkovo pole.
6. Brudny Y. (1998) *Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
7. Egglings, W. (1999) *Politika i kul'tura pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953-1970 gg. [Politics and Culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953-1970]*. Moscow: AIRO-XX.
8. Gershzon, M. (2024) *Ottepel'. Ministerstvo kul'tury SSSR v 1953-1963 gg. [Thaw. Ministry of Culture of the USSR in 1953-1963]*, Moscow: Modest Kolerov.
9. Golubev, A. (2022) *Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma [The Things of Life: Materiality of late Soviet Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.
10. Ivanova, A. (2017) *Magaziny "Beryozka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR [Berezka Shops: Paradoxes of Consumption in the late USSR]*. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.
11. Kretschmar, D. (1997) *Politika i kul'tura pri Brezhneve, Andropove i Chernenko. 1970-1985 gg. [Politics and Culture under Brezhnev, Andropov and Chernenko. 1970-1985]*. Moscow: AIRO-XX.
12. Leleko, V. V. (2009) "Obraz beryozy v sovetskoy massovoy pesne 1960-1980-kh godov" ["The Image of the Birch Tree in the

Soviet Mass Song of the 1960s — 1980s”], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 101, pp. 335-339.

13. Mitrokhin, N. (2003) *Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953-1985 gody* [*Russian Party: Russian Nationalist Movement in the USSR. 1953-1985*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

14. Nagornaya, O. S. et al. (2018) *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v gody Kholodnoy voyny: 1945-1989* [*Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War: 1945-1989*]. Moscow: ROSSPEN.

15. Oborin, V. A, Chagin, G. N. (1988) *Chudskiye drevnosti Refeya: Permskiy zveriny stil'* [*Chud' Antiquities of the Rifei: Permian Animal Style*]. Perm': Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.

16. Solovey, T., Solovey, V. (2009) *Nesostoyavshayasya revolyutsiya: Istoricheskie smysly russkogo natsionalizma* [*The Failed Revolution: Historical Meanings of Russian Nationalism*]. Moscow: Feoriya.

17. Wayl', P., Genis, A. (1998) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka [1960s. The World of the Soviet Man]*. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.

Екатерина Болтунова Галина Егорова

Охрана историко-культурного наследия в РСФСР и БССР: практики администрирования, финансирование и границы возможностей (вторая половина 1960-х — середина 1970-х гг.)¹

Болтунова Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, директор, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ekboltunova@hse.ru

Егорова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

gsegorova@hse.ru

Аннотация: Во второй половине 1960-х гг. в СССР активизировалась институционализация охраны историко-культурного наследия, что выразилось в создании добровольных обществ в ряде союзных республик, в том числе в Литве (1965 г.), Киргизии, Молдавии, Украине, Белоруссии и России (1966 г.). В настоящей статье анализируются различия в административных и финансовых возможностях двух республиканских структур — существовавшего в РСФСР Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (БДООПИиК). Результаты анализа,

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

проведенного с привлечением широкого круга архивных документов, позволяют утверждать, что созданная в СССР в послевоенный период сеть добровольных обществ защиты памятников представляла собой систему распределения ресурсов. Неотъемлемой частью подобных структур был механизм, нацеленный в широком смысле слова на регуляцию публичного высказывания, однако функционирование такого механизма серьезно варьировалось от республики к республике. Ключевым звеном здесь становились социально-экономические условия, в которых оказывались члены обществ. Статья демонстрирует, что администрирование российского и белорусского обществ формировало систему, в которой БДООПИиК имел серьезные преимущества перед ВООПИиК в части продвижения своей повестки и возможностей влиять на принятие того или иного решения. Кроме того, в БССР существовала стабильная система финансирования республиканского общества охраны памятников, тогда как ВООПИиК в центральных регионах РСФСР сталкивался с постоянной нехваткой ресурсов.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, БССР, наследие, охрана памятников, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры (БДООПИиК), администрирование, финансы, Орел, Гродно.

**Historical and Cultural Heritage Protection
in the RSFSR and BSSR: Administration Practices,
Financing, and Boundaries of Possibilities
(Second Half of the 1960s — mid-1970s)**

Boltunova Ekaterina Mikhailovna, PhD (History), Director, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).
ekboltunova@hse.ru

Egorova Galina Sergeevna, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).

gsegorova@hse.ru

Abstract: In the USSR in the second half of the 1960s the institutionalization of historical and cultural heritage protection intensified. Societies for the protection of monuments appeared in several Soviet republics, including Lithuania (1965), Kyrgyziya, Moldavia, Ukraine, Belarussia and Russia (1966). This article analyses the differences in the administrative and financial capacities of two republican structures — the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture (VOOPIiK) and the Belarusian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture (BDOOPIiK). The findings based on a wide range of archival documents, suggest that the network of voluntary societies for the protection of monuments established in the USSR in the post-war period was a system of resource allocation. An integral part of such structures was a mechanism aimed, in the broad sense of the word, at regulating public statement. The functionality of this mechanism exhibited significant variations from republic to republic. The pivotal factor in this regard was the socio-economic conditions in which the members of the societies found themselves. The article demonstrates that the administration of the Russian and Belarusian Societies formed a system in which the BDOOPIiK had serious advantages over the VOOPIiK in terms of promoting its agenda and ability to influence decision-making process. The BSSR had a stable system of funding for the Republican Society for the Protection of Monuments, while VOOPIiK in the central regions of the RSFSR faced a constant lack of resources.

Key words: USSR, RSFSR, BSSR, heritage, monument protection, All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and

Екатерина Болтунова, Галина Егорова «Охрана историко-культурного наследия...»

Culture (VOOPiK), Belarusian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture (BDOOPiK), administration, finance, Orel, Grodno.

Шестидесятые годы XX в. стали временем создания в СССР огромной сети добровольных обществ по охране памятников истории и культуры. Первые подобные организации появились в Грузии и Латвии (1959 г.), несколько позже — в двух других закавказских республиках, Азербайджане (1962 г.) и Армении (1964 г.), а затем в Литве (1965 г.), Таджикистане и Туркмении (1965 г.). В 1966 г. «очередь» дошла до Киргизии, Молдавии, Белоруссии, Украины и, наконец, России (РСФСР). Позже всего общества охраны открылись в Узбекистане (1967 г.) и Казахстане (1972 г.)².

Рассматривая историю разворачивания в стране сети обществ охраны памятников как явление, важно иметь в виду ряд существенных позиций. Во-первых, в соответствии с установками эпохи речь шла о появлении массовой организации. К 1971 г. на уровне индивидуальных членств в работу подобных обществ было вовлечено около 16 млн человек³. Половина из этого числа — 8 млн человек — приходилась на долю РСФСР⁴. Очевидно, действительный охват был существенно шире, поскольку одной из распространенных и активно поощряемых форм участия было коллективное членство предприятий и организаций.

Образование республиканских отделений стало событием в общественной жизни СССР и фактором, сыгравшим значи-

2 Даты приведены по: Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18 (под ред. А. М. Прохорова). М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 241. См. также: Dambis J. Protection of Cultural Heritage. Latvia. State Inspection for Heritage Protection, 2018. P. 16.

3 Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18. С. 241.

4 Материалы II съезда ВООПИИК (г. Ленинград, 4–6 июля 1972 г.). М.: Издательство «Советская Россия», 1973. С. 38. Рост числа членов таких обществ в первые годы их существования был стремительным. На Учредительном съезде российской организации министр культуры РСФСР Н. А. Кузнецов сообщил, что предварительный подсчет желающих вступить в Общество по 28 областям указывает на более 1 млн человек и больше 1 тыс. предприятий (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 639. Оп. 1. Д. 6. Л. 53).

мую роль в формировании позднесоветской публичной сферы, — у каждого из республиканских обществ были свои печатные органы, такие как грузинское издание «Друзья памятников культуры», латвийский «Календарь природы и истории», вестник «Памятники Туркменистана», бюллетени «Памятники Украины» и «Памятники истории и культуры Белоруссии», а также издававшиеся в РСФСР «Памятники Отечества».

Во-вторых, сам по себе процесс создания сети советских добровольных обществ охраны памятников отражает более широкий исторический контекст. Обозначившийся в послевоенный период интерес к дореволюционному прошлому страны, исторической древности республик СССР и — шире — категории «наследие»⁵ — нашел свое отражение в активных дебатах о принципах реставрации и восстановления объектов, разрушенных в период войны⁶, росте познавательного туризма (особенно со стороны представителей интеллигенции)⁷, публикации огром-

- 5 Deschepper J. Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 55. № 5. P. 491-506.
- 6 Qualls K.D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press, 2010; Kelly C. *The Leningrad Affair. Remembering the Communist Alternative in the Second Capital* // *Slavonica*. 2011. Vol. 19. № 9. P. 103-122; Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918-1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016; Mijnsen I. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021.
- 7 Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022; Мельникова Е. А. Интеллигенция как событие: валаамское наследие и его хранители в позднем СССР // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 181-220; Pattle Sh. *Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union* // *The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. № 2. P. 283-309; Donovan V. *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press, 2019; Donovan V. "How Well Do You Know Your Krai?" The Kraevedenie revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. № 3. P. 464-483.

ного объема тематической научно-популярной литературы, газетных и журнальных статей⁸. К тому же общественный интерес к историко-культурному наследию возрастал параллельно с актуализацией схожей повестки в научно-исследовательской среде — в 1967 г. Президиум Академии наук и Министерство культуры СССР приняли Постановление о подготовке колоссального по замыслу «Свода памятников истории и культуры СССР», который стал одним из самых масштабных проектов, нацеленных на фиксацию и каталогизацию памятников истории и культуры в масштабах всей страны.

Наконец, в-третьих, советский поворот в сторону охраны историко-культурного наследия совпал с европейскими тенденциями того времени и в значительной мере основывался на стремлении СССР к включенности в мировую повестку⁹. Разворачивая собственные культурно-исторические проекты, СССР активно апеллировал к иностранному опыту в самых разных сферах — от стандартов реставрации и стремления следовать рекомендациям ЮНЕСКО¹⁰ до указания на необходимость перенять

- 8 Воронин Н.Н., Грабарь И.Э. и др. В защиту памятников прошлого // Литературная газета. 1956. № 100 (3601). С. 1; Глазунов И. ...Принадлежит народу: О необходимости усиления охраны памятников культуры и старины // Смена. 1965. № 5. С. 16-17; Коненков С. Дорогое родство // Огонек. 1961. № 2. С. 31; Лихачев Д. С. Памятники культуры — всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 9-11; Солоухин В. А. Родная красота: для чего надо изучать и беречь памятники старины. М.: Советский художник, 1966.
- 9 О значении, которое для советского социума имела фигура западного наблюдателя, см.: Голубев А.В. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953–1985). Сборник статей/под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219-253.
- 10 По воспоминаниям председателя ВООПИИК В.И. Кочемасова, Закон об охране памятников истории и культуры в этот период разрабатывался с учетом отечественного и зарубежного опыта, а также рекомендаций ЮНЕСКО (Как гражданин России: сборник/ред.-сост. Т.А. Князева. М.: Альманах «Памятники Отечества», 1997. С. 175).

европейский опыт и сделать культурный туризм доходной отраслью¹¹. В 1957 г. СССР стал членом Международного совета музеев, а в 1965 г., после образования Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), в Советском Союзе появился собственный комитет организации, финансирование которого осуществлялось через Министерство культуры СССР¹². В 1967 г. страна активно включилась в продвижение Года международного туризма, объявленного ООН.

Вместе с тем, несмотря на указанные тенденции — массовость, соотнесенность одновременно с внутренне- и внешнеполитической повесткой, — разветвленная многомиллионная система добровольных обществ охраны памятников так и не обрела своего, казалось бы, логичного для советских реалий завершения — объединения во всесоюзном масштабе¹³. Учитывая последовательность в реализации установки на объединение, которую в СССР демонстрировали все годы существования страны, решение не переходить на общесоюзный уровень в деле организации охраны памятников вызывает серьезные вопросы. Почему такая композиция была предпочтительнее для властей? Насколько схожими или, напротив, отличными друг от друга с точки зрения администрирования и доступа к ресурсам были республиканские общества охраны памятников?

- 11 Анкудинов В. Все флаги в гости к нам // Путешествие в Советский Союз. 1967. № 4. С. 5; Бабкин В. Международный год туризма в СССР // Путешествие в Советский Союз. 1967. № 4. С. 4.
- 12 Душкина Н. О. К 40-летию со дня основания ИКОМОСа. Международные доктрины ИКОМОСа и отечественная практика сохранения наследия // Реставратор. 2006. № 1(10). С. 18-22.
- 13 О попытке создания общесоюзного общества см.: Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Всесоюзный/Всероссийский: нереализованный проект создания Общества охраны памятников СССР // Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960-1990-х гг./под общ. ред. Г. А. Янковской. Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2023. С. 53-68.

Ответы на эти вопросы, очевидно, следует искать вне рамок устоявшихся историографических трактовок. Отметим, что в основе последних лежит дискуссия об общественной или политической природе советских добровольных обществ, при этом спектр мнений разнится от установки, согласно которой речь идет о реализации широкой общественной инициативы¹⁴, до представления, что система такого рода имела квазиобщественную природу, существуя в тотальной зависимости от государства и реализуя задачи пропагандистского характера¹⁵. Добавим, что в современной исследовательской литературе появилась также трактовка, согласно которой деятельность обществ охраны интерпретируется как форма низового активизма, оппозиционной власти по своей сути¹⁶.

На наш взгляд, сформулированные выше вопросы не решаются в рамках указанной дискуссии. Напротив, продуктивным подходом может стать, с одной стороны, рассмотрение добровольных обществ охраны памятников в рамках институциональной истории, а с другой — привлечение сопоставительного контекста. Определение принципов работы механизма, заложенного в основание подобных структур, а также анализ управляемости — на административном и финансовом уровне — позволят обнаружить существовавшие или отсутствующие возможности влияния на процесс принятия решения. Сравнение деятельности отдельных республиканских обществ, в свою очередь, прояснит вопрос о соотношении общего и особенного в деятельности добровольных обществ охраны памятников.

14 Банных М.П. Участие общественности в деятельности исполкомов местных Советов. М., 1972. С. 17.

15 Гологин И.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953-1985 гг. (по материалам Ярославской области). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2011. С. 19.

16 Неплюев П.А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 58(3). С. 79-93.

Задача этой статьи — ответить на поставленные выше вопросы на примере двух республиканских организаций, а именно существовавшего в РСФСР Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее — ВООПИиК) и Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (далее — БДООПИиК).

Общества двух славянских республик СССР появились в одно время. Создание ВООПИиК было инициировано Постановлением Совета Министров РСФСР в июле 1965 г.¹⁷ Спустя почти год, в июне 1966 г. состоялся Учредительный съезд Общества. Инициатива формирования аналогичной организации в Советской Белоруссии была оформлена в июне 1965 г. Постановлением Совета Министров БССР и, что принципиально важно, ЦК Компартии Белоруссии¹⁸. БДООПИиК был создан решением съезда Общества, который прошел в декабре следующего, 1966 г.¹⁹ При этом белорусская организация получила в наименовании слово «добровольное», отсутствовавшее в названии российского общества.

Появление организаций в двух республиках стало частью долгого процесса борьбы за право создания обществ в России и Белоруссии. Показательно, что в 1964 г. обратившиеся к только что назначенному на должность генсека Л. И. Брежневу деятели науки и культуры, предлагавшие в очередной раз одобрить создание в славянских республиках СССР добровольных обществ охраны памятников культуры, использовали беспрецедентный по силе высказывания аргумент, заявив, что в стране «создалось

17 Решение о создании организации принималось на республиканском уровне, а затем оформлялось Учредительным съездом.

18 Пастернак А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г.: в 2 т. Витебск, 2014. Т. 1. С. 345.

19 Там же.

положение *дискриминации по отношению к народам Российской Федерации, Украинской и Белорусской республик* (курсив наш. — *Прим. авт.*), где общества не разрешаются, но существуют в Грузии, Азербайджане, Армении, Латвии»²⁰. Акцент на национальной дискриминации был усилен пассажем о том, что «положение с сохранностью памятников культуры в Российской Федерации, Украинской и Белорусской республиках является наиболее тяжелым, нуждающимся в помощи широкой общественности»²¹.

Существенно, что общества охраны памятников в РСФСР и БССР представляли территории, историко-культурное наследие которых подверглось истреблению во время Великой Отечественной войны, а значит, перед членами новых общественных организаций стояли одни и те же задачи.

Отметим вместе с тем, что, проводя анализ, следует иметь в виду, что по числу членов ВООПИиК и БДООПИиК существенно отличались друг от друга. Так, в 1975 г. число членов БДООПИиК достигло 1,5 млн человек²², в ВООПИиК в 1977 г. состояло уже 12,2 млн человек²³. Согласно этим цифрам, к середине 1970-х гг. ВООПИиК был примерно в 8 раз больше, чем БДООПИиК. Однако при сопоставлении этих цифр с общей численностью населения республик становится понятно, что вовлеченность белорусов в республиканские структуры Общества охраны памятников была фактически в два раза выше, чем в РСФСР. В Белорусской ССР в 1975 г. проживало 9331 тыс. человек²⁴, в РСФСР в 1977 г. — 136546 тыс. человек²⁵,

20 Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 4. Оп. 18. Д. 760. Л. 72.

21 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 760. Л. 72.

22 Белорусский государственный архив научно-технической документации (далее — БГАНТД). Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 94. Л. 16.

23 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). М.: б/и, 1979. С. 42.

24 Народное хозяйство СССР: Статистический ежегодник. 1975 г. М.: Госстандарт, 1976.

25 Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году. Статистический сборник. М.: б/и, 1979.

а значит, в середине 1970-х гг. в обществах охраны состояли 16% жителей Белоруссии и всего 8,93% жителей Советской России.

Администрирование и границы возможностей

Появление обществ вызвало бурный интерес в обеих республиках. В РСФСР еще до начала работы Учредительного съезда к главе российского Общества В. И. Кочемасову поступали письма и телеграммы от граждан с просьбой принять в члены будущей организации, вплоть до формулировок «Прошу считать меня членом общества»²⁶, что с учетом нарративного контекста эпохи может расцениваться как декларация перехода в новое состояние.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. как ВООПИиК, так и БДООПИиК развернули активное обсуждение целого ряда вопросов: что следует считать культурно-историческим наследием²⁷, какие объекты являются приоритетными с точки зрения охраны, на каких основаниях формировать новую общественную организацию и т. д. Более того, общества смогли привлечь в свои ряды людей с активной жизненной позицией, превратившись в востребованную площадку для публичного критического высказывания. По материалам одного только ВООПИиК, за 1967-1971 гг. в орга-

26 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 53. Согласно Уставу ВООПИиК, членом организации мог стать любой гражданин СССР, достигший 16-летнего возраста (Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 566.; Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Ростов-на-Дону.: б/и, 1966. С. 5). В архиве ВООПИиК сохранились письма жителей других советских республик — в том числе тех, где подобные организации уже существовали, — выражавших желание присоединиться к ВООПИиК (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 43).

27 Елена Гапова демонстрирует, как в процессе переосмысления белорусской интеллигенцией 1960-х гг. собственной истории республика из «края болот» превратилась в романтическую и священную «страну замков» (Gapova E. “The Land under the White Wings”: The Romantic Landscaping of Socialist Belarus // Rethinking Marxism. 2017. Vol. 29. № 1. P. 173-198).

низацию поступило 22 тыс. писем от граждан и членов Общества с различными жалобами и предложениями по организации реставрации и охраны памятников²⁸. Под огонь критики попали все — от Минкульта до местных партийных органов, от реставрационных мастерских, не способных привести в порядок собственное здание, до крупных промышленных предприятий, не желающих выделять средства на охрану памятников²⁹.

Не менее заметной для власти, очевидно, была и риторика, использовавшаяся в публичных дебатах на тему наследия. Она часто прямо противоречила актуальным политическим установкам. Так, в 1960-е гг. призывавшие к сохранению наследия жители Москвы могли заявлять о необходимости обратить внимание на улицу Дзержинского, однако главным объектом в пространстве, получившем свое название в честь основателя ВЧК, в подобных рассуждениях оказывался собор Сретенского монастыря с погибающими в нем фресками XVII в.³⁰ Не менее обеспокоенные вопросом сохранения объектов прошлого мурманчане, несмотря на разворачивание в стране очередной антирелигиозной кампании, декларировали необходимость «срочно... реставрировать церкви» или требовали у предприятий города выделения средств на реставрацию, вспоминая обычаи поморов — «рыба, пойманная в дни религиозных праздников, шла на реставрацию и ремонт церквей»³¹. Интересно, что вплоть до начала 1970-х гг. в ВООПИиК обсуждались предложения дать Обществу другое название — например, «Общество любителей искусства и старины» или «Общество ревнителей истории», что, без сомнения, отсылало к дореволюционной традиции подоб-

28 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4–6 июля 1972 г.). М.: Издательство «Советская Россия», 1973. С. 42.

29 См., например: Государственный архив Мурманской области (далее — ГАМО). Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 3. Л. 33, 56; ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 166а. Л. 16; ГАВО. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 20. С. 10–11.

30 ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

31 ГАМО. Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

ных обществ³². Материалы местных отделений свидетельствуют о том, что упоминание ведущей роли партии в работе по сохранению наследия или дискуссии о значении ленинских мест и памятников революции 1917 г. не занимали сколь бы то ни было значительного места в повестке организации. Главным предметом внимания были объекты дореволюционного прошлого — соборы и церкви, усадьбы и боярские палаты, крепости и городища и пр.³³ Например, в Орле, где в это время составили список культурного наследия города и области, первое место в реестре было отдано могиле генерала А. П. Ермолова, а последнее — памятнику В. И. Ленина в областном центре³⁴.

В БДООПИиК в эти годы было не меньше оригинальных идей, столь же далеких от основного нарратива, — здесь, например, обсуждали возможность построить «исторический памятник у деревни Лесной» на месте сражения войск Петра I со шведами³⁵, рассуждали о необходимости обследовать «состояние памятников и кладбищ солдат русской армии и бойцов Красной Армии, погибших в Первую мировую»³⁶, ставили вопрос о проведении реставрации дворца Л. Сапеги, а также ряда церквей и костелов³⁷.

- 32 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 50.
- 33 Определенную роль в дебатах играло и сохранение памяти о Великой Отечественной войне, прежде всего сохранение могил. Так, выступая на открытии Учредительного съезда ВООПИиК 8 июня 1966 г., В. И. Кочемасов отметил, что «в поселке Взморье Калининградской области братская могила, расположенная рядом со школой и клубом, заросла травой, за ней нет никакого ухода; а в этой могиле похоронены три Героя Советского Союза» (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 6. Л. 22). Стоит отметить, однако, попытки контроля содержания воинских кладбищ и братских могил. С 1953 г. Министерство культуры РСФСР по поручению Совета Министров РСФСР ежегодно вступало в переписку с военными ведомствами по вопросам улучшения содержания воинских кладбищ и братских могил (ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 2. Д. 2с.; Ф. А-501. Оп. 2. Д. 8с).
- 34 Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. Р-3638. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-14.
- 35 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 14. Л. 50.
- 36 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 14. Л. 84-85.
- 37 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 14. Л. 52.

Как и в случае с ВООПИиК, члены Общества в это время уделяли наименьшее внимание объектам, связанным с революционными выступлениями или деятельностью В. И. Ленина, — в документах конца 1960-х гг. есть лишь единичные упоминания таких памятных мест³⁸.

Оценить то, насколько реализуемой была программа или — шире — концепция, которую наметили члены ВООПИиК и БДООПИиК в первые годы существования организаций, не просто. Для этого недостаточно ссылки на собранные средства или перечисленные на реставрацию памятников деньги — информация такого рода содержится в архивах Центрального и местного советов ВООПИиК и БДООПИиК³⁹, однако интерпретировать ее сложно — мы плохо представляем эффективность такой работы, поскольку средства на реставрацию часто оставались неосвоенными⁴⁰.

Более значимым в рамках указанной постановки проблемы оказывается ответ на вопрос о том, имелись ли у ВООПИиК и БДООПИиК административные возможности и ресурсы для продвижения и реализации своих идей, смогли ли они — точнее, получили ли от власти разрешение — отстроить механизм, позволявший воплощать на практике собственные планы и установки?

С точки зрения администрирования, контроля и взаимодействия с советской управленческой системой общества охраны памятников в РСФСР и Белоруссии имели ряд значимых отличий. ВООПИиК всегда существовал под контролем Минкульта

38 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 80, 83-88.

39 См., например: ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 1376, 217, 284, 285; БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 11, 15, 25.

40 Судя по материалам ВООПИиК, местные отделения Общества осваивали от 80% до 35% средств, отводившихся на реставрацию, охрану и пропаганду памятников. При этом цифра в 80% считалась хорошим результатом (Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 43).

РСФСР. Интересно, что в одном из первых проектов устава ВООПИиК прямо позиционировался как структура, находящаяся под контролем министерства⁴¹. Впоследствии этот пункт был удален, а вместо прямого указания на подчинение в документе появилось рассуждение об общественно-политической значимости структуры — ВООПИиК был представлен как организация, в задачи которой входит помощь партийным и советским органам⁴².

Делопроизводственная документация БССР демонстрирует иную картину: в административном отношении БДООПИиК никак не был связан с Минкультом БССР. Более того, организация имела статус самостоятельной структуры в системе госуправления республики — в материалах, фиксирующих пятилетний план Белоруссии, и в документах о выделении ежегодных ассигнований БДООПИиК всегда значился отдельной строкой⁴³.

Существенно отличались друг от друга и принципы руководства. Главой ВООПИиК всегда являлся заместитель председателя Совмина РСФСР. С учетом того, что контроль за Обществом осуществлял Минкульт, вся активность организации в России оказывалась ограничена рамками республиканской министерской системы. Иными словами, вся коммуникация относительно развития или решения тех или иных вопросов в практическом отношении не выходила за пределы полномочий Минкульта РСФСР или, что происходило существенно реже, Совмина РСФСР. Такая административная заданность приводила порой к парадоксальным ситуациям: человек, совмещавший должности зампреда Совмина РСФСР и главы ВООПИиК, мог в рамках работы по охране памятников поддержать проект, а руководствуясь соображениями приоритета на республиканском уровне, отказать

41 ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

42 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 3.

43 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 100. Л. 1; Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 7. Оп. 5. Д. 4237. Л. 51-53.

в его продвижении. Именно так первый глава ВООПИиК и по совместительству зампред Совмина РСФСР В. И. Кочемасов сначала поддержал стремление Орловского отделения Общества охраны создать туристический маршрут, связанный с жизнью русских писателей XIX в. (И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. И. Тютчева), а затем отказал в выделении средств на его реализацию⁴⁴.

Главой Белорусского добровольного общества был заместитель председателя Президиума Верховного Совета республики. Практика оформилась в 1966 г. с избранием руководителем БДООПИиК И. Ф. Климова⁴⁵. Обстоятельство, связанное с тем, что организацию возглавлял представитель парламентской власти, а не реального сектора управления, имело, на наш взгляд, ключевое значение — белорусское Общество не было зависимо от сугубо министерских решений и осуществляло вполне эффективную коммуникацию с республиканскими структурами самого разного уровня. Ведь первый человек в БДООПИиК, он же высокий представитель Верховного Совета республики, мог обратиться в Совет Министров БССР, Минкульт, Госстрой, Гостелерадио БССР или любую другую структуру с прямым запросом⁴⁶. При этом, поскольку уровень, с которого поступал запрос, был высоким, БДООПИиК получал быстрый и содержательный ответ, часто гарантировавший решение возникшей проблемы или поставленной задачи. Именно так, например, произошло в 1971 г., когда председатель Президиума Центрального совета Общества обратился

44 О задачах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: материалы V пленума Центрального совета общества. М.: Советская Россия, 1971. С. 13, 46-47; Материалы II съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1973. С. 18; Аппарат ЦК КПСС и культура, 1973-1978: документы: в 2 т./сост. С. Д. Таванец и др. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 489-491, 544-545.

45 Пастернак А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 346.

46 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 1-1 об., 5, 40, 46-48.

к председателю Совета Министров БССР, указав на необходимость реставрации Екатерининской церкви XVII в. в Минске⁴⁷. За обращением последовало распоряжение Совмина взять объект на баланс Министерства культуры БССР и выделить деньги на реставрацию⁴⁸.

С точки зрения тона дискуссии и позиции, которую занимали представители руководства БДООПИиК, показательна переписка И. Ф. Климова с директором киностудии «Беларусьфильм» В. Ивановским относительно съемок в Новогрудском замке. Глава БДООПИиК обращался к руководителю студии во вполне директивном тоне: «Президиуму ЦС БООПИиК стало известно, что в г. Новогрудке на территории замка студией будут проводиться съемки нового фильма. В связи с тем, что Новогрудский замок является одним из ценнейших исторических и археологических памятников Белоруссии, Президиум... считает необходимым поставить Вас в известность о необходимости принятия тщательных мер предосторожности во время съемок, чтобы не повредить культурный слой одного из ценнейших памятников культуры Белоруссии. На территории, прилегающей к замку, и в самом замке нельзя проводить никаких земляных работ, использовать тракторы и большегрузные автомобили. В случае нарушения культурного слоя науке и культуре Белоруссии будет нанесен невосполнимый ущерб»⁴⁹. В ответ на запрос дирекция киностудии отправила в БДООПИиК письмо с объяснениями относительно планов съемок и детализацией некоторых аспектов кинопроцесса. Примечательно, что бурное обсуждение того, что следует и не следует делать, находясь на территории памятника истории и культуры, проводилось задолго до того, как на территории замка появились кинематографисты. Отметим: в России члены ВООПИиК, рассылавшие в многочисленные советские институции призывы обратить внимание на ту

47 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 22-23.

48 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 24.

49 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 40.

или иную ситуацию в сфере охраны памятников, могли использовать самые разные риторические и эмоциональные структуры — от слов убеждения до прямого возмущения⁵⁰, но выстроить коммуникацию с позиции актора они не могли. Для этого у российского Общества не было административных ресурсов.

И, наконец, одной из вполне реальных возможностей для БДООПИиК как самостоятельной и значимой на республиканском уровне организации было обращение к главе Компартии Белоруссии и члену ЦК КПСС П. М. Машерову. Подобные письма и запросы, как правило, не оставались без ответа. Например, в 1969 г. именно члены БДООПИиК предоставили Машерову докладную записку с просьбой «о вмешательстве в дело реконструкции старой части Минска»⁵¹. Очевидно, запрос дал

50 См., например: письма зам. председателя президиума Центрального совета ВООПИиК В. Н. Иванова заместителю Прокурора РСФСР А. Н. Шейкину о пересмотре решений, принятых органами прокуратуры Костромской области по поводу разрушения памятника археологии государственного значения «Столбище» в г. Галиче Костромской области (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 170. Л. 1); председателю Всероссийского театрального общества с призывом обратить внимание на застройку жилыми домами заповедника «Щельково» Костромской области (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 170. Л. 24-25); начальнику управления культуры Ярославского облисполкома об угрожающем состоянии памятников Толгского монастыря Ярославской области (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 262. Л. 11); заведующему отделом архитектуры и строительства исполкома Ярославского областного совета депутатов трудящихся И. Бобровскому о пересмотре участков строительства, наносящих ущерб памятникам и древнему облику Углича (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 262. Л. 12). Исходя из статуса адресанта, письма написаны в деловой манере, с опорой на доказательность, констатацию фактов и перечень необходимых действий. При этом руководители региональных и городских отделений Общества часто обращались в высокие инстанции напрямую, минуя Центральный совет, и в этом случае письма были более эмоциональными, напоминали не переписку между институциями, а «письма во власть» — с подробным описанием исторического значения памятников и привязкой к ключевым историческим персоналиям, что делало эти тексты более «живыми» и красноречивыми (см., например: ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-2).

51 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 1-1 об.

результаты: в начале 1974 г. в утвержденном ЦК КП Белоруссии и Совмином БССР проекте детальной планировки г. Минска были зафиксированы необходимость сохранения ценной старинной застройки, ограничение этажности новых домов, требование вывода из центра города промышленных предприятий, складов и пр.⁵² Отметим, что у членов ВООПИиК возможностей для действий такого рода не существовало — у РСФСР, как известно, не было собственной компартии; как следствие, среди республиканских руководителей не было фигуры, равнозначной П. М. Машерову.

Приведенные выше данные указывают на то, что администрирование российского и белорусского обществ формировало систему, в которой БДООПИиК имел серьезные преимущества перед ВООПИиК в части продвижения своей повестки и возможностей влиять на принятие того или иного решения. Неудивительно поэтому, что даже право на собственное периодическое издание — «Памятники Отечества» — ВООПИиК смог получить лишь в 1980 г., то есть через десять лет после того, как белорусское Общество начало публикацию своего научно-методического бюллетеня «Памятники истории и культуры Белорусской ССР»⁵³.

Финансы организаций

В уставах ВООПИиК и БДООПИиК формулировки, регулирующие финансовую деятельность организаций, были во мно-

52 НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 4233. Л. 97-99.

53 В смете издания «Памятники истории и культуры Белорусской ССР», утвержденной в 1969 г., были обозначены 10 штатных единиц с месячным фондом заработной платы 1 182 руб. 50 коп. При этом в общем бюджете бюллетеня фигурировали суммы «по расходам... 37 640 рублей, по доходам — 10 тыс. руб.», а разницу в размере 27 640 руб. планировалось «возместить за счет дотации от сметы Президиума Центрального Совета БДООПИиК». Для временного размещения в 1970 г. изданию были выделены комнаты в музее Великой Отечественной войны (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 135-137).

гом схожими. И в российском, и в белорусском документе среди основных источников получения дохода фигурировали членские взносы, средства от издательской и хозяйственной деятельности, добровольные взносы и иные поступления⁵⁴. Индивидуальные членские взносы определялись на одном уровне (вступительный взнос — 15 коп., ежегодный — 30 коп.), одинаковыми были условия участия для молодежи и военнослужащих, единой была формулировка о том, что собранные средства должны тратиться на реставрацию памятников, пропаганду историко-культурного наследия, а также на содержание штатного персонала обществ⁵⁵.

Однако в уставных документах члены российской организации демонстрировали весьма неискушенный взгляд в вопросах денежного порядка, явно отличный от позиции БДООПИиК. Так, в уставе ВООПИиК параграф «Средства Общества» содержал 4 подпункта, тогда как в белорусском их было 6.

Белорусский устав отдельно оговаривал ситуацию с коллективным членством, значение которого при написании российского документа не было оценено. Устав БДООПИиК вполне четко определял, что ежегодные взносы коллективных членов должны устанавливаться по договоренности между Обществом и предприятиями, но не могут превышать 35 руб.⁵⁶ Кроме того, в указанном тексте было зафиксировано решение, что «доходы местных отделений Общества от производственной, торговой деятельности, проведения выставок и других мероприятий остаются полностью в их распоряжении»⁵⁷. Иными словами, белорусское Общество предметно обдумало вопрос о дополнительных доходах

54 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 10; Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Минск.: б/и, 1967. С. 16-17.

55 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 11; Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 17.

56 Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 17-18.

57 Там же. С. 18.

местных организаций и смогло с самого начала идентифицировать главного донора — предприятия и организации, способные оформить коллективное членство⁵⁸.

В уставе ВООПИиК подобные установки зафиксированы не были. Более того, рассмотрение проектов устава российского Общества демонстрирует, что в тексте системно размывались указания на возможность получения средств помимо членских взносов. В частности, в одном из первых проектов устава фигурировало утверждение, что Общество может получать доход из средств от реализации произведений живописи, спектаклей и вечеров⁵⁹. Из более поздней версии такая формулировка исчезла⁶⁰, а в опубликованной итоговой версии устава ВООПИиК статья доходов в целом была переформулирована с серьезным смещением в сторону издательской деятельности. Здесь упоминался выпуск путеводителей, монографий, альбомов, репродукций, открыток, сувениров и пр., а приносящая доход хозяйственная деятельность от спектаклей и вечеров до производства продукции подведомственными структурами была сведена к формулировке «другие мероприятия»⁶¹. Очевидно, установка на издательскую работу, так предметно выраженная в уставных документах ВООПИиК, которые, в свою очередь, массово тиражировались в виде брошюр

- 58 Отметим, что в уставе Общества охраны памятников Армянской ССР 1983 г. вопрос о выплатах от коллективных членов Общества был описан еще более предметно: организации и предприятия были разделены на шесть групп по числу работников, а объем взносов установлен от 50 руб. (для структур в составе которых трудятся до 100 человек) до 2500 руб. для организаций и предприятий, имеющих в своем штате более 10000 чел. (Устав Общества по охране памятников истории и культуры Армянской ССР. Ереван: б/и, 1985. С. 18). Эти данные свидетельствуют о том, что уставы республиканских обществ охраны памятников могли существенно отличаться друг от друга.
- 59 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 9.
- 60 ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 57 б.
- 61 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 9.

и даже плакатов⁶², стала со временем восприниматься как приоритетная.

Рассмотрение практической финансовой деятельности двух организаций также позволяет сделать ряд интересных выводов. Для ВООПИиК финансовый вопрос всегда был исключительно острым. Проблемы с аккумулярованием средств возникли буквально на старте, при организации Учредительного съезда — Минфин РСФСР отклонил просьбу о содержании платного аппарата для проведения мероприятий по организации ВООПИиК. Логика министерства была предельно проста: поскольку речь шла об организации добровольного общества, оплату орграсходов следовало возложить на общественность⁶³. Впоследствии для создания материальной базы правительство РСФСР выделило ВООПИиК ссуду в 190 тыс. руб., которую Общество выплатило к началу 1970-х гг.⁶⁴ Примечательно, что к этой небольшой по меркам республиканского бюджета сумме, оформленной, кроме того, как долговое обязательство, члены ВООПИиК обращались в выступлениях на нескольких съездах Общества — ссуда рассматривалась как знак особого внимания со стороны правительства⁶⁵.

Структура доходов обществ охраны памятников в РСФСР и БССР также различались. Прежде всего, отметим ключевой аспект: аппарат ВООПИиК, призванный организовать всю работу Общества, содержался на собственные средства, в источниках нет свидетельств о выплате дотаций из правительственных средств.

62 См., например: Из Устава Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (худож. С. В. Галкин). Волгоград: РИО Упрполиграфиздата, 1980. С. 1. Документы наглядной агитации (плакаты, листовки), подготовленные и изданные областным отделением ВООПИиК, см.: Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО). Ф. Р-6911. Оп. 3. Д. 131.

63 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 27.

64 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 37-38.

65 Там же. С. 37; Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 39.

Для российского Общества главными источниками получения средств в конце 1960-х — середине 1970-х гг. были членские взносы, добровольные пожертвования во Всероссийский фонд охраны памятников и доходы от продукции предприятий, находившихся в ведении ВООПИиК. Судя по отчету 1977 г., представленному ревизионной комиссией III съезду ВООПИиК, самые значительные средства Общество получало от коллективного членства (3,6 млн руб. в 1971 г., 4,1 млн руб. в 1976 г.)⁶⁶, вторым пунктом шли перечисления от добровольных взносов во Всероссийский фонд охраны памятников (2,8 млн руб. в 1971 г., 2,2 млн руб. в 1976 г.)⁶⁷. В середине 1970-х гг. доход от индивидуальных членских взносов, за сбор которого впоследствии так боролись все отделения ВООПИиК, составлял лишь третью статью доходов. При этом в ВООПИиК понимали, что рост этой статьи сам по себе был связан с ростом организации, увеличившейся за пять лет почти в два раза (с 7 млн человек в 1972 г. до 12,2 млн человек в 1977 г.)⁶⁸. Определенный доход приносили и несколько хозрасчетных предприятий: к 1971 г. ВООПИиК принадлежали производственно-художественные мастерские в Москве, Ростове, Туле, Перми, Брянске, Волгограде и Уфе, а также два сувенирных магазина в Москве и Суздале⁶⁹.

Созданный после Учредительного съезда ВООПИиК Фонд охраны памятников истории и культуры, который должен был пополняться за счет добровольных взносов граждан и организаций⁷⁰, первоначально вызывал огромный интерес. Еще в 1966 г. В. И. Кочемасов, представлявший идею в ЦК КПСС, говорил о том, что «общественность широко откликается» на подобную инициативу, приводя в пример обращения оперного певца И. С. Козловского и балетмейстера И. А. Моисеева,

66 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 41.

67 Там же. С. 41.

68 Там же. С. 42.

69 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 38.

70 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 4-6.

предлагавших организовать концерты с целью сбора средств для Фонда⁷¹.

В октябре 1966 г. информация об учреждении Фонда охраны памятников истории и культуры была опубликована на первой странице «Советской культуры»⁷². Рассказывая читателям, что Фонд «даст дополнительные средства для возрождения всех памятников истории и культуры, для приведения их в должный порядок», статья призывала советских граждан переводить деньги на соответствующий номерной счет Госбанка СССР или приносить их в Московскую городскую контору Госбанка на Неглинной, 12. Запрос на публикацию информации о создании Фонда охраны памятников истории и культуры был послан в «Советскую Россию» и ТАСС⁷³. Возможность получения добровольных взносов от юридических лиц и советских граждан была зафиксирована в уставе ВООПИиК⁷⁴.

В первое время объем средств, поступавших в Фонд охраны памятников истории и культуры, стремительно рос. Материалы II съезда ВООПИиК фиксируют, что поступления в Фонд от отдельных граждан и организаций в 1967 г. составили 80 тыс. руб., в 1968 г. — 214 тыс. руб., в 1969 г. — 460 тыс. руб., в 1970 г. — 705 тыс. руб. В 1971 г. в Фонд поступила сумма, в четыре раза превышающая собранную в предшествующем году; она составила рекордные 2 млн 882 тыс. руб.⁷⁵ По сути, между 1969 и 1971 гг. запрос на деятельность Фонд был колоссальным. Интересно, что впоследствии упоминание Фонда

71 Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965-1967 гг./под ред. А. Н. Артизова. М.: ИстЛит, 2020. С. 85.

72 Советская культура. 1966 г. № 117 (1 октября). С. 1; ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 5.

73 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 2-6.

74 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 9. Аналогичные позиции были зафиксированы и в уставных документах БДООПИиК (Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 17).

75 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 42.

как такового исчезло из документов ВООПИиК. Очевидно, однако, что частные пожертвования продолжали поступать. С середины 1970-х гг. в отчетных материалах Центрального совета ВООПИиК начинает появляться формулировка «добровольные взносы». При этом последние всегда составляли значительную сумму, часто превышающую доход от индивидуальных членств⁷⁶. Так, доход Общества в 1975 г. стоял из 4,1 млн руб. коллективных взносов, 2,3 млн руб. добровольных взносов, 1,8 млн руб. индивидуальных взносов и 502 тыс. руб., полученных от хозяйственной деятельности⁷⁷.

Идея заработка на производстве и продаже сувениров, которую членам ВООПИиК предложили в ЦК КПСС⁷⁸, довольно быстро провалилась. Созданные под контролем Общества в конце 1960-х гг. экспериментальные производства на хозрасчетной основе⁷⁹ быстро продемонстрировали свою неэффективность. Доходы от предприятий ВООПИиК вскоре начали резко снижаться — доход от производственной деятельности между 1971 и 1976 г. упал вдвое (с 1,4 млн руб. до 721 тыс. руб. соответственно). В Центральном совете ВООПИиК, члены которого беспокоились также о том, что ни один вид продукции, произведенной в их мастерских, не был удостоен «Знака качества», подобный провал объясняли нежеланием внедрять передовые достижения науки и нарушением дисциплины⁸⁰. Попытки наладить работу предприятий ВООПИиК посредством создания в 1971 г. Управления производственных предприятий при Центральном совете ВООПИиК не увенчались успехом. План наладить торговлю сувенирами также не был реализован — запланированное открытие новых магазинов так и осталось на бумаге.

76 См., например: ГА РФ.Ф. А-639. Оп. 1. Д. 461. Л. 3-4; Ф. 639. Оп. 1. Д. 676. Л. 91.

77 ГА РФ.Ф. А-639. Оп. 1. Д. 461. Л. 3.

78 Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965-1967 гг. С. 85.

79 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 38.

80 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 43.

И хотя на съезде ВООПИиК в 1977 г. звучали слова о том, что предприятия Общества «стали рентабельными»⁸¹, закрывать мастерские начали годом ранее, когда прекратили существование производства в Пскове и Брянске⁸². В начале 1980-х гг. принадлежащие ВООПИиК производственные предприятия были переданы в другое ведомство или закрыты. В ведении Общества осталась лишь Ростовская экспериментально-художественная мастерская⁸³.

Структура доходов БДООПИиК была существенно проще. Прежде всего, система содержания аппарата Общества была увязана с получением государственных средств — БДООПИиК был обеспечен в этом отношении ассигнованиями от республиканского правительства. Так, согласно Постановлению Совета Министров БССР, в 1974 г. на финансирование аппарата БДООПИиК было заложено 206 тыс. руб., что было больше, чем бюджет, отведенный на аппарат Гостелерадио БССР (199 тыс. руб.), в четыре раза больше средств, выделяемых Союзу писателей БССР (49 тыс. руб.), и в восемнадцать раз больше средств на аналогичную статью расходов, связанную с деятельностью Союза композиторов БССР (11,6 тыс. руб.)⁸⁴.

При этом подобный финансовый вклад был систематическим. Согласно Постановлению Совета Министров БССР «О Государственном пятилетнем плане развития Народного хозяйства Белорусской ССР на 1976-1980 гг.», выплаты в фонд заработной платы БДООПИиК поступали ежегодно. На 1976 г. правительство БССР предполагало выделить бюджет в 241 тыс. руб., а к 1980 г. цифры должны были достигнуть 254 тыс. руб.⁸⁵

Судя по имеющейся у нас информации, у белорусского Общества не было ни предприятий, ни отдельного республиканского

81 Там же. С. 43.

82 ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Предисловие. С. 4-5.

83 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 38-41; Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 41-43; ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. С. 4-5.

84 НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 4237. Л. 51-52.

85 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 100. Л. 1.

фонда для сбора средств от инициативных граждан и организаций⁸⁶. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. главную статью доходов Общества составляли выплаты от коллективных членств⁸⁷, а финансовая стабильность местных отделений обеспечивалась, как уже упоминалось, сохранением доходов от локальной активности⁸⁸. Очевидно, что административно-финансовая модель БДООПИиК, ориентированная на государственные средства, оказалась более устойчивой, нежели ориентация ВООПИиК на сбор средств «всем миром» и развитие экспериментального производства.

Отметим и существенные различия в рамках категории «расходы». С начала создания и вплоть до середины 1970-х гг. ВООПИиК ежегодно тратил на реставрацию и консервацию памятников 6-7 млн руб.⁸⁹ Траты БДООПИиК на реставрацию за этот же период были существенно меньше — от 80 до 225 тыс. руб. ежегодно⁹⁰. Иными словами, расходы БДООПИиК на реставрацию были в десятки раз меньше, чем аналогичные траты ВООПИиК. При этом, как отмечалось выше, в отношении обсуждения бюджета на реставрацию члены БДООПИиК и представители партийных и государственных структур БССР смогли выстроить коммуникацию и зачастую действовали исходя из единого понимания задач и интересов республики.

Региональный аспект: Орел и Гродно

Не менее информативны и материалы, фиксирующие распределение средств ВООПИиК и БДООПИиК на региональном уровне, а именно приходно-расходные сметы областных отделений. Продуктивнее всего рассмотреть этот аспект в сопоставительной

86 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15.

87 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 12, 22.

88 За 1967 г. Гродненское отделение БДООПИиК заработало 31010 руб. (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 22).

89 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 44.

90 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 94. Л. 27.

перспективе, сравнив территории, схожие по численности населения, например Орловскую область РСФСР и Гродненскую область БССР. По переписи 1970 г., в первой из них проживало 929 тыс., а во второй — 1,07 млн человек⁹¹. Приведенные ниже данные отражают ситуацию за период 1967-1968 гг.

Таблица 1.

**Сметы Орловского областного отделения ВООПИиК
и Гродненского областного отделения БДООПИиК
Приходная часть (1967-1968 гг.)**

	Орловское областное отделение ВООПИиК (1967 г.) ⁹²	Гродненское областное отделение БДООПИиК (1968 г.) ⁹³
Численность персонала	8 чел.	3 чел.
Статьи расходов		
1. Административно-управленческие расходы		
Зарплата	8300	3240
Расходы на командировки	400	1300
Прочие расходы Из них:	1900	1791
начисление по соцстраху	370	162
канцелярские расходы	300	150
почтово-телеграфные расходы, телефон, радио	330	600

91 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М: Статистика, 1972. С. 10, 20.

92 ГАОО. Р-3638. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-3.

93 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 9-10, 22-24.

содержание и текущий ремонт помещений	200	100
приобретение инвентаря	360	400
газеты	50	50
разъезды по городу	50	29
печатные материалы ⁹⁴	240	300
Итого	10333	6331
2. Организационные расходы		
Организация конференций, совещаний, пленумов, семинаров	150	500
Итого	150	500
3. Расходы на премирование	310	162
4. Соцбытовые расходы	500	259
5. Поощрение казначеев	500	250
6. Расходы на пропаганду и работу секций и комиссий		
Из них:		
составление программ, текстов лекций, методических пособий и других материалов	0	150
проведение массовых кампаний	0	100
проведение лекций и консультаций	0	100
расходы по выставкам	100	200
расходы на проведение работ с секциями и комиссиями	100	100
расходы на издательство	2000	150
прочие	100	0
Итого	2300	800

94 Имеется в виду оплата работы машинисток (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 23).

Как видно из приведенных в таблице данных, в конце 1960-х гг. Орловское отделение ВООПИиК было более чем в 3 раза крупнее Гродненского отделения БДООПИиК. И это при том, что Гродненская область БССР по численности населения была даже несколько больше Орловской области РСФСР.

Это отражало общую тенденцию: аппарат добровольных обществ в России был больше, чем в Белоруссии. В литературе приводятся данные, согласно которым в конце 1960-х гг. численность всего аппарата БДООПИиК не превышала 27 человек⁹⁵. Отметим: в это время с точки зрения неформального статуса Гродненское областное отделение фактически замыкало цепочку региональных отделений БДООПИиК — в Центральный совет оно перечисляло средств меньше, чем Брестский, Витебский, Гомельский, Могилевский и Минский областные советы⁹⁶.

Орловское отделение ВООПИиК выглядело иначе. Оно было одним из самых активных в первые годы существования Общества. В Орле к созданию организации по охране памятников истории и культуры призывали еще в 1960 г., т. е. задолго до появления республиканской структуры, а областное отделение было сформировано спустя всего три месяца после появления Постановления Совета Министров РСФСР об организации ВООПИиК⁹⁷. Вовлеченность населения в работу Общества здесь также была очень высокой: всего через полтора месяца в одном только областном центре было создано 210 первичных организаций, а в состав Общества было рекрутировано 7 тыс. человек⁹⁸. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Орловский ВООПИиК выдвинул на рассмотрение пленумов ВООПИиК несколько круп-

95 Пастернак А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 346. В аппарате Минского городского отделения, считавшегося равным по статусу областным структурам, также работало 3 человека (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 5. Л. 2).

96 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 5.

97 ГАОО. Ф. Р-3638. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-18.

98 ГАОО. Ф. Р-3638. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

ных региональных проектов, таких как упоминавшийся выше туристический маршрут по усадьбам русских писателей (Ясная Поляна, Мелехово, Поленово, Спасское-Лутовиново) и создание мемориального пространства, обращенного к памяти о Великой Отечественной войне, прежде всего событиям на Курской дуге⁹⁹.

Данные, представленные в таблице 1, отражают несколько тенденций, среди которых по крайней мере три кажутся значимыми для нашего анализа. Во-первых, при сопоставимости заработной платы, приходящейся на одного сотрудника аппарата, очевиден разрыв между выплатами другого рода или даже отсутствие последних для жителей РСФСР. Так, расходы на премирование, исчисленные в Гродно в 162 руб. на 3 человек, в Орле обозначены суммой в 310 руб. на 8 человек, а значит, российские сотрудники получали премии на треть меньше, чем члены белорусского Общества. Неравным образом распределялись суммы на поощрение казначеев и оплату работы машинисток¹⁰⁰. Кроме того, как видно из таблицы, в Орловской области не платили за составление программ, текстов лекций, методических пособий, проведение лекций и консультаций и даже за организацию массовых мероприятий. При этом документы региональных отделений ВООПИиК показывают, что такого рода материалы производились в огромном количестве¹⁰¹. В Гродненской области все эти позиции относились к оплачиваемой работе.

99 Материалы IV пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1971. С. 97; О задачах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: Материалы V пленума Центрального совета общества. С. 13. Подробнее о деятельности Орловского ВООПИиК см.: Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». С. 212-217.

100 Помимо статьи бюджета «Печатные материалы» на оплату работы машинисток из нештатных фондов в Гродненской области выделялось 300 руб., а в Орловской — 240 руб. (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 23; ГАОО. Р-3638. Оп. 1. Д. 17. Л. 2).

101 Выпуск подобных материалов всегда входил в годовые планы работы городских и областных отделений ВООПИиК (см., например: Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. П-5265. Оп. 2.

Во-вторых, обращает на себя внимание явный дисбаланс в распределении средств, выделяемых на поддержание коммуникации разного рода. Так, суммы в графе «Прочие расходы» (в составе административно-управленческой части бюджета), т. е. траты на почтовые отправления, телефон, газетную и журнальную подписку, приобретение инвентаря, перемещения по городу и пр., оказываются сопоставимы: 8 сотрудников в РСФСР тратили на это 1900 руб., а 3 сотрудника в БССР — 1791 руб. При этом статья, связанная с почтово-телеграфными расходами (включая телефон), в Гродненской области в 2 раза превышала аналогичную статью расходов у орловчан. Кроме того, сотрудники регионального отделения БДООПИиК имели существенно бóльшие средства на организацию конференций, совещаний, пленумов и семинаров — в 1967 г. им было выделено 500 руб. из основного бюджета и 100 руб. из так называемых нештатных фондов. Упомянутое отделение в ВООПИиК имело на эти расходы всего 150 руб. в год. Еще более показательна огромная разница в бюджете на командировки: орловчане получали на поездки в год 400 руб., тогда как члены Гродненского отделения БДООПИиК — 1300 руб.

В-третьих, структура бюджета и некоторые пометы в тексте демонстрируют особый уровень давления на представителей ВООПИиК. Например, в документах Орловского отделения за 1967 г. в графе «Расходы на командировки» стояла строгая приписка — «в пределах утвержденного лимита». Очевидно, что от орловчан, как и от гродненцев, ожидали соответствия предписанным стандартам и нормативам, однако лишь первые — при скудном бюджете на командировки — оказывались одновременно встроенными в дисциплинирующую парадигму¹⁰². При сопоставлении

Д. 10. Л. 3; ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 7. Л. 9), а также отчеты Центрального совета (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 461. Л. 8).

102 Показательно, что в докладах ревизионной комиссии ВООПИиК в 1977 г. фигурировало указание на то, что все расходы по командировкам фиксируются до копейки (Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 46).

данных ВООПИиК и БДООПИиК бросается в глаза и указание на бюджет, выделяемый на издательскую деятельность: в Орле он оказывается в 13 раз выше гродненского (2000 руб. и 150 руб. соответственно). Можно предположить, что выделение столь серьезных средств требовало активной работы именно по указанному направлению, что в целом было далеко не самым быстрым способом донесения тех или иных воззрений до широкой публики. Кроме того, это структурировало активность отделения определенным образом, ограничивая возможности выбора сферы для приложения усилий.

В целом бюджеты Орловского отделения ВООПИиК и Гродненского отделения БДООПИиК демонстрируют, что в части получения заработка и дополнительных стимулов маленькое белорусское отделение находилось в значительно более устойчивом положении, нежели в три раза более крупное российское. При этом система финансирования была устроена таким образом, что члены БДООПИиК имели несопоставимо лучшие по отношению к российским коллегам возможности коммуникации — начиная от телефонных переговоров и командировок и заканчивая организацией публичных мероприятий. Они также были более свободны от риторики дисциплинарного давления и обладали большей акторностью при выборе траектории развития того или иного проекта.

Отметим, кроме того, что число сотрудников аппарата БДООПИиК с течением времени последовательно увеличивалось, прежде всего за счет внештатных, или, выражаясь словами источника, «нештатных», сотрудников, бюджет на выплаты которым появился уже в 1970-е гг. В начале десятилетия число таких работников составило 25% от всего аппарата БДООПИиК¹⁰³. В это же время в БДООПИиК развернулась активная борьба за повышение премиального фонда¹⁰⁴. Росло и благосостояние белорусского

103 БГАНТД. Ф. 297. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 31. Л. 1.

104 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 68. Л. 3.

общества: в первой половине 1970-х гг. у БДООПИиК появились средства на приобретение библиотек¹⁰⁵, на балансе областных отделений уже значились автомобили и т. д.¹⁰⁶ При этом приходно-расходные сметы БДООПИиК демонстрируют, что отделения зачастую не справлялись с задачей расходования средств, заложенных на дополнительные расходы¹⁰⁷.

В документах ВООПИиК ничего подобного мы не увидим. Объем выделяемых средств в первой половине 1970-х гг. оставался крайне скромным, а уровень коммуникации ограничивался, как правило, территорией конкретной области. Вместе с тем документы Общества демонстрируют устойчивое стремление к снижению затрат на содержание аппарата. Слова здесь не расходились с делом: на II съезде Общества в 1972 г. Центральная ревизионная комиссия рапортовала о резком снижении расходов на административно-хозяйственные затраты — с 60% от всех расходов в 1967 г. до 27% в 1971 г.¹⁰⁸

Материалы, отложившиеся в фондах ВООПИиК, демонстрируют, что в последующие полтора десятилетия творческая инициатива, столь очевидная для конца 1960-х гг., постепенно исчезла. Для областных отделений российского Общества значительная часть работы оказалась смещена в сторону обсуждения сбора взносов и планового рекрутирования новых членов. Уже к началу 1970-х г. отток административных кадров в ВООПИиК составлял 20-25% в год¹⁰⁹. Отметим, завершая разговор о положении областных отделений обществ охраны, что ни один из предложенных орловцами проектов не получил поддержки. Ситуация в БДООПИиК в это время была достаточно стабильна — столь

105 БГАНТД. Ф. 297. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 49. Л. 10.

106 В 1974 г. на балансе Гомельского областного совета БДООПИиК стоял автомобиль «Москвич-412», купленный за 1700 руб. (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 75. Л. 112).

107 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 75. Л. 13.

108 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 43.

109 Там же. С. 38.

характерные для местных отделений ВООПИиК дебаты относительно неуплаты членских взносов и невыполнения плановых показателей не превратились здесь в доминирующий нарратив¹¹⁰.

В целом сопоставление ВООПИиК и БДООПИиК демонстрирует неравные условия, созданные для реализации целей организаций: в РСФСР по сравнению с БССР административных и финансовых ресурсов, а значит, и возможностей влияния на процесс принятия решений было крайне мало. Неудивительно поэтому, что в 1970-е гг. в документах ВООПИиК центральных областей РСФСР часто сквозит апатия и нежелание вовлекаться в какие бы то ни было процессы по продвижению реальной повестки, связанной с охраной историко-культурного наследия¹¹¹. В БДООПИиК, напротив, была сформирована вполне рациональная система, в которой стабильность обеспечивалась поступлениями средств из госбюджета республики, а мотивация членов зиждилась на понимании значимости собственных действий, достижимости результата и уверенности в собственном праве на получение поддержки на самом высоком уровне¹¹².

110 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 80.

111 См., например, план и отчеты о работе городского отделения ВООПИиК: ГАИО. Ф. П-5265. Оп. 2. Д. 22.

112 Стоит заметить, что ситуация подобного неравенства не была секретом для членов ВООПИиК. В публикациях, на съездах и пленумах, при упоминании печальной участи памятников на территории РСФСР, ситуация часто сравнивалась не с капиталистическими странами и даже не со «странами народной демократии», а с другими советскими республиками. П.П. Ревякин, выступая на III пленуме ВООПИиК 19 октября 1970 г., отметил большие трудности при включении городов РСФСР в ограниченный перечень 115 исторических городов, подчеркнув, что «на Украине утвержден список 300 исторических городов, реконструкция которых должна проводиться на основе особой методики» (Материалы III пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1971. С. 14).

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что созданная в СССР в послевоенный период сеть добровольных обществ защиты памятников представляла собой систему распределения ресурсов. Без сомнения, неотъемлемой частью новых институций был механизм, нацеленный в широком смысле слова на регуляцию публичного высказывания, однако функционирование такого механизма серьезно варьировалось от республики к республике. Ключевым звеном здесь оказывались социально-экономические условия, в которых обнаруживали себя такие, казалось бы, одинаковые по форме структуры. Все вышесказанное объясняет также отсутствие реальных усилий по созданию единого — общесоюзного — Общества охраны памятников истории и культуры и свидетельствует о том, что зафиксированные в исследовательской литературе по отношению к 1920–1930-м гг. практики «позитивной дискриминации»¹¹³ обретали новые формы в 1960–1970-е гг.

Литература

1. Банных М. П. Участие общественности в деятельности исполкомов местных Советов. М.: Юрид. лит., 1972. 152 с.
2. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
3. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Всесоюзный/Всероссийский: нереализованный проект создания Общества охраны памятников СССР // Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960–1990-х гг./под общ. ред. Г. А. Янковской. Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2023. С. 53–68.
4. Голотин И. В. Государственная политика в области

113 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

охраны памятников истории и культуры в 1953-1985 гг. (по материалам Ярославской области). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2011. 23 с.

5. Голубев А. В. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953–1985). Сборник статей/под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219-253.

6. Душкина Н. О. К 40-летию со дня основания ИКОМОСа. Международные доктрины ИКОМОСа и отечественная практика сохранения наследия // Реставратор. 2006. № 1(10). С. 18-22.

7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.

8. Мельникова Е. А. Интеллигенция как событие: валаамское наследие и его хранители в позднем СССР // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 181-220.

9. Неплюев П. А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 58(3). С. 79-93.

10. Пастернак А. М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г.: в 2 т. Витебск, 2014. Т. 1. С. 345-346.

11. Deschepper J. Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 55. № 5. P. 491-506.

12. Donovan V. “How Well Do You Know Your Krai?” The Kraevedenie revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. № 3. P. 464-483.

13. Donovan V. *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press, 2019. 246 p.

14. Gapova E. “The Land under the White Wings”: The Romantic Landscaping of Socialist Belarus // *Rethinking Marxism*. 2017. Vol. 29. № 1. P. 173-198.

15. Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918-1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 413 p.

16. Kelly C. *The Leningrad Affair. Remembering the Communist Alternative in the Second Capital* // *Slavonica*. 2011. Vol. 19. №9. P. 103-122.

17. Mijnsen I. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 332 p.

18. Pattle Sh. *Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union* // *The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. № 2. P. 283-309.

19. Qualls K. D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press, 2010. 214 p.

References

1. Bannyh, M. P. (1972) *Uchastie obshhestvennosti v deyatel'nosti ispolkomov mestnyh Sovetov* [*Public Participation in Executive Committees of Local Councils the Activities*]. Moscow: Yurid. lit.

2. Boltunova, E. M., Egorova, G. S. (2022) *Territoriya i istoriya: pozdnesovetskie proekty “Goroda-geroi” i “Zolotoe kol'tso”* [*Territory and History: Late Soviet projects “Hero Cities” and “Golden Ring”*]. Moscow: Kuchkovo pole.

3. Boltunova, E. M., Egorova, G. S. (2023) “Vsesoyuzniy/Vserossiyskiy: nerealizovanniy proekt sozdaniya Obshhestva ohrany pamyatnikov SSSR” [“All-Union/All-Russian: Unrealized Project of the Soviet Society for Monuments’ Protection”], in *Pravila igry na obshhestvennykh nacha-*

lah. *Vlast' i dobrovol'nye obshhestvennye organizatsii v SSSR 1960-1990-x gg.*/ed. by G. A. Yankovskaya) [*Rules of the Game on Voluntary Basis. Power and Voluntary Public Organizations in the USSR in the 1960s — 1990s*/ed. by G. A. Yankovskaya]. Perm': Izdatel'skiy tsentr Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta, pp. 53-68.

4. Deschepper, J. (2019) “Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage”, *International Journal of Heritage Studies*, 5 (55), pp. 491-506.

5. Donovan, V. (2015) “‘How Well Do You Know Your Krai?’ The Kraevedenie revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia”, *Slavic Review*, 3 (74), pp. 464-483.

6. Donovan, V. (2019) *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press.

7. Dushkina, N. O. (2006) “K 40-letiyu so dnya osnovaniya IKOMOSa. Mezhdunarodnye doktriny IKOMOSa i otechestvennaya praktika sohraneniya naslediya” [“On the 40th Anniversary of the Founding of ICOMOS. The International Doctrines of ICOMOS and the Domestic Practice of Heritage Preservation”], *Restavator*, 1 (10), pp. 18-22.

8. Gapova, E. (2017) “‘The Land under the White Wings’: The Romantic Landscaping of Socialist Belarus”, *Rethinking Marxism*, 1 (29), pp. 173-198.

9. Golotin, I. V. (2011) *Gosudarstvennaya politika v oblasti ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1953-1985 gg. (po materialam Yaroslavskoy oblasti)* [*State Policy in the Field of Protection of Historical and Cultural Monuments in 1953-1985 (Case Study: Yaroslavl region)*]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Yaroslavl'.

10. Golubev, A. V. (2018) “Zapadnyy nablyudatel' i zapadnyy vzglyad v affektivnom menedzhmente sovetskoy subjektivnosti” [“The Western Observer and the Western View in the Affective Management of Soviet Subjectivity”], in *Posle Stalina. Pozdnesovetskaya subjektivnost' (1953–1985). Sbornik statey*/ed. by A. Pinskiy. [*After Stalin. Late Soviet subjectivity (1953–1985). Collection of Articles*/ed. by A. Pinskiy]. St. Pe-

tersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 219-253.

11. Kelly, C. (2016) *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918-1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

12. Kelly, C. (2011) "The Leningrad Affair. Remembering the Communist Alternative in the Second Capital", *Slavonica*, 9 (19), pp. 103-122.

13. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939* [*The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*]. Moscow: ROSSPEN.

14. Mel'nikova, E. A. (2023) "Intelligentsiya kak sobitie: valaamskoe nasledie i ego hraniteli v pozdnem SSSR" ["Intelligentsia as an Event: the Valaam Heritage and its Keepers in the late USSR"], *Ab Imperio*, 1, pp. 181-220.

15. Mijnsen, I. (2021) *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press.

16. Neplyuev, P. A. (2022) "Publichnaya istoriya 'po-sovetski'. Regionalnye otdeleniya Vserossiyskogo obshhestva ohrany pamyatnikov istorii i kultury: 'byurokraticheskie pravila igry' i istoriko-kul'turnyy aktivizm" ["Public History 'in Soviet Way'. Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: 'Bureaucratic Rules of the Game' and Historical and Cultural Activism"], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 3 (58), pp. 79-93.

17. Pasternak, A. M. (2014) "Stanovlenie Belorusskogo dobrovol'nogo obshhestva ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury" ["The Formation of the Belarusian Voluntary Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments"], in *Nauka — obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy XIX (66) Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, nauchnih sotrudnikov i aspirantov Vitebsk, 13-14 marta 2014 g* [*Scholarship for Education, Production, Economics: Materials of the XIX (66) Regional Research and Practical Use Conference of*

educators, scholars and graduate students, Vitebsk, March 13-14, 2014]. Vol. 1. Vitebsk, pp. 345-346.

18. Pattle, Sh. (2018) “Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union”, *The Slavonic and East European Review*, 2 (96), pp. 283-309.

19. Qualls, K. D. (2010) *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press.

Владислав Боярченков

Рецензия на книгу:
**Kaplan V. Historians and Historical Societies
in the Public Life of Imperial Russia.
Bloomington and Indianapolis:
Indiana University Press, 2017. XIII, 316 p.¹**

Боярченков Владислав Викторович, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

[*vboyarchenkov@hse.ru*](mailto:vboyarchenkov@hse.ru)

Boyarchenkov Vladislav Viktorovich, PhD (History), Leading Researcher Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

[*vboyarchenkov@hse.ru*](mailto:vboyarchenkov@hse.ru)

Путь к этой книге, как это часто бывает у историков, начался в архиве, где Веру Каплан заинтриговало внушительное по размерам собрание материалов, относящихся к деятельности Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (далее — ОРРИП). Неожиданные роли, в которых выступили на листах этих рукописей известные представители сановного Петербурга — поэт и придворный Арсений Голенищев-Кутузов, последний владелец Фонтанного дома Сергей Шереметев, будущий министр внутренних дел Дми-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

трий Сипягин, а также выступавший в качестве их неофициально-го советчика бывший народоволец москвич Лев Тихомиров; откровенно консервативные убеждения, сочетающиеся с готовностью забыть о сословных, гендерных и иных социальных разграничениях, когда дело касалось членов их добровольной организации; власть и общество, режим взаимодействия которых никак не укладывался в привычную схему, подразумевающую давление сверху и сопротивление снизу, — это и многое другое побудило автора обратиться к изучению многообразного и почти не исследованного мира исторических обществ Российской империи.

Несомненное достоинство рецензируемой работы заключается в том, что исследовательница помещает свой анализ в самую гущу современных теоретических споров о природе социального в императорской России, принимая во внимание результаты дискуссии, вызванной публикацией английских переводов знаменитых трудов Р. Козеллека² и особенно Ю. Хабермаса³ о публице и публичной сфере. Можно только приветствовать стремление В. Каплан рассматривать российские исторические добровольные организации как фрагмент картины повсеместно открывавшихся на добровольной основе обществ и прочих институций (только официально признанных властями из них к концу имперского периода насчитывалось порядка 10 тыс.), которая, в свою очередь, сама была частью более обширного феномена «века ассоциаций», все более притягивающего к себе взоры исследователей в последние десятилетия. С возвращением исследовательского интереса к осмыслению этого феномена⁴ правомерно рассчитывать на ревизию самооче-

- 2 Koselleck R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988.
- 3 Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.
- 4 Bradley J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале

видных еще недавно представлений о незрелости в дореволюционной России гражданского общества в условиях тотального доминирования со стороны государства⁵.

В поисках языка, который позволил бы произвести эту ревизию и адекватно описать реалии «века ассоциаций», Каплан обоснованно возражает против попыток трактовать русский термин того времени *общественность* с его неустранимыми либеральными коннотациями как эквивалент публичной сферы в хабермасовском смысле. Многие добровольные ассоциации, как то же ОРРИП, занимали настолько явные антилиберальные позиции, что рассмотрение их как элемента общественности чревато радикальной переконфигурацией референтных рамок. Понятие общества со всей неустойчивостью его семантики на протяжении XIX в. представляется исследовательнице более пригодным для решения этой задачи⁶. В целом этот вывод соответствует наблюдениям О. Ю. Малиновой относительно употреблений понятий «общество» и «общественность» в рассматриваемую эпоху⁷. К сожалению, вопрос о том, каким потенциалом в свете наметившегося переосмысления проблемы гражданского общества обладает понятие *публика*, активно использовавшееся в России, по крайней мере, до начала «Великих реформ» (см. наделавший немало шуму в свое время фельетон Константина Аксакова 1857 г. «Публика — народ»⁸), не стал в книге предметом обсуждения.

XX в./отв. ред. А. С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

5 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 4.

6 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 10-11.

7 Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 428-463.

8 [Аксаков К. С.] Опыт синонимов. Публика — народ // Молва. 1857. № 36.

Следует добавить, что история исторических обществ представляется Каплан интересной не только в контексте полемики о гражданском обществе в России, но еще и в перспективе «исторического пробуждения» образованного общества — процесса, в ходе которого изучение прошлого превращается в сферу публичной деятельности.

Структура книги вполне соответствует логике исходного замысла. В первой главе в качестве своеобразного пролога к истории исторических обществ предлагается обзор деятельности различных формальных и неформальных объединений вестернизированного слоя российского общества как одного из продуктов регулярного государства, созданного в петровское время. Такой фокус рассмотрения нельзя не признать удачным. Во всяком случае, столь разные по своим статусу, задачам и отношению к государственной власти институции, как «Ученая дружина» Ф. Прокоповича и Академия наук, Вольное экономическое общество и дружеские кружки дворянской молодежи, Российская академия и Московский университет, ставший во второй половине XVIII в. центром притяжения для самых разных культурных сил, включая масонов во главе с И. Г. Шварцем и А. И. Новиковым, не выглядят в изложении Каплан случайными и изолированными друг от друга единицами.

С одной стороны, это внутреннее родство можно объяснить ограниченным набором самих организационных форм, востребованных участниками первых добровольных ассоциаций, порой едва отличающихся поначалу от бюрократических учреждений и тесно опекаемых верховной властью. О другой стороне проблемы заставляет всерьез задуматься очень важная дискуссия двух историков Вольного экономического общества (далее — ВЭО), которую разбирает автор⁹. Яблоком раздора для них стал вопрос о том, как сочетался устремленный

9 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 39-40.

в будущее дискурс Просвещения с давно сформировавшимися в России культурными практиками, в основе которых лежали патернализм и персонализм, что наиболее ярко проявлялось в патрон-клиентских отношениях. Если К. Леки недвусмысленно заявлял, что груз традиций безусловно преобладал, то Дж. Бредли, напротив, настаивал, что институциональные практики и уставы общества породили новую социальность, которая стала парадигматичной для последующих вольных ассоциаций¹⁰.

Сама Каплан полагает, что, хотя заявленный в уставе ВЭО эгалитаризм и не был полностью достижим в реальной практике общества, он служил сигналом о некоем идеальном типе, на который ориентировались многие современники, в частности провинциалы, не охваченные столичными патронажными сетями, и который впоследствии стал моделью для других ученых обществ. При всей кажущейся компромиссности такой формулировки в указанной полемике автор явно на стороне Бредли. Однако, как представляется, ее аргументы не учитывают такую немаловажную и нередко болезненную для членов любой добровольной ассоциации проблему, как получение доступа и участие в последующем распределении ресурсов. Разве менее обоснованным выглядело бы предположение, что организаторов последующих ученых обществ вдохновлял не столько эгалитаризм устава ВЭО, сколько возможность использовать новые ресурсы для создания, расширения и укрепления своих патрон-клиентских сетей? Что же касается провинциалов, то не стало ли введение в уставы многих позднее созданных обществ разряда членов-корреспондентов без права голоса мерой нейтрализации возможных посягательств с их стороны на долю ресурсов, несоизмерную с занимаемым ими местом в этих сетях? Думается,

10 Lecky C. Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796 // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. № 2. P. 355-379; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. № 4. P. 1102-1106.

от ответов на эти вопросы во многом зависит и исход упомянутого спора.

Во второй главе автор имеет дело с обществами, посвятившими свои усилия изучению прошлого. Такая их специализация, ставшая вполне обычной для XIX в., отличает их от институций, ориентированных на синкретические модели знания, которые господствовали в предшествовавшем столетии, и находит свое объяснение в увлечении прошлым, охватившем интеллектуальную элиту Западной Европы, а затем и России. Правда, вопрос о том, как соотносятся механизмы и темпы этого «исторического пробуждения» (термин, заимствованный Каплан у Сюзан Крейн¹¹) с динамикой учреждения исторических обществ, остается открытым. Так, автор связывает факт членства в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, основанном в 1804 г., П. И. Страхова и Х. А. Чеботарева с историческими проектами новиковского Дружеского общества, участниками которого они были за четверть века до того¹². Между тем привлечение этих университетских профессоров — физики и географии соответственно — во вновь учреждаемое общество можно интерпретировать и как показатель крайне медленно растущего в Москве, несмотря на «историческое пробуждение», числа ученых, хоть сколько-нибудь интересовавшихся историей на рубеже XVIII–XIX вв.

В пределах одной главы Вера Каплан пытается проследить деятельность едва ли не всех добровольных ассоциаций, успешных так или иначе проявить себя на протяжении целого столетия, начиная от уже упоминавшегося московского Общества истории и древностей российских (далее — ОИДР) и заканчивая Историческими обществами при Петербургском и Московском универ-

- 11 Crane S. A. *Collecting and Historical Consciousness in Early Nineteenth-Century Germany*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000.
- 12 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 62.

ситетах, которые заявили о себе в последние десятилетия XIX в. И хотя предпринятые автором поиски ни в коем случае нельзя назвать напрасными, при знакомстве с текстом этой главы читатель поневоле будет чувствовать себя в положении путника, свернувшего с ровного шоссе на бездорожье. Причина такого положения вещей на поверхности: ни сами эти общества в большинстве своем, ни быстро меняющаяся институциональная и дисциплинарная среда, в условиях которой им приходилось действовать, не получили пока систематического освещения в литературе. Особенно эти затруднения автора бросаются в глаза при анализе деятельности ОИДР. Из всей более чем вековой истории этого долгожителя среди всех российских исторических обществ подробнее всего говорится о наименее продуктивном ее периоде — первом десятилетии существования, — который даже в 1840-е гг. самим членам общества представлялся «темным, как все начальные периоды Истории»¹³. Объяснение этому лежит на поверхности: единственный автор, попытавшийся написать историю ОИДР, — Нил Попов — не успел продвинуться в своем труде далее этого времени¹⁴.

Истолкование немногочисленных более поздних эпизодов из истории этого общества часто страдает поверхностностью и едва ли в состоянии помочь в понимании развития этого исторического объединения. Например, упоминая об инициативе Павла Строева организовать за счет ОИДР археографическую экспедицию, Каплан забывает добавить, что здесь требуемой поддержки она не получила и реализовалась в совсем иных институциональных рамках. Иначе чем недоразумением нельзя назвать указание автора на непрерывное председательство Строганова в ОИДР с 1837 по 1874 г.¹⁵ В действительности, как известно, Флетчерова история 1848 г., о которой вскользь говорится в этом очерке, по-

13 Барсуков М. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 418.

14 Попов Н. И. История Имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1884. Ч. 1.

15 Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P. 86-87.

влекла за собой отставку не только секретаря О. М. Бодянского, но и его патрона С. Г. Строганова. Их возвращение к своим должностям произошло лишь после восшествия на престол Александра II, через девять лет, которые отнюдь не были для ОИДР временем топтания на месте¹⁶. Можно только сожалеть и о том, что В. Каплан, как мало кто понимающая ценность учредительных документов добровольных ассоциаций, в данном случае ограничилась рассмотрением устава 1811 г., действовавшего на протяжении всего пяти лет, оставив без внимания почти все последующие модификации этого документа, а также бурные дебаты в обществе, их сопровождавшие. Привлечение этих материалов, несомненно, дало бы немало новой пищи для размышлений о том, в каком направлении и в какой мере менялось понимание социальной природы членства в исторических ученых обществах России на протяжении XIX в.

В чем позиция автора заслуживает полной поддержки, так это в готовности анализировать деятельность археологических обществ наряду с историческими. Конечно, говорить о синонимичности истории и археологии во времена, которым посвящена книга (как это делает В. П. Козлов¹⁷, с которым здесь солидарна В. Каплан), если и можно, то с очень большой натяжкой. Однако история как большой нарратив, мыслимый в ту пору чаще всего в формате многотомного издания, и изучение древностей в широком смысле, действительно, идут в России после Н. М. Карамзина рука об руку, образуя плохо поддающееся анализу неопределенное целое. Поэтому обращение к деятельности Русского и Московского археологического обществ, пусть и в виде лапидарных сообщений, представляется уместным в данном разделе. Вероятно, пояснять системообразующую роль изучения древностей в структуре занятий ученых обществ середины века соображе-

16 Боярченков В. В. «Секретарь антикварского сословия»: О. М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // Славяноведение. 2009. № 2. С. 91-102.

17 Козлов В. П. Российская археография конца XVII — первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. С. 258-259.

ниями В. С. Иконникова, которые относятся к концу столетия¹⁸, со стороны исследовательницы было несколько анахронистично: дисциплинарные границы между историей и археологией на протяжении этого периода могли меняться, причем неоднократно. Но здесь автор, скорее, заложник давно сложившейся в историографии ситуации, когда на ранние судьбы науки о древностях без особых оговорок проецируются дисциплинарные рамки, достигнутые археологией к началу XX в., а то и позднее.

На причины смены ориентации с археологии на историю в качестве дисциплины, интегрирующей исследователей прошлого, намекает хронологический маркер, просматривающийся, хотя и имплицитно, в повествовании Веры Каплан: увлечение древностями уступает место собственно историческим проектам по мере признания результатов «Великих реформ» как состоявшегося факта. В 1864 г. состоялось открытие Московского археологического общества — последней крупной институции подобного рода; спустя два года в Петербурге было основано амбициозное Русское историческое общество, у которого в скором времени появились подражатели. Такое совпадение вызывает вопросы: не стал ли этот переход к истории показателем снизившегося в последнюю треть XIX в. внешнего давления на общественные организации? И не был ли со стороны ученых обществ предшествующего времени уход в изучение древностей своеобразной демонстрацией лояльности в отношении власти, жестом отказа от притязаний на самостоятельную роль в организации большого нарратива, каковым и представлялась тогда история по преимуществу? Возможно, изучение дисциплинарного режима знания о прошлом в имперской России позволит ответить на эти вопросы. В дальнейших исследованиях нуждается и процесс профессионализации исторического знания: от их результатов зависит, в какой мере оправдаются предположения В. Каплан о большом положительном влиянии исторических

18 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 92.

обществ на становление профессии историка в России¹⁹. Без выработки отчетливых критериев оценки уровня профессионализации и специального анализа обширного фактического материала, который можно было бы соотнести с этими критериями, любые выводы на этот счет рискуют оказаться скороспелыми.

В относительно небольшой третьей главе речь идет, главным образом, о культурных проектах либеральной части российского общества и об активном участии историков в этой деятельности. На первый взгляд, этот раздел может показаться несколько неожиданным после того, как мы наблюдали исследователей прошлого в их специфической среде в предыдущей главе. Однако новый ракурс позволяет увидеть, насколько типичным для историков того времени было осознавать свою деятельность как общественное служение. Их активность находит свое выражение при реализации прагматичных проектов Санкт-Петербургского комитета грамотности и в деятельности Приютинского братства, вдохновленного утопическими идеалами, в решительных попытках заимствовать английский и американский опыт самообразования, осуществлявшихся под эгидой Русского технического общества и Общества распространения технического знания, и в лекциях, организованных в помощь пострадавшим от голода 1891-1892 гг. Не менее интересны и ценны рассуждения В. Каплан о том, какую печать эта практика общественного служения накладывала на «внутрицеховые» отношения историков. Так, в любопытном свете предстает фигура С. Ф. Платонова, никогда не претендовавшего на лидерство в стане интеллигенции, с академически безупречной репутацией и в то же время постоянно испытывавшего потребность в одобрении со стороны либеральной общественности²⁰.

Впрочем, в полной мере значение этого раздела раскрывается в контексте сюжета, некогда привлекшего внимание исследователей

19 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 137-138.

20 *Ibid.* P. 161-163.

довательницы к теме исторических добровольных ассоциаций, — истории ОРРИП, которой посвящена заключительная и самая большая глава монографии. Эта часть, интригующая читателя своим заголовком — неожиданным сочетанием консервативного активизма и поисков «полезной истории», пожалуй, стала самой большой удачей В. Каплан. И дело не только в масштабной работе с данными первоисточников, кропотливо собранными из разных архивохранилищ, но и, прежде всего, в представленной здесь возможности вслед за автором в деталях наблюдать за становлением исторического общества, в ходе которого возникали и получали то или другое разрешение проблемы как общие едва ли не для всех ученых обществ позднейшего периода Российской империи, так и весьма специфические, обусловленные особыми задачами, ради которых это общество и было создано в 1895 г. В. Каплан убедительно показывает, что в не самые простые для российского самодержавия годы открыто декларируемые консервативные идейные установки и глубокий монархизм основателей ОРРИП не мешали этому обществу в поисках собственной ниши среди давно осваивавших российское публичное пространство исторических ассоциаций, в попытках рекрутировать в свои ряды профессиональных историков и в успехе начинаний, направленных на популяризацию исторического знания в духе «русских начал».

Создание ОРРИП обоснованно соотносится автором со стремлением власти преобразовать комитеты грамотности в Российское общество ревнителей просвещения под руководством вел. кн. Константина Константиновича и перехватить тем самым у либеральной общественности каналы влияния на широкие массы. Несмотря на это, В. Каплан отказывается видеть в ОРРИП всего лишь негативную копию либеральных обществ²¹. Скорее, справедливо говорить о попытке предложить

21 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 187-189.

иной формат общественного деятеля — консерватора и националиста²². Направление деятельности этой организации на фоне количественного ее роста свидетельствует, по мнению автора, что консервативное ОРРИП расширяло и диверсифицировало публичное образовательное движение и поневоле подрывало доминирующие позиции государства в сфере образования²³.

В необходимости более сложной трактовки природы этого общества автора убеждает и анализ его программных документов. Так, провозглашаемое в уставе равенство действительных членов в задуманном режиме функционирования общества нейтрализовывалось советом, состоящим из двенадцати членов-основателей. Этот орган сосредоточивал в своих руках едва ли не все рычаги управления ОРРИП. Предлагавший такую модель устройства граф А. А. Голенищев-Кутузов в частной переписке признавал, что она была следствием усвоенных уроков из жизни других научных обществ, где со временем в руководство проникали нежелательные элементы. Примечательно, что внутреннюю жизнь этого всемогущего совета ни Кутузов, ни его единомышленники не собирались делать достоянием публики. Замечание В. Каплан, что намеченное в уставе устройство общества подошло бы политической организации в не меньшей степени²⁴, чем образовательной ассоциации (чего стоит хотя бы провозглашавшийся принцип единомыслия его членов!), невольно вызывает вопрос: не было ли оно своеобразной компенсацией за отсутствие доступа к публичной политике даже у таких правоверных монархистов, какими были «ревнителю исторического просвещения»?

В исследовании Веры Каплан можно найти свежие и интересные наблюдения о жизнеспособности дворянских ценностей в условиях внесословной просветительской организации на рубеже XIX-XX вв., о возможностях сохранения академических прин-

22 Ibid. P. 206.

23 Ibid. P. 204-205.

24 Ibid. P. 196.

ципов без полного отказа от политической ангажированности, о соотношении формальных практик и родственных, дружественных, патрон-клиентских связей и о многом другом. Завершается книга очень любопытным сопоставлением российской ситуации с американским опытом создания исторических обществ. В Соединенных Штатах процесс образования таких обществ берет свое начало даже несколько позднее, чем в России, на исходе XVIII в., но стремление к интеграции в работе американских историков обнаруживает себя существенно раньше. Уже в 1880-е гг. на национальном уровне начинает действовать Американская историческая ассоциация, чьи усилия объединяли представителей не только местных частных и государственных исторических обществ, но и университетов и чья координирующая роль в исторической науке в последующем только возрастала. В России же тенденцию к более тесному сотрудничеству исторических обществ между собой и с государственными учреждениями, хотя проявлявшуюся иногда и ранее, В. Каплан относит ко времени непосредственно накануне Первой мировой войны²⁵. Результаты сопоставления наводят на мысль о подводных камнях, препятствовавших этим процессам интеграции в России. ОРРИП, история которого подробно изложена в книге, предстает на ее страницах как организация, не испытывавшая заметной потребности во взаимодействии с другими учеными обществами, в координации с ними совместных проектов. Совсем не очевидно, что его руководство и члены воспринимали себя частью пусть и неоднородного, но общего целого — сети исторических учреждений, построенных на принципе добровольности. И ОРРИП не было здесь исключением: когда его руководители в 1915 г. обратились со скромным предложением о сотрудничестве к другим историческим обществам, эта инициатива не встретила сочувствия. Например, председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете генерал В. Г. Глазов, сам по убеждениям монархист и консерватор,

25 Ibid. P. 264-271.

в письме к казначею общества С. А. Белокурову с большим неодобрением отозвался о предложенном «ревнителями» проекте²⁶.

Опыт исследования ОРРИП, составляющий основное ядро книги В. Каплан, сполна искупает упомянутые отдельные недостатки работы и убедительно свидетельствует о том, как много интересных и неожиданных возможностей открывается перед историками, изучающими публичную сферу Российской империи вообще и сеть добровольных исторических ассоциаций в частности.

Литература

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. 688 с.
2. Боярченков В. В. «Секретарь антикварского сословия»: О. М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // Славяноведение. 2009. № 2. С. 91-102.
3. Козлов В. П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. 415 с.
4. Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 428-463.
5. Попов Н. И. История Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1884. Ч. 1. 249 с.
6. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в./отв. ред. А. С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 886 с.
7. Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. 2002. Vol. 107. № 4. P. 1094-1123.

26 Российский государственный архив древних актов. Ф. 184. Оп. 1. Д. 437. Л. 171-171 об.

8. Bradly J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009. 366 p.

9. Crane S.A. *Collecting and Historical Consciousness in Early Nineteenth-Century Germany*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000. 195 p.

10. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 301 p.

12. Koselleck R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. 204 p.

13. Leckey C. *Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796 // Slavic Review*. 2005. Vol. 64. № 2. P. 355-379.

References

1. Barsukov, N. P. (1878) *Zhizn' i trudy P. M. Stroeva [Life and Works of P. M. Stroev]*. Saint Petersburg.

2. Bradley, J. (2002) "Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia", *American Historical Review*, 107, 4, pp. 1094-1123.

3. Bradly, J. (2009) *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

4. Boiarchenkov, V. V. (2009) "‘Sekretar’ antikvarnogo sosloviia’: O.M. Bodianskiy v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-slavista" ["‘Secretary of the Antiquarian Estate’: O. M. Bodyansky at the Society of Russian History and Antiquities. On the 200th Anniversary of the Birth of the Slavic Scholar"], *Slavianovedenie*, 2, pp. 91-102.

5. Crane, S. A. (2000) *Collecting and Historical Consciousness*

in *Early Nineteenth-Century Germany*. Ithaca and London: Cornell University Press.

6. Habermas, J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

8. Koselleck, R. (1988) *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

9. Kozlov, V. P. (1999) *Rossiyskaia arkheografiia kontsa XVIII — pervoy chetverti XIX veka* [*Russian Archeography of the late 18th — first Quarter of the 19th Century*]. Moscow: Rossiyskii gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.

10. Leckey, C. (2005) “Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796”, *Slavic Review*, 64, 2, pp. 355–379.

11. Malinova, O. Yu. (2012) “Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii serediny 19 — nachala 20 veka: Otrazhenie v poniatiiakh praktik publichnoy kommunikatsii i obshchestvennoy samodeiatel'nosti” [“Society, Public, Obshchestvennost' in Russia in the mid-19th — early 20th Centuries: Reflection in the Concepts of Public Communication Practices and Public Initiatives”], in *Poniatiiia o Rossii”: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. Tom 1* [“Concepts of Russia”: Towards the Historical Semantics of the Imperial Period. Vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 428–463.

12. Popov, N. (1884) *Istoriia Imperatoskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Chast' I (1804–1812)* [*History of the Imperial Moscow Society of History and Antiquities of Russia. Part I (1804–1812)*]. Moscow.

13. *Samoorganizatsiia rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX vv.*/ed. by A. S. Tumanova [*Self-Organization of the Russian Obshchestvennost' in the last third of the 18th — early 20th Centuries*]/ed. by A. S. Tumanova] (2011) Moscow: ROSSPEN.

Антон Лаптев

Рецензия на книгу:
Булдаков В. П. Страсти революции:
Эмоциональная стихия 1917 года.
М.: Новое литературное обозрение, 2024
(электронная версия)¹

Лаптев Антон Константинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
aklaptev@hse.ru

Laptev Anton Konstantinovich, PhD (History), Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).
aklaptev@hse.ru

Сейчас в исторических исследованиях очевиден запрос на поиск методологических подходов, позволяющих описать события прошлого с новой стороны. Одним из таких направлений выступает история эмоций. Историки обращаются к рассмотрению эмоциональности и эмоциональных нарративов по крайней мере с 1980-х гг. Однако при этом они сталкиваются с проблемой неопределенности самого понятия «эмоция». В этом споре об эмоциях долгое время выделялись два основных направления: универсализм (эмоции универсальны) и социальный конструктивизм (эмоции конструируются социальной

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

средой)². Интересную метафору в этом отношении предложил Ян Плампер: он сравнил историка, обращающегося к категории «эмоция», с канатоходцем, балансирующим между двумя подходами, указав, таким образом, на отсутствие устойчивости в предметном поле³. Все это описывает и главную проблему направления — риск интерпретационной перегруженности, явное или не вполне осмысленное стремление «подогнать» аргументы под заранее определенный вывод.

Книга Владимира Булдакова «Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года» уже в самом названии фиксирует обращение к оптике эмоциональности для интерпретации событий февраля — октября 1917 г. в России. Автор и в прошлом работал со схожей тематикой⁴. Если посмотреть на список работ В. П. Булдакова, посвященных изучению эмоций, то можно предположить, что автор хорошо разбирается в методологии истории эмоций, а книга «Страсти революции», вышедшая в 2024 г., представляет собой работу, которая зиждется на качественной доказательной базе. Очевиден и предполагаемый интерес со стороны читателя — нельзя не признать, что тема эмоций (или страстей, как это формулирует автор) действительно позволяет более полно увидеть картину революционного 1917 г. в России.

Отметим, что книга выпущена в рамках научно-популярной серии «Что такое Россия?» и адресована, как замечает сам

- 2 См. об этом: Ortony A. Are All “Basic Emotions” Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. № 17(2). P. 1-21.
- 3 Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 4.
- 4 См.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930. М.: РОССПЭН, 2012; Он же. Слухи, эмоции, большевизм // *Вестник Тверского государственного университета*. 2023. № 3. С. 5-21; Он же. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918-1920 гг.) // *Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922*. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 321-337.

В. П. Булдаков, «читателю, далекому от академических штудий»⁵. С одной стороны, это вполне оправдывает свободу автора в выборе простоты изложения материала и весьма скромную для такой работы библиографию (14 работ от 10 авторов). С другой стороны, обращение к истории эмоций все-таки обязывает прибегнуть к устоявшейся методологии и, возможно, терминологии, не полагаясь на личную интуитивную интерпретацию тех или иных понятий и терминов. Автор также едва ли свободен здесь от обязательства обращаться к профильным работам по указанной теме, пусть даже они не представлены — в рамках формата книги — в библиографическом списке.

Работа В. П. Булдакова, состоящая из более двух десятков глав, выстраивается вокруг ключевого тезиса, согласно которому в период сильных потрясений для общества на первый план выходит эмоциональная составляющая и эти коллективные эмоции определяют поведение социума.

Начало повествования, озаглавленное «Переворот или саморазложение власти?», завязано на событиях февраля 1917 г., где автор исследует причины февральской революции и падения самодержавия. По мнению Булдакова, «уловить подлинный смысл событий не удастся до сих пор»⁶. За этим следует череда глав об основных акторах событий 1917 г. — от Николая II и А. Ф. Керенского до солдатских комитетов, Петроградского совета и Съезда рабочих и солдатских депутатов. При этом, описывая события от февраля к октябрю, автор предлагает читателю рассуждение о том, что «власть формировалась методом своеобразного “напыления” достаточно случайных людей на призрачные символы»⁷.

Разворачивая хронологию событий, Булдаков перемещается и в тематическом отношении. В книге можно обнаружить отдель-

5 Булдаков В.П. Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 14.

6 Там же. С. 27.

7 Там же. С. 48.

ную главу, посвященную описанию расправ над представителями так называемой контрреволюции (глава «Мартовские расправы»), где центральное внимание сосредоточено на коллективных эмоциях масс и анализе ожесточения людей в марте 1917 г. Автор предметно останавливается на офицерах как социальной группе, наиболее пострадавшей в этих столкновениях. В книге есть страницы о национальном вопросе — в главе «Переокраска фасада власти» Булдаков повествует о событиях весны — лета 1917 г. в Киеве и «украинизации» как политических сил, так и войск в регионе. Имеет место и попытка анализа политической риторики эпохи (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский и др.) как движущей силы радикализирующихся масс (главы «Пасхальный сюрприз Ленина», «Нищета “государственных” умов» и «Призрак военной контрреволюции»).

Итоговые главы предсказуемо посвящены событиям октября 1917 г., приходу к власти большевиков и той фрустрации (в формулировке автора — «тревожному раздумью»⁸), которая наступила после падения Временного правительства. Булдаков описывает ощущения современников сразу после «большевистского переворота», обращаясь к рассмотрению эмоционального аспекта. В заключение автор рассуждает об «исторической психике народа» и фактически назначает разгул страстей и главной причиной, и основным содержанием революционных событий 1917 г.

В процессе чтения книги у читателя возникают вопросы, количество которых нарастает по мере продвижения по тексту. Введение имеет весьма претенциозное заглавие, указывающее на то, что мы не знаем, не можем осмыслить собственной истории, — «Почему мы не понимаем своего прошлого?». Далее читатель встречает набор разнородных высказываний относительно истории как науки в целом и революционном 1917 г. Так, автор указывает, что «мы пребывали во власти надуманного идеологи-

8 Там же. С. 261.

ческого клише... старые идеологические подпорки из области социально-экономической и политической истории сохранились... С их помощью продолжается оболванивание обывателей»⁹. Булдаков подробно рассуждает о роли эмоций для исторического познания. «Историю мы “потребляем”, выкрасив ее в цвета *нашего* (здесь и далее курсив оригинала. — *Прим. авт.*) сегодняшнего бытия и нынешних эмоционально-этических предпочтений. По меркам современности идеи революции кажутся нам нелепыми, ценности — ложными, страсти — поддельными»¹⁰. Возможно, такое суждение уместно в рамках обывательской логики, но для любого исследователя очевидна ограниченность таких воззрений. Эмоции, безусловно, играют важную роль в восприятии прошлого, но историческое познание требует учета контекста, в котором возникали идеи, ценности и мотивации людей прошлого. Историк должен стремиться к пониманию логики эпохи, а не проецировать на нее современные взгляды и оценки. Именно это позволяет избежать анахронизмов и раскрывает сложность исторических процессов. При этом Булдаков пытается изучить эмоции прошлого на основе чувственного подхода: «Единственный способ преодолеть этот недостаток — вчувствоваться в прошлое, проникнуться страстями людей *того* времени. Это не столь сложно, если попытаться охватить основную массу личных свидетельств очевидцев, не разделяя их на “наших” и “чужих”»¹¹. Очевидно, перед нами человек, не знакомый с методологией истории эмоций и не осведомленный о таких понятиях, как «эмоциональный режим»¹² и «эмоциональное сообщество»¹³.

9 Там же. С. 9.

10 Там же. С. 10.

11 Там же. С. 11.

12 Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

13 Rosenwein B.H. *Worrying about Emotions in History*/*The American Historical Review*. Vol. 107. 2002. P. 842.

Основная часть работы начинается с реплики В. П. Булдакова, что «всякую революцию сопровождает особая психическая аура»¹⁴. Это утверждение далее не получит своего развития — автор либо стремится создать для читателя атмосферу непостижимости и загадочности хода исторических событий, либо подталкивает читателя к восприятию русской революции в конспирологическом ключе. Вот лишь несколько примеров.

На протяжении всего текста Булдаков занимается упрощениями, зачастую искажающими смысл тех или иных политических теорий, в частности марксизма. По его мнению, «согласно “единственно верной” марксистской теории, империалистический мир объективно двигался к собственной гибели — оставалось только помочь ему в этой “исторически-прогрессивной” задаче за его же деньги»¹⁵. Но ведь деньги в марксистской теории — это форма меновой стоимости, зависящая от затрат труда, а капитал формируется за счет отъема «империалистическим миром» прибавочной стоимости. Таким образом, у «империалистического мира» не могло быть его собственных денег — это были деньги, отнятые у рабочего класса. В некоторых ситуациях автор открыто манипулирует фактами и настойчиво навязывает читателю свою точку зрения. Например, Булдаков утверждает: «Новые идолы выросли из людского воображения, навеянного опытом былого авторитаризма и навязанного им общинного самоуправления»¹⁶. Заметим, что общинное самоуправление являлось вполне органичным и естественным механизмом управления для традиционной крестьянской среды, откуда выходили рабочие, частично переносившие принципы общинности в новую среду. Логично, что не воображение, а именно условия материальной жизни лежали в основе социальных установок этих людей. Одновременно с этим встречаются моменты, когда В. П. Булдаков, сам охвачен-

14 Булдаков В. П. Страсти революции. С. 15.

15 Там же. С. 174.

16 Там же. С. 48.

ный неведомой стихией эмоционального хаоса, впадает в непоследовательность и, высказывая один тезис, уже через несколько страниц опровергает его, забыв о том, что написал ранее. Так, рассуждая об управлении революционными событиями и лидерах революции, автор пишет: «Ротация революционных лидеров происходила вовсе не по уму и талантам мирного времени. Они словно взлетали на людских эмоциях, которые со временем сдували их с политической сцены»¹⁷. Тезис, как представляется автору, хорошо описывает столь важную для него ключевую роль эмоций масс в управлении революцией. Но буквально через несколько предложений Булдаков уже пишет о том, что «в Исполкоме Совета преобладали и идейно господствовали меньшевики. Это приобрело поистине роковое значение для судеб революции — направлять ее ход взялись упорные и искренние политики доктринерского склада»¹⁸. Такие противоречия «рассыпаны» по тексту во множестве.

В угоду «картинке», создаваемой в голове читателя, Булдаков нарочито создает образы чрезмерной жестокости: «Поражало ожесточение восставших. ... жертвы расправ чаще погибали от рубленых и огнестрельных ран головы, штыковых ран в область живота и груди»¹⁹. С тезисом о шокирующей жестокости этих расправ едва ли можно согласиться — ведь такие раны наносились солдатами, профессионально обученными штыковому бою, обращению с холодным оружием и стрельбе, а значит, жертвы не подвергались каким-либо намеренным истязаниям. Автор продолжает нагнетать ощущение жестокости, используя и неординарные примеры. Таково, например, описание убийства генерал-майора П.А. Носкова, названное «жуткой кровавой акцией». Булдаков утверждает, что это убийство «отдавало жуткой символикой» — ведь «генерала вызвали солдаты “для объяснений”», едва он успел

17 Там же. С. 51.

18 Там же.

19 Там же. С. 69.

открыть рот, чтобы поздороваться, как туда влетела винтовочная пуля»²⁰. Сам автор далее по тексту замечает, что, «возможно, убийство Носкова было связано с тем, что накануне тот вместе с французским полковником убеждал членов полковых комитетов готовить солдат к предстоящему наступлению», таким образом, погибший не был случайной жертвой, а фронтовики не были подвержены эмоциональности. Последние действовали по согласованному плану, целью которого было спасение собственных жизней.

В книге Булдаков конструирует и образ революционера. И он также оказывается увязан с эмоциональной сферой. Показательно следующее утверждение автора книги: «Обмороки не только вождей революции, но и их слушателей, действительно, были нередким явлением. Ораторы то и дело впадали в состояние, близкое к трансу, одинаково характерное и для жрецов доисторических времен, и для лидеров тоталитарных сект»²¹. Здесь В. П. Булдаков, конечно, подкрепляет художественный образ «революционера-жреца». Предсказуемо эмоционален и вождь революции — автор постоянно указывает на использование В. И. Лениным приемов и средств, позволяющих ввести в заблуждение и склонить людей на свою сторону с помощью ложных теоретических рассуждений, основанных на логических ошибках («Ленин инстинктивно отверг логику своего рационального времени ради логики торжествующего хаоса»²²).

Вообще логика не дает покоя автору на протяжении всей книги, он всячески пытается дискредитировать ее перед читателем и указать на то, что на самом деле все события 1917 г. происходили хаотично и эмоции были здесь главной движущей силой. При этом в доказательство своих слов В. П. Булдаков приводит воспоминания сатирика А. Т. Аверченко. «Он посетил ряд ми-

20 Там же. С. 123.

21 Там же. С. 93.

22 Там же. С. 237.

тингов и выявил, что в основе речей большевистских ораторов лежит единая матрица: с помощью искусственной логической цепочки у слушателя вызывалась нужная эмоциональная реакция. Аверченко описывал это так: поначалу следовало произнести какую-нибудь общеизвестную банальность: “Волга впадает в Каспийское море”; затем подпустить сомнение: “Справедливо ли это?”; наконец, прояснить вопрос: “Пролетарская Волга впадает в буржуазное Каспийское море”. После этого можно было декларировать: “Довольно многострадальной Волге питать разжиревшее Каспийское море!.. Да здравствует самоопределение Волги, да здравствует Третий Интернационал!” Увы, это было действительно так: логика идейных революционеров резонировала с психозом “обиженных” людей²³. При всей меткости высказываний Аверченко достаточно ли нам для понимания политической риторики большевиков указания на то, что она «резонировала с психозом “обиженных” людей»? И почему искусственная логика, помноженная на банальность, рождала отклик? Очевидно, все существенно сложнее, чем полагает автор. Впрочем, в литературе, которую Булдаков не использует, ответы на эти вопросы есть²⁴.

Порой автор делает бездоказательные выводы. Рассуждения о процессах начала XX в. сопровождаются тезисами о возможности оценки развития российского общества через анализ роста коллективной эмоциональности: «Увеличивалось количество людей с замутненным сознанием и спутанными страстями. Возросла “стадная” эмоциональность, а заодно и безрассуд-

23 Там же. С. 239.

24 См, например: Болтунова Е. М., Лаптев А. К., Ломов Н. А. Каторга и рождение новой политической риторики: анализ корпуса писем политических заключенных начала XX века // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 294-314; Карпи Г. Политический язык Ленина. Идиома «партийность» // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 38-60; Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605-617.

ность человека толпы»²⁵. Текст изобилует оценочными выражениями, которые отражают отношение автора к изучаемым событиям: «управленческий психоз»²⁶, «психология корпоративного эгоизма»²⁷, «крайне размытое умственное состояние»²⁸, «вирус саморазрушения»²⁹, «розоватый туман людских эмоций»³⁰. Отдельные выражения теряют всякий смысл, если рассматривать их в отрыве от художественных образов в книге, — например, «новые (подпольные) российские верхи оказались в губительной власти старых революционно-утопических самообольщений»³¹ или «массы погружались в пучину иррациональной ненависти»³². Понять, что имеет в виду автор, невозможно, как и невозможно уловить причинно-следственную связь отдельных тезисов. Так, в одной из глав В. П. Булдаков пишет: «Теоретические абстракции, непостижимым образом взаимодействуя с человеческими страстями, издавна подменяли собой в умах интеллигенции живую действительность. В годы революции это приняло крайние формы. Тем самым нагнетался ее трагический исход»³³. Как автор приходит к такому выводу? Каким образом непостижимость, о которой он говорит, может быть оценена? Схожие суждения встречаются и далее. Например, рассуждения, что «за антибольшевистскими силами стояла слабеющая инерция сомнительного порядка, а за их противниками — энергия растущего хаоса»³⁴.

В заключение книги В. П. Булдаков и вовсе приходит к выводам, близким к области конспирологии: «Фактор “психического заражения” масс отрицать невозможно — нечто подобное описы-

25 Булдаков В. П. Страсти революции. С. 10.

26 Там же. С. 18.

27 Там же. С. 41.

28 Там же. С. 59.

29 Там же. С. 60.

30 Там же. С. 198.

31 Там же. С. 112.

32 Там же. С. 204.

33 Там же. С. 119.

34 Там же. С. 256.

вали во все времена... Мало кто возьмется отрицать, что генетический материал русской революции запрятан в глубине веков, и особенности взаимоотношений власти и народа складывались на протяжении столетий»³⁵. Итоговый вывод работы сводится к тому, что «русский бунт, вырядившийся в европейские революционные одежды, не произвел ничего, кроме того болезненного выворачивания людских душ, о котором так хочется забыть»³⁶.

По сути, автор пытается рассказать «свою историю эмоционального хаоса» и крайне непрофессионально подходит к главному объекту исследования — эмоциям. Булдаков рассматривает их как нечто само собой разумеющееся, причем как для самого автора, так и для его читателя. На протяжении всей книги он избегает характеристики природы эмоций и их роли в социуме. Эмоции в книге превращаются в страсти, а те — в энергию, единое и будто бы понятное любому человеку эмоционально-иррациональное пространство. Последнее же объясняет всё и вся. Эмоции у В. П. Булдакова описываются словами Иосифа Бродского — «одинокие невротики могли провоцировать массовые психозы»³⁷. Большого, например, обращения к научной составляющей, как кажется, автору и не надо.

Книга представляет собой набор очевидных штампов, а также научно-популярных (если не конспирологических) клише, одобренных достаточно широкой выборкой цитат из источников личного происхождения. Попытка Булдакова доказать, что у толпы есть эмоции, которые обостряются и радикализируются в кризисные периоды, выглядит довольно наивно. Об этом давно известно. Ведь история эмоций — это достаточно разработанное, активно растущее исследовательское поле, о существовании которого автор не знает.

Булдаков отвечает на все вопросы об эмоциях в истории на уровне аксиомы, выведенной к тому же из личной рефлексии.

35 Там же. С. 278.

36 Там же. С. 279.

37 Там же. С. 62.

А значит, книга может быть интересна лишь для понимания, в какую непроходимую чашу может завести исследователя выбранная им тропа, если он перестает смотреть по сторонам в поисках ориентиров и товарищей по ремеслу или, что еще хуже, решит целенаправленно их игнорировать.

Литература

1. Болтунова Е. М., Лаптев А. К., Ломов Н. А. Каторга и рождение новой политической риторики: анализ корпуса писем политических заключенных начала XX века // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 294-314.

2. Булдаков В. П. Слухи, эмоции, большевизм // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 3. С. 5-21.

3. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.

4. Булдаков В. П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918-1920 гг.) // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 321-336.

5. Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605-617.

6. Карпи Г. Политический язык Ленина. Идиома «партийность» // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 38-60;

7. Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

8. Ortony A. Are All “Basic Emotions” Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct // Perspectives on Psychological Science. 2021. Vol. 17. № 2. P. 1-21.

9. Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 297 p.
10. Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History/*The American Historical Review*. Vol. 107. № 3. 2002. P. 821-845.

References

1. Boltunova, E. M, Laptev, A. K, Lomov, N. A. (2023) “Katorga i rozhdenie novoy politicheskoy ritoriki: analiz korpusa pisem politicheskikh zaklyuchennykh nachala XX veka” [Penal Servitude and the Birth of a New Political Rhetoric: An Analysis of a Corpus of Letters from Political Prisoners in the Early 20th Century], *Imagologiya i komparativistika*, 20, pp. 294-314.
2. Buldakov, V. P. (2023) “Sluhi, emocii, bol'shevizm” [“Rumors, emotions, Bolshevism”], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 3, pp. 5-21.
3. Buldakov, V. P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast'. Psihosocial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time]. Moscow: ROSSPEN.
4. Buldakov, V. P. (2020) *Emotsional'nye narrativy Grazhdanskoj vojny v Rossii (provintsial'naya gazetnaya poeziya, 1918-1920 gg.)/Grazhdanskaya vojna v Rossii. Zhizn' v epohu sotsial'nyh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917-1922* [Emotional Narratives of the Russian Civil War (Provincial Newspaper Poetry, 1918-1920)/The Russian Civil War. Life in the Era of Social Experiments and Military Trials, 1917-1922]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Kalinin, I. A. (2018) “Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii” [“How Lenin's Language Is Made: The Material of History and the Method of Ideology”], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 15 (4), pp. 605-617.
6. Karpi, G. (2021) “Politicheskij yazyk Lenina. Idioma ‘partynost’” [“Lenin's Political Language. The Idiom ‘Partyism’”], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5 (171), pp. 38-60.

7. Plamper, Ya. (2018) *Istoriya emotsiy [History of emotions]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Ortony, A. (2021) “Are All ‘Basic Emotions’ Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct”, *Perspectives on Psychological Science*, 17 (2), pp. 1-21.
9. Reddy, W. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Rosenwein, B. H. (2002) “Worrying about Emotions in History”, *The American Historical Review*, 107 (3), pp. 821-845.

Павел Филин

Рецензия на книгу:

Бруно Э. Природа советской власти.

Экологическая история Арктики.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. 344 с.

Филин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арктических исследований Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, заместитель директора Арктического музейно-выставочного центра (Санкт-Петербург).

pfilin@yandex.ru

Filin Pavel Anatol'evich, PhD (History), Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (*Kunstkamera*) Russian Academy of Sciences, Deputy Director Arctic Museum and Exhibition Center.

pfilin@yandex.ru

Занимаясь историей освоения Арктики как с позиций историка, так и этнографа, я не мог пройти мимо книги профессора исторического факультета Университета Северного Иллинойса США Энди Бруно под названием «Природа советской власти. Экологическая история Арктики». Книга увидела свет в 2016 г., переведена на русский язык и в 2024 г. опубликована издательством «Новое литературное обозрение»¹.

Ознакомившись с первой главой книги «Природа и власть на Советском Севере», которая, по сути, представляет собой

1 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. М.: Новое литературное обозрение. 2024. 344 с.

постановку задач и методологическое вступление, я был очень воодушевлен и даже заинтригован обещаниями, которые были даны автором. Так, автор утверждает: «Эта монография является первым исследованием, которое полностью принимает во внимание живые и неживые элементы природного мира как участников драмы советской истории. Живые организмы и неодушевленные материальные предметы не просто пассивно действуют в ней как объекты, но и играют роль субъектов этой истории. Я опираюсь на работы большого круга теоретиков, которые показали на примерах, как насекомые, бактерии, органические и неорганические отходы, реки, осадки и животные вторгались в историю, которая до этого интерпретировалась как продукт исключительно человеческой деятельности»².

Мне очень импонировала обозначенная здесь попытка подать исторические сюжеты в «этнографическом исполнении» путем привлечения методов социальной антропологии, в частности разработок Бруно Латура, который убедительно и с большим талантом показал роль «нечеловеков», «неживых акторов»³ в социальной ткани человеческих сообществ, придя к формированию акторно-сетевой теории⁴. Пожалуй, что применение идей «агентности» и «нечеловеческих акторов» к концепции «экологической истории»⁵ является новаторской «оптикой», в связи с этим было

- 2 Бруно Э. Природа Советской власти. Экологическая история Арктики. С. 19.
- 3 Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей. Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С.199-222.
- 4 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- 5 См. обзоры по методологии «экологической истории»: Сибиряков И.В. Экологическая история России: в поисках своего пути // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 49-55; Дурновцев В.И. «Environmental history» как «экологическая история» (историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 10-19;

любопытно проследить способ ее применения. Из аннотации мы узнаем, что «перед читателем книги предстает история двух взаимосвязанных процессов: пока советская власть переделывала природу, природа переделала советскую власть»⁶. Ну что же, очень интересные предпосылки для исследования.

Увы, дальнейшее погружение в текст принесло полное разочарование. Пожалуй, эта книга — яркая иллюстрация того, как работает концепция американского философа Леонарда Орра про Думающего и Доказывающего, известная как «Закон Орра»: чтобы ни подумал ваш Думающий, Доказывающий всегда найдет способ доказать⁷. Собственно, в концепции ничего принципиально нового — человек, имея определенные взгляды, стремится подгонять под них факты, избегая и не замечая те, что этим взглядам противоречат.

Первые сомнения в объективности подходов Э. Бруно закрались у меня еще при взгляде на название книги. Название действительно громкое, с претензией на масштаб (экологическая история Арктики), многозначность и некоторую игру слов (природа советской власти). В реальности речь в книге идет только о Кольском полуострове и никак не затрагивает другие районы Арктики. Э. Бруно даже не делает попытку аргументировать, насколько применимы результаты анализа по данной территории для других районов Арктики. В отсутствие такой аргументации не может не вызывать недоумения, что в названии заявлена «вся Арктика». С природой советской власти еще сложнее. Чувствуется, что автор пытается играть словами, рассматривая природу как часть советской власти и советскую власть как часть природы. Постановка вопроса (или, может быть, моя интерпретация того, что подразумевал автор?) интересная, но вот воплощение этой

Lajus Yu. Environmental History in Russia and about Russia // Environment and History. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 627-630 и др.

6 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. С. 1.

7 Уилсон Р.А. Психология эволюции. М.: Издательский дом «София». 2006. С. 27.

идеи дальше заголовка найти не удалось. Конечно, автор затронул некоторые стороны «природы» Советской власти, но сформулировать какой-то новый и системный взгляд на данную проблему в книге не получилось.

Впрочем, отвлечемся от ложных надежд, которые сулит название книги, и проследуем за автором, чтобы рассмотреть некоторые из важнейших его постулатов и размышлений.

Один из разделов книги автором назван «Дуалистическая концепция природы». Читаем: «На протяжении всего XX века человеческие акторы на Кольском Севере пытались понимать природную среду при помощи двух частично взаимосвязанных, но все же четко различавшихся способов»⁸. Интересно, а каких еще, помимо человеческих, акторов имел в виду автор, которые могли бы пытаться понять, осмыслить природную среду? В голове рисуется совершенно фантазмагорическая картина нечеловеческих акторов, обладающих мышлением и сознанием. Отличный сюжет для научно-фантастического романа. Но двигаемся дальше.

По мнению автора, «одна идея была в большей степени основана на антагонизме. Она опиралась на представления о мире природы как о поле битвы: в нем находится множество препятствий, которые можно преодолеть только с помощью военных действий. Другой взгляд был потенциально гораздо более благоприятным для природы. Он подчеркивал дружелюбное отношение к природе, а именно поддерживал представление о том, что экономическая деятельность может приводить к взаимному улучшению и человечества, и всего, что его окружает»⁹. Отметим, что рассуждение довольно интересное, но вводится автором, как говорится, «в лоб», без пояснений: кто, какие силы, кто из «человеческих акторов» продвигали эти идеи и были ли они

8 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. С. 24.

9 Там же.

универсальными? Что мыслили-думали, например, поморы-промышленники, так же и то же, что и специалисты-исследователи? Или чиновники? Или автор имеет в виду «государственные умы»? О ком речь? Автор не дает нам никаких разъяснений. Читателю явно было бы проще, если бы автор обозначил этих «человеческих акторов», от лица которых мы слышим эти идеи.

Тем не менее, предложенная автором дуалистическая «растяжка», действительно, заставила меня помыслить: а как воспринимали природу те или иные акторы в разные периоды истории? На мой взгляд, это могло бы быть очень интересным исследованием, которое пока не состоялось. Не углубляясь в тему, благодаря рефлексии над этой книгой, я вдруг ясно увидел свое собственное понимание взаимодействия человека и природы на Севере. Мысли и деятельность «человеческих акторов» относительно природы, похоже, имели глубоко христианские корни и исходили они из двух позиций — ветхозаветной и новозаветной. Ветхозаветная формулировалась так: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле...»¹⁰. Человек — это хозяин планеты, разумно распоряжающийся ее богатствами. Новозаветная позиция шла от идеи Преображения — преобразования Человека и Природы. Причем эти идеи отнюдь никуда не делись в Советском государстве, формально объявившем войну христианству. Только Преображение мыслилось теперь не как дело Бога, а как дело Человека. В предложенной читателю книге мы не увидим и намека на то, что базовые христианские принципы могли как-то влиять на мысли и деятельность «акторов» относительно природы. В книге, напротив, развивается глубоко секулярный, «рациональный» взгляд на взаимодействие человека и природы.

В последующих главах автор пытается показать, как попеременно проявлялось то воинственное, то «холистическое»

10 Бытие 1, гл. 28-30.

отношение «человеческих акторов» к природе. Так, в главе, посвященной строительству Мурманской железной дороги, автор пишет, что «типичными были описания строительства... как борьбы с жестокой и первобытной северной природой и непрерывной битвы за базовые условия существования», и в целом подает этот процесс как проявление стратегии «битвы за Север» еще в дореволюционное время. Такие представления о природном мире, по мнению автора, несомненно, отличались от прежнего энтузиазма, с которым природа виделась как источник богатств и больших возможностей для человека¹¹. Однако именно здесь мы сталкиваемся с Думающим и Доказывающим. Если внимательно отнестись к изучению источников, совершенно нетрудно найти факты, опровергающие данный постулат автора. Так, в архиве Русского географического общества имеется любопытная записка специалиста по лесному хозяйству А. А. Битриха¹², относящаяся к периоду строительства железной дороги: «Кольский-Кемский край, интересующий в настоящее время всю следящую за развитием России часть нашего общества, представляет собою сравнительно мало изученную огромную область, будущее которой, в связи с открытием Мурманской железной дороги, сулит нашему отечеству самые разнообразные перспективы и обещает создание новой арены для приложения труда, капитала и творческой энергии. Экономический рост нашей северной окраины дает надежду, что в скором будущем эта terra incognita с ее лесами, горными и рыбными богатствами, с ее неисчерпаемыми источниками водяной энергии будет включена в круговорот тех ценностей, которые создаются и видоизменяются деятельностью человека, вооруженного всеми чудесами

11 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. С. 79.

12 Немного о А. А. Битрихе: Силин В. И. А. А. Битрих и лесоводство Европейского Севера // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2018. № 6 (366). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-bitrih-i-lesovodstvo-evropeyskogo-severa> (дата обращения: 16.03.2025).

современной науки, техники и знания»¹³. Как видим, и в ходе строительства Мурманской железной дороги некоторым акторам было не занимать энтузиазма.

Описывая период 1920-х гг., период НЭПа, «время большей свободы и плюрализма», Э. Бруно в противовес военному подходу делает акцент на комплексном развитии Кольского Севера: «В конечном итоге чиновники, ответственные за строительство Мурманской железной дороги, сотрудники нового Государственного колониального научно-исследовательского института, представители военного и транспортного наркоматов лоббировали план превращения дороги в полноценный инструмент для развития»¹⁴.

В 1930-е гг., напротив, по мнению автора, стал проявляться в большей степени военизированный, милитаристский подход к природе как к врагу, с которым нужно бороться. Наблюдая за мыслью Бруно, который стремится показать диалектические «качели», мы всегда можем найти факты, противоречащие концепции. Так, в 1930-е гг. комплексный «интеграционный» подход никуда не делся, а наоборот был многократно усилен и стал планомерно реализовываться. Особенно это хорошо видно на примере, который мы не найдем в книге. Речь идет о нереализованном, но хорошо проработанном проекте строительства Кольского канала, который должен был соединить Кольский залив с Кандалакшским и который мыслился не столько как исключительно транспортный проект, сколько как комплексный, позволявший по максимуму осваивать природные ресурсы края, развивать гидроэнергетику и различные производства¹⁵.

13 Архив Русского географического общества. Р-1 Оп. 1. Д. 93. Л. 1. Кольско-Кемский край, его природа и леса. URL: <https://www.prlib.ru/item/685919> (дата обращения: 16.03.2025).

14 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. С. 88.

15 Филин П. А., Емелина М. А., Савинов М. А. Арктика за гранью фантастики. Будущее Севера глазами советских инженеров, изобретателей и писателей. М.: Паулсен, 2018. С. 53.

Любопытно, что при описании периоды развития Кольского края после войны и до современности, красивая идея дуалистических «качелей» от милитаризма к «холизму» как-то перестает работать и сходит на нет.

Сопоставляя эти установки с историческими процессами, можно заметить определенную корреляцию усиления «милитаристских» взглядов на природу с обострениями внешнеполитической ситуации. Отсюда возникает вопрос: не являются ли предвоенные и военные ситуации основной причиной появления и милитаристских взглядов на природу? Об этом в книге ничего нет и даже не делается такое очевидное предположение. В целом на этом примере заметна попытка «подобрать» факты, удобные для доказательства собственных идей, и избегать тех фактов, которые не вписываются в концепцию.

Любопытно, что Э. Бруно, обосновывая дуализм подхода к природе — «военного» и «холистического», формулирует такой постулат: «каждое из этих убеждений оказало свое влияние на то, как советская власть относилась к окружающей среде Кольского края. Агрессивные представления способствовали возникновению значительной части краткосрочных разрушительных проектов в первой половине столетия, в то время как интеграционистские взгляды часто вдохновляли на такие действия, которые приводили к долговременному давлению на природный мир»¹⁶. К такому постулату даже не знаешь, как подступиться. Звучит почти как закон, но вот работает ли он? И не перевернуто ли здесь все с ног на голову? Что автор считает «разрушительными проектами»? Относится ли к таковым строительство Мурманской железной дороги? В рассуждениях Э. Бруно, утверждающего это, сквозит странная логика, которая как будто исходит из стремления увидеть природу как актора истории. Видимо, автор смотрит на Мурманскую железную дорогу глазами рыбы, которая не может плыть из-за сооруже-

16 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. С. 24.

ной плотины, или представляет себя болотом, которое осушили в ходе строительства. В подобных рассуждениях видится не столько развитие, сколько вульгаризация акторно-сетевой теории Б. Латура и его представлений о «нечеловеках».

Пытаясь представить природу как актора истории, автор ищет примеры, где природа, «материальность», оказывала сопротивление, и таким образом накладывала ограничения на результаты управленческих решений и в конечном итоге, задавала сами границы советской власти. Как теоретическое рассуждение такая постановка вопроса интересна, но вот его решение на страницах книги выглядит довольно слабо и неубедительно. Например, читаем в книге: «Академия наук и промышленники дополнительно поддержали в 1930 году исследования хибинских комаров. Руководитель этих исследований Владимир Фридолин писал, что насекомые были одним из самых больших препятствий для колонизации края [...] Однако основным выводом этого исследования было то, что хибинские комары не являются переносчиками малярии. Так холод смягчил угрозу распространения заболевания»¹⁷. Очень странная интерпретация исследований В. Фридолина. Отнюдь не этот вывод (за отсутствием самой проблемы малярии в Арктике) являлся важным в работе известного энтомолога. Открываем первоисточник и понимаем, что Фридолин видел свою задачу предельно четко, что и изложено в его статье: «мысль направляется в сторону изыскания возможностей избавиться от этого бича [...] Но чтобы приступить к борьбе с комаром, нужно было знать — где, когда и как он живет и как себя ведет в разных случаях»¹⁸. Данная фраза почему-то ускользнула от внимания Э. Бруно.

Но суть дела, конечно, не в комарах. Рассказывая о «сопротивлении» природы и таким образом ее «проявлениях» как акто-

17 Там же. С. 113.

18 Фридолин В. Ю. Изучение насекомых Хибинских гор в связи с вопросом о колонизации края // Хибинские апатиты/ред. А. Е. Ферсман. Л.: ОНТИ ВСНХ СССР Ленхимсектор, 1932. Т. 2. С. 488.

ра, загрязнениях, вырубках лесов и перегораживаниях рек, автор как-то совсем упускает из виду другую сторону природы как «актора». А что он, этот «актер» давал государству? Неужели только играл «в минус», накладывая ограничения? Может быть, имеет смысл говорить о «балансе» того, что природа давала, и того, что «ограничивала»? Почему в книге речь идет только об ограничениях? Автор пишет, что «взаимодействия с природным миром сделали возможным индустриальный образ жизни и в то же время сорвали воплощение в жизнь обещаний социализма. Сама природа была участником коммунистического проекта»¹⁹. Если исходить из этого постулата, то нужно было бы в равной степени показать, какие природа давала возможности и какие накладывала ограничения. В книге фантастический рост населения и промышленности Кольского Севера в XX в. показан как само собой разумеющийся, почти как фон, что выглядит, по меньшей мере, странно.

В целом, в книге практически не найти новых фактов и исторических деталей — фактура, с которой работает Э. Бруно, более-менее хорошо знакома исследователям и специалистам по истории Кольского Севера. Новое проявляется в попытках интерпретировать, посмотреть на вопрос сквозь очередную методологическую «оптику». Вот только эвристическая ценность сделанных выводов вызывает серьезные сомнения. Скорее мы имеем дело с очередной малоудачной попыткой «рефрейминга» истории Арктики.

Литература

1. Дурновцев В. И. «Environmental history» как «экологическая история» (историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 10-19.
2. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери

19 Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. С. 16.

// Социология вещей. Сборник статей. Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С. 199-222.

3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

4. Сибиряков И. В. Экологическая история России: в поисках своего пути // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 49-55.

5. Силин В.И. А. А. Битрих и лесоводство Европейского Севера // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2018. № 6 (366). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-bitrih-i-lesovodstvo-evropeyskogo-severa> (дата обращения: 13.07.2024).

6. Филин П.А., Емелина М.А., Савинов М.А. Арктика за гранью фантастики. Будущее Севера глазами советских инженеров, изобретателей и писателей. М.: Паулсен, 2018. 247 с.

7. Lajus Yu. Environmental History in Russia and about Russia // Environment and History. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 627-630.

References

1. Durnovtsev, V. I. (2017) ““Environmental history” kak “ekologicheskaiia istoriia” (istoriograficheskie zametki)” [““Environmental History” as “Ecological History” (Historiographic Notes)”, *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6 (51), pp. 10-19.

2. Filin, P. A., Emelina M.A., Savinov M.A. (2018) *Arktika za gran'iu fantastiki. Budushchee Severa glazami sovetskikh inzhenerov, izobretatelei i pisatelei* [The Arctic Beyond Fantasy. The Future of the North Through the Eyes of Soviet Engineers, Inventors, and Writers]. Moscow: Paulsen.

3. Lajus, Yu. (2017) “Environmental History in Russia and about Russia”, *Environment and History*, 23, 4, pp. 627-630.

4. Latur, B. (2006) “Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiiia odnoi

dveri” [“Where is the Missing Mass? Sociology of one door”], in *Sotsiologiya veshchei*/ed. by V. Vakhshtain [*Sociology of Things*/ed. by V. Vakhshtain]. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriiia budushchego», pp. 199-222.

5. Latur, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktor-no-setevuiu teoriuu* [*Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.

6. Sibiriakov, I. V. (2024) “Ekologicheskaiia istoriia Rossii: v poiskakh svoego puti” [“Ecological History of Russia: in Search of its own Path”], *Vestnik IuUrGU*. Seriiia: Sotsial'no-gumanitarnye nauki, 3, pp. 49-55.

7. Silin, V. I. (2018) “A. A. Bitrikh i lesovodstvo Evropeiskogo Severa” [“A. A. Bitrich and Forestry of the European North”], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Lesnoi zhurnal*, 6 (366). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-bitrih-i-lesovodstvo-evropeyskogo-severa> (date of access: 13.07.2024).

Дмитрий Апальков

Рецензия на книгу:

Жлевнюк О., Горлицкий Й. Секретари.

Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. 588 с.¹

Апальков Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». dapalkov@hse.ru

Apal'kov Dmitry Igorevich, PhD (History), Researcher Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University). dapalkov@hse.ru

Проблематика, связанная с советскими практиками регионального управления, не является новой для исследователей советской эпохи. Эта тема имеет давнюю традицию изучения как в зарубежной, так и в отечественной историографии².

- 1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.
- 2 Среди наиболее важных исследований в этой области можно выделить: Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958; Hough J. F. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-Making. Cambridge, 1969; Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia/ed. by T. H. Rigby, B. Harasymiv. London, 1983; Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928-1941/ed. by E. A. Rees. Basingstoke, Hants.; New York, 2002; Rutland P. The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management. Cambridge, 2009; Grybkauskas S. Governing the Soviet Union's National Republics: The Second Secretaries of the

Тем не менее выход монографии профессора Высшей школы экономики О. В. Хлевнюка и его коллеги из Манчестерского университета Й. Горлицкого следует считать событием для ученых-историков и всех интересующихся советской историей. Впервые это исследование было опубликовано издательством Йельского университета в 2020 г.³, а в прошлом году оно вышло в обновленной и переработанной версии на русском языке.

Интересен сам подход к постановке проблемы, использованный авторами исследования: региональных руководителей они рассматривают в качестве автократов нижнего уровня. Такой подход предоставил им возможность применять методологию теории диктатур⁴, анализируя действия лидеров местных партийных организаций с точки зрения решения ими задач авторитарного контроля («как предотвратить выступления низов»)

Communist Party. New York, 2021; Агарев А. Ф. Трагическая авантюра: Сельское хозяйство Рязанской области 1950-1960 гг. А. Н. Ларионов, Н. С. Хрущев и другие: документы, события, факты. Рязань, 2005; Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006; Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007; Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве. 1920-1939. М., 2011; Карелин Е. Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917-1937 гг.). М., 2014; Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018.

- 3 Gornizki Y., Khlevniuk O. *Substate Dictatorship: Networks, Loyalty and Institutional Change in the Soviet Union*. New Haven, 2020. Книга вызвала значительный интерес, о чем свидетельствует ряд посвященных ей рецензий (см., напр.: Raleigh D. J. *Pillars of the Soviet Dictatorship at the Local Level // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2022. Vol. 23. № 2. P. 379-388; Fortescue S. *Review of Substate Dictatorship by Y. Gornizki and O. Khlevniuk // Eurasian Geography and Economics*. 2022. № 65(5). P. 689-691; Kokosalakis Y. *Review of Substate Dictatorship by Y. Gornizki and O. Khlevniuk // Slavic Review*. 2023. Vol. 82. № 2. P. 550-551).
- 4 Методология исследования в значительной степени опирается на подходы, предложенные М. В. Своликом (см.: Svolik M. W. *The Politics of Authoritarian Rule*. New York, 2012).

и разделения власти («как поладить с другими членами региональной сети»)⁵.

Период, охваченный исследователями в данной работе, составляет несколько десятилетий, начиная с 1930-х гг. и заканчивая эпохой Л. И. Брежнева. Такие хронологические рамки позволяют проследить долгосрочные изменения в механизмах функционирования советского политического режима на региональном уровне, а именно то, каким образом руководящие сети, формировавшиеся вокруг региональных партийных секретарей, со временем трансформировались в более сложную систему отношений, которую авторы монографии называют «партийными губернаторствами».

Особенности функционирования региональных номенклатурных сетей авторы раскрывают последовательно, придерживаясь хронологического подхода, что задает структуру всей монографии. Работа разделена на четыре части, каждая из которых соответствует ключевым историческим периодам: эпохе И. В. Сталина, краткому «междущарствию» после его смерти, периоду правления Н. С. Хрущева и времени руководства Л. И. Брежнева. Такая структура работы позволяет проследить эволюцию руководящих сетей в контексте политических изменений, происходивших в стране.

В начале первой части монографии дается общая характеристика поколения партийных секретарей, пришедших к власти в результате Большого террора. Как справедливо подчеркивают авторы, изучение этого поколения советской элиты представляет особый интерес, поскольку именно оно, несмотря на периодические чистки, сохраняло свои позиции у власти вплоть до 1980-х гг. О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий демонстрируют ключевое различие между условно «первым» и «вторым» поколениями сталинских секретарей. Если представители первого поколения, несмотря на соблюдение партийной дисциплины и верность «генеральной линии партии», оставались носителями старых партийных

5 Хлевнюк О., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М., 2024. С. 381.

традиций, связанных с «коллективным руководством», то «выдвиженцы 1939 года» были «абсолютно преданными функционерами, не отягощенными старым опытом»⁶.

Как мне представляется, эта фундаментальная разница, продемонстрированная авторами монографии, побуждает нас вновь обратиться к давнему вопросу историографии сталинизма относительно степени влияния региональных руководителей, уничтоженных в ходе чисток конца 1930-х гг. Можно ли считать их первым «сталинским» поколением, или же политический ландшафт СССР до Большого террора был более сложным и противоречивым? Авторы монографии в некоторой степени затрагивают этот вопрос. Отвергая крайности ревизионистской концепции, изображающей Сталина в роли «слабого диктатора», О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий тем не менее признают, что региональных секретарей этого поколения «лишь отчасти можно было назвать сталинскими выдвиженцами»⁷.

Для понимания особенностей системы управления СССР в годы Великой Отечественной войны важное значение имеет вывод авторов о значительном укреплении позиций региональных секретарей в этот период. Об этом свидетельствуют как возросшая кадровая стабильность, так и существенное расширение их полномочий. Эта тенденция, за редкими исключениями, сохранилась и в послевоенные годы, что позволяет авторам утверждать: к моменту смерти Сталина положение региональных руководителей стало гораздо более устойчивым.

В послевоенное время региональные секретари, которых авторы монографии называют «низовыми диктаторами» с элементами личного культа, применяли разнообразные методы для укрепления своих управленческих сетей. Среди таких методов выделяются манипулятивные техники, включая использование компромата, практику «неформального исключения»

6 Там же. С. 54.

7 Там же. С. 47.

(подразумевавшую изоляцию неугодных местных руководителей с последующим использованием их в качестве «козлов отпущения» в нужный момент), а также внеочередные повышения по службе.

Хотя авторы привели лишь ограниченное количество примеров, что не дает полного представления о масштабах распространности данных явлений, важно отметить, что уже сама фиксация их существования является важным шагом в систематизации сведений о методах авторитарного контроля в послевоенных региональных управленческих структурах. Можно предположить, что исследователи, работающие с региональными архивами, в будущем смогут привести больше примеров и подробностей, что позволит глубже раскрыть особенности и нюансы практик регионального управления позднего сталинизма.

Как показали О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий, региональные секретари, несмотря на значительный объем власти, находились в условиях негласной системы сдержек и противовесов. С одной стороны, им приходилось учитывать влияние директоров крупных предприятий, имевших прямой выход на Москву, а также позиции некоторых руководителей региональных органов госбезопасности. Кроме того, иногда они сталкивались с сопротивлением внутри собственного окружения, что вынуждало их идти на компромиссы. С другой стороны, давление оказывалось и снизу — со стороны низовых функционеров. В результате местные партийные выборы нередко становились площадкой для политической борьбы, где районный «актив» выражал свое недовольство авторитарными методами регионального руководства.

Завершая характеристику региональных сетей и их руководителей в послевоенный период, авторы исследуют фактор институциональных изменений. Рассматривается то, каким образом региональные секретари использовали в своих интересах практики материального стимулирования (через непрозрачное распределение премий) и «номенклатурного иммунитета» (по-

средством партийного санкционирования арестов и уголовных дел). На основе анализа привилегий региональной номенклатуры авторы делают выводы, которые углубляют наше понимание не только методов укрепления региональных сетей, но и феномена номенклатуры как особой социальной группы в советском обществе.

В последующих главах авторы раскрывают противоречия в отношениях между центром и регионами, возникавшие после смерти И. В. Сталина. С одной стороны, при Н. С. Хрущеве центр ослабил контроль в кадровых вопросах и предоставил региональным секретарям больше самостоятельности в управлении промышленностью. В период оттепели, в отличие от прежних репрессивных чисток, региональных секретарей обычно снимали с постов в рамках «мягких ротаций» (путем направления на обучение или перевода на менее престижные должности). С другой стороны, Хрущев, стремясь добиться ускорения экономического развития, часто прибегал к административному нажиму на региональных руководителей, что во многом напоминало мобилизационные механизмы, свойственные сталинской эпохе. Вместе с тем, как отмечают авторы исследования, в отличие от характерной для сталинского периода модели «низового автократа», секретари нового типа чаще выбирали путь компромиссов, занимая примирительную позицию в отношениях с руководителями районного уровня.

Особое внимание в монографии уделено роли национального фактора в республиканских сетях. О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий приходят к выводу, что использование инструментов этнической мобилизации служило важным механизмом укрепления власти руководителей союзных республик. Однако, как показывают примеры атак Хрущева на азербайджанское и латвийское руководство в 1959 г., Москва в целом сохраняла контроль над ситуацией. Хрущев активно вмешивался и ограничивал подобные тенденции, если республиканские лидеры, по его мнению, выходили за допустимые рамки в национальной политике.

Еще одна сильная сторона исследования состоит в том, что его авторы не ограничиваются описанием принципов взаимоотношений центра и регионов в хрущевский период — они подробно анализируют, как формировались предпосылки для отказа от этой модели и перехода к брежневской системе «партийных губернаторств». Ключевым моментом, который показал несостоятельность региональной политики Н.С. Хрущева, стали события начала 1960-х гг.: масштабная волна фальсификаций и приписок (включая печально известное «Рязанское дело») и последовавшая за этим радикальная чистка среди местного руководства. Эти явления не только подрывали авторитет Хрущева и общественное доверие к избранной им модели отношений с регионами, но и стали катализатором для поиска новых подходов к управлению регионам.

Проанализировав региональные сети, формировавшиеся в брежневский период вокруг «партийных губернаторов», авторы монографии заключают, что, в отличие от прежних сетей «низовых диктаторов», новая система отличалась стабильностью, большей широтой и равномерностью. «Партийные губернаторства» опирались на свод неписаных номенклатурных норм — так называемой «партийной этики», которая предполагала более уважительный формат взаимоотношений внутри сети и соблюдение принципа старшинства, то есть постепенное продвижение по карьерной лестнице (в противовес прежней практике внеочередных повышений).

В то же время авторы отмечают, что у этой стабильности, установившейся в региональных руководящих группах под началом «партийных губернаторов», была и обратная сторона — «своеобразное засорение вертикальных каналов контроля». Другими словами, «партийные губернаторства», опиравшиеся на прочные горизонтальные связи, способствовали формированию более «закрытой» и «непроницаемой» местной номенклатурной элиты, что усиливало ее независимость от центра⁸. Думается,

8 Там же. С. 378-379.

что этот вывод является важным для более глубокого понимания эпохи застоя и предпосылок перестройки. Укрепление местных номенклатурных элит и ослабление вертикального контроля создавали системные противоречия, которые в конечном итоге потребовали радикальных изменений в управлении страной.

В целом исследование О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого представляется успешной попыткой реконструкции эволюции советской власти через призму региональных управленческих структур. Монография углубляет понимание механизмов взаимодействия центра и регионов в СССР, демонстрируя, каким образом формальные институты переплетались с неформальными практиками. Авторам в полной мере удалось показать, что трансформация номенклатурных сетей — от жесткой авторитарной модели сталинской эпохи (сети «низовых диктаторов») до более устойчивой, но замкнутой системы брежневских «партийных губернаторств» — отражала ключевые изменения в политическом ландшафте СССР на протяжении нескольких десятилетий.

Теоретическая основа работы не только позволяет систематизировать большой фактический материал, но и задает вектор для дальнейших изысканий. Несмотря на то, что в монографии иногда заметна некоторая недостаточность конкретных примеров (что сужает возможности оценки масштаба рассматриваемых явлений), это обстоятельство не следует считать существенным изъяном. Напротив, такие «пробелы» стимулируют научную дискуссию: концепция авторов может быть дополнена и уточнена благодаря дальнейшим исследованиям и расширению охвата анализируемых локальных кейсов (в том числе за счет привлечения материалов региональных архивов)⁹. Книга О. В. Хлевнюка

9 В качестве одного из первых примеров подобных исследований можно привести работу, в которой доказывалось, что концепция О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого не может быть применена для анализа ситуации, сложившейся в Молдавской ССР в позднесталинский период. Это связано с тем, что роль «низового диктатора» здесь исполнял не первый секретарь республиканского ЦК партии, а глава местного МГБ

и Й. Горлицкого не только представляет собой фундаментальный труд по советской истории, но и открывает перспективы для новых исследований.

Литература

1. Агарев А. Ф. Трагическая авантюра: Сельское хозяйство Рязанской области 1950-1960 гг. А. Н. Ларионов, Н. С. Хрущев и другие: документы, события, факты. Рязань: Русское слово, 2005. 191 с.
2. Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве. 1920-1939. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 400 с.
3. Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Парт-аппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018. 310 с.
4. Карелин Е. Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917-1937 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 422 с.
5. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.
6. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2007. 294 с.
7. Casu I. Police vs. Party? Institutional Hierarchies and Agency in Soviet Moldavia, 1944-1952 // Contemporary European History. 2023. № 1. P. 79-96.
8. Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928-1941/ed. by E. A. Rees. Basingstoke, Hants.; New York: Palgrave Macmillan, 2002. 229 p.

И. Л. Мордовец (см.: Casu I. Police vs. Party? Institutional Hierarchies and Agency in Soviet Moldavia, 1944-1952 // Contemporary European History. 2023. № 1. P. 79-96).

9. Grybkauskas S. Governing the Soviet Union's National Republics: The Second Secretaries of the Communist Party. New York: Routledge, 2021. 234 p.

10. Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 494 p.

11. Fortescue S. Review of «Substate Dictatorship» by Y. Gorlizki and O. Khlevniuk // Eurasian Geography and Economics. 2022. № 65(5). P. 689-691.

12. Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate Dictatorship: Networks, Loyalty and Institutional Change in the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2020. 464 p.

13. Hough J. F. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-Making. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 416 p.

14. Kokosalakis Y. Review of «Substate Dictatorship» by Y. Gorlizki and O. Khlevniuk // Slavic Review. 2023. Vol. 82. № 2. P. 550-551.

15. Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia/ed. by T. H. Rigby, B. Harasymiv. London: George Allen, 1983. 262 p.

16. Raleigh D. J. Pillars of the Soviet Dictatorship at the Local Level // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2022. Vol. 23. № 2. P. 379-388.

17. Rutland P. The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 320 p.

18. Svoboda M. W. The Politics of Authoritarian Rule. New York: Cambridge University Press, 2012. 258 p.

References

1. Agarev, A. F. (2005) *Tragicheskaya avantyura: Sel'skoe khozyaystvo Ryazanskoy oblasti 1950-1960 gg. A. N. Larionov, N. S. Khrushchev i drugie: dokumenty, sobytiya, fakty* [The Tragic Adventure: Agriculture

in the Ryazan Region, 1950-1960. A. N. Larionov, N. S. Khrushchev, and Others: Documents, Events, Facts]. Ryazan': Russkoe slovo.

2. Baron, N. (2011) *Vlast' i prostranstvo. Avtonomnaya Kareliya v Sovetskom gosudarstve. 1920-1939* [Power and Space: Autonomous Karelia in the Soviet State, 1920-1939]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

3. Boldovskiy, K. A. (2018) *Padenie "blokadnykh sekretarey". Partapparat Leningrada do i posle "leningradskogo dela"* [The Fall of the "Blockade Secretaries": The Party Apparatus of Leningrad Before and After the "Leningrad Affair"]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

4. Karelin, E. G. (2014) *Regional'nyy mekhanizm vlasti i upravleniya Zapadnoy oblasti Sovetskoy Rossii (1917-1937 gg.)* [The Regional Mechanism of Power and Administration in the Western Region of Soviet Russia (1917-1937)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

5. Konovalov, A. B. (2006) *Partiy'naya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noy vlasti (1945-1991)* [The Party Nomenklatura of Siberia in the System of Regional Power (1945-1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

6. Chistikov, A. N. (2007) *Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [The Party-State Bureaucracy of the Northwest of Soviet Russia in the 1920s]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Evropeyskiy Dom".

7. Casu, I. (2023) "Police vs. Party? Institutional Hierarchies and Agency in Soviet Moldavia, 1944-1952", *Contemporary European History*, 1, pp. 79-96.

8. *Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928-1941*/ed. by E. A. Rees. (2002) Basingstoke, Hants.; New York: Palgrave Macmillan.

9. Grybkauskas, S. (2021) *Governing the Soviet Union's National Republics: The Second Secretaries of the Communist Party*. New York: Routledge.

10. Fainsod, M. (1958) *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge: Harvard University Press.

11. Fortescue, S. (2022) "Review of 'Substate Dictatorship' by

Y. Gorlizki and O. Khlevniuk”, *Eurasian Geography and Economics*, 65 (5), pp. 689-691.

12. Gorlizki, Y., Khlevniuk, O. (2020) *Substate Dictatorship: Networks, Loyalty and Institutional Change in the Soviet Union*. New Haven: Yale University Press.

13. Hough, J. F. (1969) *The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-Making*. Cambridge: Harvard University Press.

14. Kokosalakis, Y. (2023) “Review of ‘Substate Dictatorship’ by Y. Gorlizki and O. Khlevniuk”, *Slavic Review*, Vol. 82, 2, pp. 550-551.

15. *Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia*/ed. by T. H. Rigby, B. Harasymiv. (1983) London: George Allen.

16. Raleigh, D. J. (2022) “Pillars of the Soviet Dictatorship at the Local Level”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 23, 2, pp. 379-388.

17. Rutland, P. (2009) *The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management*. Cambridge: Cambridge University Press.

18. Svoboda, M. W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. New York: Cambridge University Press.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<https://territory.hse.ru>

Адрес издателя и распространителя:

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Издательский дом Высшей школы экономики

Тел.: +7 (495) 772-95-90 доб. 15298

E-mail: id@hse.ru

Дизайн обложки: Е.К. Богданова

Верстка: Д. Э. Холодков

Корректор: М. В. Нагришко

Сайт: М.О. Иванова

Rules for submitting articles and subscriptions can be found on the journal's website:

<https://territory.hse.ru>

Publisher and distributor address:

Myasnitskaya Str. 20, 101000, Moscow, Russia

HSE Publishing House

Tel.: +7 495 772-95-90 ext. 15298

E-mail: id@hse.ru

Cover: Ekaterina K. Bogdanova

Layout: David E. Kholodkov

Russian Proofreader: Marina V. Nagrishko

Site: Maria O. Ivanova

